

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025
1(45)

ISSN 2587-9472
Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл. № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 1 (45)' 2025

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Бабурин С. Н.,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права

*Московского университета имени С. Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик
Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии*

Заместитель главного редактора:

Голышев В. Г.,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
Московского университета им. С. Ю. Витте*

Редакционный совет:

Председатель – Бабурин С. Н., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права Московского университета имени С. Ю. Витте, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии;

Арабаев Ч. И., д-р юрид. наук, профессор, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, вице-президент НАН КР (Кыргызстан);

Баллыева Д. Ю., заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Института международных отношений МИД Туркменистана (Туркменистан);

Бандурина Н. В., д-р юрид. наук, профессор, профессор гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Букалорова Л. А., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С. Ю. Витте;

Бытко С. Ю., д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии;

Василевич Г. А., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского национального университета (Белоруссия);

Гущин В. В., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;

Давитадзе М. Д., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Землин А. И., д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, заслуженный деятель науки РФ;

Кекеновски Й., д-р полит. наук, профессор, профессор Университета Св. Климента Охридского, (Северная Македония);

Кожевников О. А., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева;

Левушкин А. Н., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Ного С., д-р юрид. наук, профессор, президент Сербской ассоциации международного уголовного права, вице-президент Пекинского Международного форума уголовного и международного уголовного права, профессор юридического факультета и заведующий кафедрой уголовного права Университета «Мегатренд», (Сербия);

Осавелюк А. М., д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Рагимов И. М., д-р юрид. наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона (Азербайджан);

Сауляк О. П., д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета;

Федюнин А. Е., д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии;

Чанхай Лун, д-р юрид. наук, профессор юридического факультета Университета Внутренней Монголии (Китай).

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Системные требования: PC не ниже класса Pentium III;
256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows
98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X
и выше; мышь.*

© ЧОУВО «МУ им. С. Ю. Витте», 2025

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

СООТНОШЕНИЕ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ КАК НАУКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	7
<i>Апольский Евгений Александрович</i>	
ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ	13
<i>Морозова Татьяна Николаевна, Никитина Татьяна Сергеевна, Слюсаренко Татьяна Валерьевна</i>	

**СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ПУБЛИЧНОГО ПРАВА**

ГЕРБ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД АБХАЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В СИМВОЛАХ БАЛАНСА И ПРОГРЕССА	22
<i>Камкия Беслан Астамурович, Камкия Фатима Гурамовна</i>	
О ПЕРСПЕКТИВАХ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	30
<i>Керимов Александр Джангирович</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

ПРИНЯТИЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ОТНОШЕНИИ ИМУЩЕСТВА ЛИЦА, НЕ ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ ДОЛЖНИКОМ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ	43
<i>Бормотов Александр Виллиевич, Носов Дмитрий Владимирович</i>	
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕЁ ОСНОВАНИЯХ	51
<i>Голышев Вадим Григорьевич, Голышева Антонина Владимировна</i>	
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ТРУДОВЫХ ПРАВ ЧЛЕНОВ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ	56
<i>Емелин Михаил Юрьевич, Николаев Борис Викторович</i>	
ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО АРЕНДАТОРА ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ	62
<i>Максуров Алексей Анатольевич</i>	
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ	71
<i>Пишина Светлана Георгиевна</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

ОЦЕНКА ЗАКЛЮЧЕНИЙ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: ОБЗОР НАРУШЕНИЙ	77
<i>Махтюк Святослав Олегович</i>	

«ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ» СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВОМ НА АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ ПРИГОВОРА	84
<i>Соловьева Наталья Алексеевна, Фантров Павел Петрович</i>	

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И РОССИИ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВА	91
<i>Аминов Илья Исакович, Дедюхин Константин Георгиевич</i>	

CONTENTS

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

THE RELATIONSHIP BETWEEN FORM AND CONTENT OF DOMESTIC POLITICAL AND LEGAL TEACHINGS AS A SCIENTIFIC PROBLEM	7
<i>Apolsky E. A.</i>	

REGULATORY IMPACT ASSESSMENT AS A WAY TO INCREASE THE EFFECTIVENESS OF REGULATORY AND LEGAL ACTS	13
<i>Morozova T. N., Nikitina T. S., Slyusarenko T. V.</i>	

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

THE COAT OF ARMS OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA AS THE CULTURAL CODE OF THE ABKHAZIAN STATEHOOD: SOCIAL ORDER IN SYMBOLS OF BALANCE AND PROGRESS	22
<i>Kamkiya B. A., Kamkiya F. G.</i>	

ON THE PROSPECTS OF RUSSIA'S CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT	30
<i>Kerimov A. D.</i>	

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

TAKING INTERIM MEASURES AGAINST THE PROPERTY OF A PERSON WHO IS NOT A DEBTOR IN A BANKRUPTCY CASE.....	43
<i>Bormotov A. V., Nosov D. V.</i>	

ON SOME ASPECTS OF FAMILY LEGAL RESPONSIBILITY AND ITS GROUNDS	51
<i>Golyshev V. G., Golysheva A. V.</i>	

PROBLEMS OF LEGISLATIVE GUARANTEES OF LABOR RIGHTS OF ELECTION COMMISSION MEMBERS	56
<i>Yemelin M. Yu., Nikolaev B. V.</i>	

PREFERENTIAL RIGHT OF THE TENANT OF PUBLIC PROPERTY: IMPLEMENTATION FEATURES.....	62
<i>Maksurov A. A.</i>	

FEATURES OF MODERN INTERPRETATION OF THE INVIOABILITY OF THE RIGHT OF OWNERSHIP	71
<i>Pishina S. G.</i>	

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

EVALUATION OF THE CONCLUSIONS OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATIONS IN CRIMINAL CASES OF IATROGENIC CRIMES: OVERVIEW OF VIOLATIONS	77
<i>Makhtyuk S. O.</i>	

THE “ABUSE” BY THE DEFENSE PARTY OF THE RIGHT TO APPEAL THE VERDICT	84
<i>Solovieva N. A., Fantrov P. P.</i>	

SPECIFIC ISSUES OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

COOPERATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA IN THE FIELD OF MEDICAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF UPDATING GLOBAL LAW	91
<i>Aminov I. I., Dedyukhin K. G.</i>	

СООТНОШЕНИЕ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ КАК НАУКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Апольский Евгений Александрович^{1,2},

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: apolski@mail.ru,

¹Московский университет имени С. Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону,

г. Ростов-на-Дону, Россия,

²Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия

Целью исследования является рассмотрение ключевых аспектов такой науковедческой проблемы, как соотношение формы и содержания отечественных политико-правовых учений. Применяя комплекс общенаучных методов познания, основанных на диалектическом подходе к пониманию государственно-правовых явлений и соответствующих процессов, автор приходит к выводу о том, что с развитием междисциплинарности в рамках современного этапа научной рациональности переосмысление форм внешнего выражения политико-правовых учений в контексте их содержания (и элементов соответствующих политических и правовых доктрин) приобретает определяющий характер в свете перспектив общего развития науки истории политических и правовых учений в XXI столетии. В статье обосновывается необходимость более пристального внимания к вопросу о формах внешнего изложения политико-правовых доктрин. Свою позицию автор формулирует, используя конкретно-исторический подход и анализируя дореволюционные учения, а также результаты развития научной юридической мысли в сфере науки государственного права. Именно там проявляется зависимость содержания от выбранной автором формы внешнего изложения своих учений (диссертация, монография, научная статья).

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: политико-правовое учение, правовая доктрина, наука государственного права, форма, содержание, формализация науки, систематизация форм, классификация форм

THE RELATIONSHIP BETWEEN FORM AND CONTENT OF DOMESTIC POLITICAL AND LEGAL TEACHINGS AS A SCIENTIFIC PROBLEM

Apolsky E. A.^{1,2},

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: apolski@mail.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in the city of Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia,

²Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia

The aim of the study is to consider the key aspects of such a scientific problem as the relationship between the form and content of domestic political and legal doctrines. Applying a set of general scientific methods of cognition based on a dialectical approach to the understanding of state and legal phenomena and the corresponding processes, the author comes to the conclusion that along with the development of interdisciplinarity within the framework of the modern stage of scientific rationality, rethinking the forms of external expression of political and legal doctrines in the context of their content (and elements of the corresponding political and legal doctrines) is acquiring a decisive character in light of the prospects for the general development of the science of the history of political and legal doctrines in the 21st century. The article substantiates the need for closer attention to the issue of the forms of external presentation of political and legal doctrines. The author bases his position using,

first of all, a specific historical approach and analyzing pre-revolutionary teachings, as well as the results of the development of scientific legal thought in the field of science of state law. It is there that the dependence of the content on the form of external presentation of their teachings chosen by the authors (dissertation, monograph, scientific article) is manifested.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: political and legal doctrine, legal doctrine, science of state law, form, content, formalization of science, systematization of forms, classification of forms

Введение

Относящаяся к группе теоретико-исторических юридических наук история политических и правовых учений и в XXI столетии продолжает развиваться, динамично эволюционирует ее предмет, к разработке которого исследователи подходят с позиций современной рациональности. История политических и правовых учений является одной из самых объемных и сложных юридических наук, но от того значимость ее многократно усиливается, особенно в контексте бурно изменяющегося информационного общества, глобальных тектонических сдвигов в геополитике и поворота российского государства к традиционным духовно-нравственным ценностям в качестве одной из основ государственной политики в сфере национальной безопасности.

Не перестает быть актуальным вопрос о критериях оценки политико-правовых учений, среди которых, к примеру, Е. А. Фролова справедливо называет предметно-содержательный аспект учения, степень его научности, выбранные автором общечеловеческие или классовые ориентиры, количество последователей и популярность учения, стилистические особенности (в том числе доступность изложения) [1, с. 77]. Оценка политико-правовых доктрин действительно имеет решающее значение, поскольку от того или иного критерия зависит в конечном итоге и выбор самих доктрин, используемых в качестве объекта исследования в рамках образовательного юридического процесса, либо в качестве научной основы в правотворческой деятельности государства и его органов.

Не менее важной является проблема методологии науки, которая в рамках истории политических и правовых учений имеет двоякое проявление. Как верно подчеркивает А. В. Корнев, исследователю политико-правовых доктрин следует в первую очередь понять, какими методами пользовались их авторы (в контексте иных мировоззренческих и философских установок при разработке учений), а затем самому определить методы исследования, которые будут наиболее адекватны и эффективны при изучении политико-правовых учений прошлого [2, с. 28]. Другими словами, в методологическом плане исследователь истории политических и правовых учений выполняет двойную и от того гораздо более сложную работу: определяет методологию автора доктрины, а потом выстраивает собственную систему приемов и способ познания философско-теоретических основ и содержательных частей исследуемых доктрин.

С учетом же того, что современная наука все более и более идет по пути междисциплинарности, в самом ближайшем будущем следует ожидать усложнения её системы за счет тесного взаимодействия подходов различных наук. Методологический плюрализм последних тридцати лет в отечественном правоведении в этом плане является скорее усложняющим фактором в поиске надежных средств и инструментов познания. Эти проблемы в краткосрочной и среднесрочной перспективе предстоит решать и истории политических и правовых учений.

Обозначенные направления являются своего рода мейнстримом в современной отечественной науке, они на слуху и бурно обсуждаются на страницах специальной литературы. Однако целью настоящей статьи является освещение такой незаслуженно обходимой вниманием в российской науке проблемы, как соотношение формы и содержания политико-правовых доктрин, их влияние друг на друга и взаимная обусловленность. Эта проблема всецело охватывается предметной областью истории политических и правовых учений, но вместе с тем, одновременно является и науковедческим аспектом, поскольку касается вопросов эволюции научного знания в рамках обозначенной науки. Проблема соотношения формы и содержания политико-правовых доктрин, их влияния друг на друга и взаимной обусловленности в настоящей статье решается с применением общенаучных методов (анализ, синтез,

системный подход) на основе диалектического подхода к пониманию ключевых государственно-правовых явлений и всего политико-правового поля.

Соотношение философских категорий «форма» и «содержание» в рамках науки истории политических и правовых учений

Философские категории формы и содержания прочно вошли в гуманитарную науку в целом, и в науку истории политических и правовых учений, в частности. Кроме этого, указанные категории используются и при проведении общетеоретических и отраслевых юридических исследований [3; 4; 5; 6; 7; 8]. При этом исследователи преимущественно касаются вопросов содержания политико-правовых учений, лишь вскользь обращаясь к формам их выражения.

Так, в российской науке достаточно широко проработан вопрос о структуре политико-правовых учений (или доктрин). О. Э. Лейст, высказываясь на этот счет, обосновывал трехэлементную структуру правового учения (теоретически оформленных в доктрину взглядов на право, государство и политику): 1) логико-теоретическая (или философская) основа учения, 2) его содержание, выражающееся автором учения в системе категорий и понятий, в подходах к решению важного в его эпоху государственно-правового вопроса (происхождение права, форма государства, эффективность власти, перспективы развития государственных институтов, баланс свободы и безопасности в системе субъективных прав личности и т. д.) и 3) программные положения учения, где предлагаются авторские идеи, решаются насущные вопросы генезиса и эволюции государства и права¹.

Похожую структуру выделял В. Г. Графский, имея в виду логико-понятийный компонент («стиль творческого философствования своего времени»), конкретно-исторический компонент (связанная с условиями места и времени ориентация мыслителя в политико-правовых идеях, традициях и институтах) и социально-практический или доктринальный компонент учения (главная авторская концепция, выраженная в описании практического результата от применения его политико-правовых идей)².

Представители научной школы В. В. Лазарева выделяют в каждом развернутом учении содержательную часть, где содержится решение значимого для политико-правовой и теоретико-правовой науки вопроса, методологическую (или мировоззренческую) часть и программно-оценочную часть, содержащую, как правило, итоговые оценки и выводы по исследуемой проблематике³. Остальные подходы, представленные преимущественно в учебной литературе, в целом повторяют предложенные концепции, естественно, с незначительными вариациями, не влияющими, как правило, на вышеизложенное понимание структуры политико-правовых учений.

Гораздо сложнее решается в науке истории политических и правовых учений вопрос о формах изложения политико-правовых доктрин (категории «политико-правовое учение» и «политико-правовая доктрина» понимаются в рамках настоящей статьи как тождественные, хотя при более глубоком их рассмотрении можно найти незначительные отличия, которые для решения поставленных нами задач не имеют принципиального значения).

Так, О. Э. Лейст предлагает к таковым относить теоретический трактат, философское сочинение, политический памфлет, проект конституции и т. п., а В. В. Лазарев в качестве форм изложения учений выделяет монографию, политический памфлет, законопроект и т. п.⁴ С. В. Кодан, рассуждая о возможности включения научных юридических трудов в число источников изучения государства и права (в рамках проблематики информационного потенциала научных произведений юристов как исторических источников), исходит из критерия их соответствия видам научных изданий – монография, статья, доклад, диссертация и т. п., параллельно обращая внимание и на требования к их содержанию [9].

¹ История политических и правовых учений: учебник / Воротилин Е. А., Лейст О. Э., Мачин И. Ф. и др.; отв. ред. О. Э. Лейст. – 2-е изд., перераб. и сокр. – Москва: Зерцало-М, 2004. – 565 с.

² Графский В. Г. История политических и правовых учений: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2006. – С. 14–15.

³ История политических и правовых учений: учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. – С. 18–19.

⁴ Там же. – С. 19.

Некоторые авторитетные исследователи в области истории политических и правовых учений не конкретизируют эти формы. Например, М. Н. Марченко и И. Ф. Мачин ограничиваются формулировкой «исторически значимые политико-правовые произведения»⁵.

Косвенно вопросов формы изложения политико-правовых учений касается Н. А. Власенко, говоря, что к внешней форме выражения научных и наукообразующих знаний следует относить монографии и другие научные издания [10, с. 99]. Большинство же исследователей не придают проблеме формы изложения политико-правовых учений большого (а иногда – и вовсе никакого) значения.

Систематизация форм внешнего выражения политико-правовых учений

На наш взгляд, проблему соотношения формы и содержания политико-правовых учений нельзя игнорировать, особенно учитывая особенности отечественного дореволюционного и советского дискурса. Представляется также важным свести в единую систему предлагаемые формы внешнего изложения политико-правовых учений. Однако здесь следует сделать ряд оговорок. Некоторые из предлагаемых форм довольно сложно относить к этой категории, учитывая характер текстов, в них выраженных. В этом плане мы исходим из понимания политико-правового учения в трактовке академика В. С. Нерсисянца, как исторически возникающего и развивающегося знания, теоретических концепций, идей, положений и конструкций, в которых концентрированно выражается исторический процесс углубления познания политических и правовых явлений⁶.

Соответственно, к числу форм выражения политико-правовых учений целесообразно относить монографию, диссертацию и научную статью с обязательным выделением критериев научности текста и обоснованности получаемых в них результатов. Считать же законопроект или политический памфлет в прямом смысле внешними формами выражения политических и правовых учений достаточно сложно, поскольку они скорее выступают как результаты апробации соответствующих концепций, гипотез, идей и теорий, получивших свое оформление в вышеуказанных формах (монография, диссертация, научная статья). По той же причине не следует включать в число форм выражения политико-правовых учений и мемуарную литературу, которая может быть положена в основу соответствующего учения, но самостоятельного значения формы изложения всего учения не имеет.

Поэтому, беря за основу предложение С. В. Кодана об относимости научных юридических трудов к числу источников изучения государства и права, выделим соответствующие виды научных произведений – это монография, статья, диссертация.

Предложенная нами классификация форм внешнего выражения политико-правовых учений позволяет связать эти формы с предлагаемым авторами содержанием. В этом смысле Е. А. Фролова высказывает совершенно правильную мысль, говоря, что само наличие политического и правового учения предполагает связанность элементов структуры, что выражается в относительной устойчивости доктрин [1, с. 70]. Но следует, на наш взгляд, учитывать не только связанность элементов внутренней структуры правового учения, но и всего содержания учения с внешней формой его выражения. Наиболее ярко это проявилось в дореволюционной государственно-правовой мысли, в частности в процессе генезиса и эволюции отечественной науки государственного права. Попытка осмысления всей системы организации научных юридических исследований и форм их апробации в российской государственно-правовой науке XIX–начала XX вв. показывает, что начиная с первых шагов по системной организации научно-исследовательской работы на юридических факультетах императорских российских университетов содержание довольно часто зависело или в большей степени определялось внешней формой изложения правового текста (концепции, доктрины, теории).

Так, если сравнивать диссертации по государственному праву, защищенные в университетах Российской империи за XIX–начало XX вв.⁷, можно увидеть, что государствоведы в программно-оценоч-

⁵ Марченко М. Н., Мачин И. Ф. История политических и правовых учений: учебник. – Москва: Высшее образование, 2005. – С. 11.

⁶ История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. чл.-корр. РАН В. С. Нерсисянца. – Москва, 1995. – С. 1.

⁷ Кричевский Г. Г. Летопись Министерства образования в области законодательства о порядке подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в России: 1724–2002 / Г. Г. Кричевский. В 4-х т. – Т. 2: 1844–1918 / под ред. Е. А. Корсакова; сост.: В. Н. Гавва, Е. А. Корсаков, В. И. Эйдельмант, А. Н. Якушев, Т. А. Якушева. – Невинномысск: НГГТИ, 2002. – 432 с.

ных частях своих учений в большинстве случаев ограничивались лишь методологическими или теоретическими аспектами рассматриваемой темы, уклоняясь от конкретных предложений законодателю по изменению положений некоторых нормативных правовых актов, нуждавшихся в этом, либо идей по корректировке и модернизации государственного строя. Мыслители нередко даже прямо заявляли об этом. К примеру, С. А. Егiazаров на страницах своей докторской диссертации писал в 1891 г., что «... не дело исследователя, конечно, давать законодателю указания на счет того, как реорганизовать общественные учреждения и согласовать их с общими законами государства, требованиями времени и местными условиями. Он обязан лишь подвергнуть научному анализу различные элементы учреждений, чтобы раскрыть начала, одухотворяющие их» [11]. При этом если обратить внимание на монографии и научные статьи по государственно-правовой проблематике, в них можно увидеть совершенно иную картину: критическое исследование ключевых аспектов государственного права, разработка предложений по изменению законодательства и т. д. Очевидно, что цензурные ограничения, вводимые в Российской империи, были одним из ключевых факторов такого соотношения формы и содержания, однако, даже в периоды ослабления цензурного гнета, ситуация кардинально не менялась.

Заключение

В современной отечественной науке истории политических и правовых учений существует понимание того, что содержание и формы политико-правовых доктрин разнообразны. Справедливо обращается внимание на тот факт, что указанное разнообразие обусловлено конкретно-историческими условиями жизни мыслителей, стилем их мышления, выбранные мировоззренческими приоритетами, объемом получаемых знаний и т. д. [1, с. 71].

Таким образом, с учетом современного уровня развития информационного общества, стремительной цифровизации основных сфер жизнедеятельности, а также использования систем искусственного интеллекта появляются новые возможности в обработке информации, систематизации полученных результатов, а также, безусловно, в сопоставлении и осмыслении проблемы соотношения содержания и форм выражения юридической мысли. Дореволюционный и советский опыт отраслевого решения ключевых политико-правовых проблем следует изучать с учетом большего значения форм выражения правовых учений, поскольку в соотношении с содержанием, предложенным правоведами в своих работах, это может открыть новые закономерности в процессе генезиса и эволюции системно организованного научного знания.

Добавим также, что науковедческие проблемы являются весьма сложными и дискуссионными, но оттого всегда актуальными. С развитием междисциплинарности в рамках современного этапа научной рациональности переосмысление форм внешнего выражения политико-правовых учений в контексте их содержания (и элементов соответствующих политических и правовых доктрин) приобретает определяющий характер в свете перспектив общего развития науки истории политических и правовых учений в XXI столетии.

Список литературы

1. *Фролова Е. А.* История политических и правовых учений в системе социальных наук: проблемы методологии // Государство и право. – 2017. – № 2. – С. 69–78.
2. *Корнев А. В.* Базовые методы истории политических и правовых учений и возможная трансформация объекта юридической науки // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 4 (104). – С. 26–40.
3. *Ефременко Д. О.* Формы и содержание состязательности в юрисдикционном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2019. – 32 с.
4. *Сильченко Н. В.* Вопросы понимания сущности, содержания и формы права // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 12. – С. 21–25.
5. *Решетов Ю. С.* Содержание и формы реализации права // Вестник экономической безопасности. – 2009. – № 12. – С. 57–63.

6. *Графский В. Г.* Сравнительная история политико-правовых идей и взглядов как научная проблема // Труды Института государства и права РАН. – 2010. – №3. – С. 100–118.
7. *Липень С. В.* История учений о праве и государстве: Актуальные проблемы определения направлений развития научного знания // Актуальные проблемы российского права. – 2012. – №3. – С. 28–36.
8. *Апольский Е. А.* Формализация науки и научной деятельности в России в XIX–начале XX вв. (нормативное измерение) // Наука и общество: материалы V международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 08 февраля 2023 года. – Москва, 2023. – С. 7–13.
9. *Кодан С. В.* Научные труды юристов в системе источников изучения истории государства и права / С. В. Кодан // Российский юридический журнал. – 2016. – № 6(111). – С. 189–195.
10. *Власенко Н. А.* О номенклатуре специальностей научных работников в области юриспруденции // Журнал российского права. – 2010. – №7. – С. 98–108.
11. *Егiazаров С. А.* Исследования по истории учреждений в Закавказье. Ч. II. Городские цехи. Организация и внутреннее управление закавказских амкарств. – Казань, 1891. – С. I–II.

References

1. *Frolova E. A.* Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenij v sisteme social'nykh nauk: problemy metodologii // Gosudarstvo i pravo. – 2017. – № 2. – S. 69–78.
2. *Kornev A. V.* Bazovye metody istorii politicheskikh i pravovykh uchenij i vozmozhnaya transformaciya ob'ekta yuridicheskoy nauki // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). – 2023. – № 4(104). – S. 26–40.
3. *Efremenko D. O.* Formy i sodержanie sostyazatel'nosti v yurisdikcionnom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2019. – 32 s.
4. *Sil'chenko N. V.* Voprosy ponimaniya sushchnosti, sodержaniya i formy prava // Yusticiya Belarusi. – 2021. – № 12. – S. 21–25.
5. *Reshetov Yu. S.* Soderzhanie i formy realizacii prava // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2009. – № 12. – S. 57–63.
6. *Grafskij V. G.* Sravnitel'naya istoriya politiko-pravovykh idej i vzglyadov kak nauchnaya problema // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. – 2010. – № 3. – S. 100–118.
7. *Lipen' S. V.* Istoriya uchenij o prave i gosudarstve: Aktual'nye problemy opredeleniya napravlenij razvitiya nauchnogo znaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2012. – № 3. – S. 28–36.
8. *Apol'skij E. A.* Formalizaciya nauki i nauchnoj deyatel'nosti v Rossii v XIX–nachale HH vv. (normativnoe izmerenie) // Nauka i obshchestvo: materialy V mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Rostov-na-Donu, 08 fevralya 2023 goda. – Moskva, 2023. – S. 7–13.
9. *Kodan S. V.* Nauchnye trudy yuristov v sisteme istochnikov izucheniya istorii gosudarstva i prava / S. V. Kodan // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2016. – № 6(111). – S. 189–195.
10. *Vlasenko N. A.* O nomenklature special'nostej nauchnykh rabotnikov v oblasti yurisprudencii // Zhurnal rossijskogo prava. – 2010. – №7. – S. 98–108.
11. *Egiazarov S. A.* Issledovaniya po istorii uchrezhdenij v Zakavkaz'e. Ch. II. Gorodskie cekhi. Organizaciya i vnutrennee upravlenie zakavkazskih amkarstv. – Kazan', 1891. – S. I–II.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2024

Received: 30.09.2024

Статья поступила для публикации: 29.10.2024

Accepted: 29.10.2024

ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ

Морозова Татьяна Николаевна¹,
e-mail: morozova@uglich.adm.yar.ru,

Никитина Татьяна Сергеевна¹,
e-mail: nikitina@uglich.adm.yar.ru,

Слюсаренко Татьяна Валерьевна²,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: tslyusarenko@muiv.ru,

¹Администрация Угличского муниципального района Ярославской области, г. Углич, Россия,

²Московский университет им. С. Ю. Витте, г. Москва, Россия

В статье в рамках научного и практического подходов рассматриваются такие взаимосвязанные, на взгляд авторов, категории как «эффективность нормативно-правовых актов» и «оценка регулирующего воздействия». В рамках исследования авторы ставят вопрос о том, возможна ли в принципе объективная оценка эффективности актов, насколько она зависит от правотворчества и правоприменения. Ответ на данный вопрос сложен и многогранен и требует фундаментальных исследований. В данной же статье авторы приходят к выводу, что любой законопроект должен выступать не механическим набором юридических норм, а должен соответствовать требованиям юридической техники, языковой норме, установлениям антикоррупционного законодательства, должен быть принят в соответствии с полномочиями издавшего его органа, не должен содержать положений, идущих вразрез с нормами вышестоящих актов. Безусловно, помимо всего указанного, законопроект должен быть «работающим», то есть направленным на оптимизацию тех общественных отношений, которые выступают предметом его регулирования. Одним из средств повышения эффективности нормативных правовых актов путем достижения указанных и иных критериев, авторы видят процедуру оценки регулирующего воздействия. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия, эффективность, нормативно-правовые акты, система, коллизия, правовой механизм, мониторинг, правоприменение

REGULATORY IMPACT ASSESSMENT AS A WAY TO INCREASE THE EFFECTIVENESS OF REGULATORY AND LEGAL ACTS

Morozova T. N.¹,
e-mail: morozova@uglich.adm.yar.ru,

Nikitina T. S.¹,
e-mail: nikitina@uglich.adm.yar.ru,

Slyusarenko T. V.²,
PhD in Law, Associate Professor,
e-mail: tslyusarenko@muiv.ru,

¹Administration of Uglich Municipal District of Yaroslavl Oblast, Uglich, Russia,

²Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article describes such interrelated categories, in the authors' opinion, as "effectiveness of regulatory legal acts" and "assessment of regulatory impact" within the framework of scientific and practical approaches. As part of the study, the authors raise the question of whether, in principle, an objective assessment of the effectiveness

of acts is possible, to what extent it depends on law-making and law enforcement. The answer to this question is complex and multifaceted and requires fundamental research. In this article, the authors conclude that any draft law should not be a mechanical set of legal norms, but should comply with the requirements of legal technology, language norms, and anti-corruption legislation; it should be adopted in accordance with the authority of the body that issued it, and should not contain provisions that run counter to the norms of higher-level acts. In addition to all of the above, obviously, the draft law should be “working”, that is, aimed at optimizing those public relations that are the subject of its regulation. The authors consider the regulatory impact assessment procedure as one of the means to increase the effectiveness of regulatory legal acts by achieving these and other criteria. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: regulatory impact assessment, effectiveness, regulatory legal acts, system, conflict, legal mechanism, monitoring, law enforcement

Несмотря на кажущуюся очевидность смысла и содержания «эффективности» нормативно-правовых актов, которую в самом общем виде можно рассматривать как степень достижения поставленных законодателем целей (задач), – при попытке конкретизации, применительно к оценке отдельных нормативно-правовых актов, незамедлительно возникают проблемы и вопросы.

Соответственно, возникает вопрос – как, например, оценить эффективность Уголовного кодекса РФ? По уровню преступности в стране? Однако, он зависит не только от норм материального, но и от норм процессуального права, от криминалистической теории и практики, и в целом преступность – сложный феномен, обусловленный множеством социально-экономических, психологических, морально-культурных и иных факторов. По сути, схожая проблематика связана с оценкой любого иного нормативного правового акта – очевидно, что оценивать его эффективность следует не в идеальных условиях, а согласно текущим социальным реалиям.

В рамках исследования необходимо поставить вопрос о том, возможна ли в принципе объективная оценка эффективности нормативных правовых актов, насколько она зависит от правотворчества и правоприменения. Очевидно, что процесс подготовки и принятия законопроекта, внесения в него корректировок, направленных на устранение недостатков, выявленных правоприменительной практикой, представляет собой крайне сложное явление.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена также отсутствием в современном российском законодательстве четких и ясных механизмов регулирования качества нормотворческой деятельности законодательных и исполнительных органов власти [1, с. 52].

Термин «эффективный» происходит от латинского слова “effectus”, означающего «исполнение, действие». С такой точки зрения «эффективность» нормативного правового акта определяется посредством результатов его исполнения, и здесь сразу можно отметить, что эффективность актов может носить объективный характер, который обусловлен сутью самого закона или иного акта, иными словами, насколько качественно составлен сам нормативный правовой акт, и субъективный характер, который проявляется уже при исполнении, соответственно, даже эффективный по своему содержанию акт может при его неудачном исполнении привести к негативным последствиям.

Так, например, острой проблемой в настоящее время являются безнадзорные животные, в первую очередь собаки, которые регулярно совершают нападения на людей с исходом вплоть до смертельного. Возникает вопрос – то ли Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ является неэффективным, то ли сам по себе закон эффективен, проблемы же возникают в связи с его ненадлежащим исполнением? Здесь интересно обратить внимание на совещание, прошедшее в октябре 2024 года в Якутске, где, помимо прочего, поднимался вопрос о безнадзорных животных, который особенно остро стоит в восточных регионах России. С одной стороны, представители муниципалитетов прямо обвиняли присутствовавших на совещании депутатов Государственной Думы в том, что принятый ими закон неэффективен, однако депутаты придерживались иной

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8424.

позиции, согласно которой закон в целом эффективен, проблемы же обусловлены ошибками в его применении².

Кроме того, «эффективность» сама по себе представляет качественное понятие, и далеко не всегда существуют четкие и понятные критерии ее сущностного определения. Это может быть обусловлено как содержанием (направленностью) нормативного правового акта, так и его структурой, в частности, лаконичностью нормативного правового акта. Например, постановление Правительства РФ от 24 июля 2021 г. № 1259 «Об утверждении перечня одурманивающих веществ»³ является одним из самых кратких действующих нормативных правовых актов. Само постановление содержит лишь указание на то, что утверждает перечень одурманивающих веществ, приведенный в приложении, которое состоит всего из четырех позиций. Соответственно, возникает вопрос – в чем эффективность данного акта, как ее можно определить? Насколько приведенный перечень адекватен угрозе распространения одурманивающих веществ, т. е. все ли вещества, в отношении которых должен быть ограничен оборот, включены в перечень? Но в таком случае получается, что эффективность никоим образом не связана с исполнением, и целиком и полностью отнесена к стадии подготовки постановления. Учитывая же, что такой перечень явно и очевидно определялся не правоведами, а экспертами в области токсикологии, получается, что эффективность зависит не от правотворческого органа, а от экспертного сообщества, принимавшего участие в разработке данного постановления.

Эффективность нормативного правового акта – сложная категория, включающая в себя и качественные, и количественные элементы, которые в своей совокупности характеризуют соотношение предполагаемых и реальных результатов воздействия данного акта на общественные отношения с учетом объективных возможностей позитивного воздействия (так, уголовно-правовые запреты не в состоянии устранить все социальные, экономические и психологические причины преступности, соответственно, Уголовный кодекс не может полностью исключить преступность). При этом следует понимать, что эффективность нормативного правового акта во многом зависит от его исполнения (например, даже при качественном законодательстве его эффективность может быть снижена вследствие ненадлежащей правоприменительной деятельности, хотя следует отметить и обратное – качественное правоприменение может нивелировать недостатки закона), соответственно, в понятие «эффективного» нормативного правового акта должно включаться также наличие в нем условий для надлежащего исполнения.

В рамках тематики исследования невозможно не рассмотреть разработанный Минэкономразвития России «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁴, в котором 227 раз упоминаются категории «эффект» и «эффективный», а также производные от них слова. Данный прогноз связывает эффективность не с правовой регламентацией как таковой, а с управленческой деятельностью, например, капиталовложением и инновациями, организационно-методическим обеспечением и усилением ответственности за позитивный результат той или иной деятельности [2, с. 38].

Рассматривая вопрос эффективности нормативных правовых актов, следует выделить средства ее повышения, под которыми традиционно понимают юридические механизмы, позволяющие максимально приблизить реальные, действительные результаты воздействия нормативного правового акта к предполагаемым (планируемым).

Единого подхода к содержанию таких средств в отечественной науке нет, большинство исследователей сходятся в том, что к числу данных средств относятся:

- оценка регулирующего воздействия;
- мониторинг законодательства;
- экспертиза нормативных правовых актов;
- общественное обсуждение.

Каждое из указанных средств повышения эффективности законодательства характеризуется своим содержанием. Например, очевидно (в том числе и с учетом положений прогноза Минэкономразвития России), что для оптимизации деятельности государственного аппарата необходима реализация

² Владимир Бурматов о «собачьем законе»: сегодня наша задача – менять всё под текущие реалии. – URL: <https://ulus.media/2024/10/17/vladimir-burmatov-o-sobachem-zakone-segodnya-nasha-zadacha-menyat-vsyo-pod-tekushhie-realii/>

³ Об утверждении перечня одурманивающих веществ: постановление Правительства РФ от 24 июля 2021 г. № 1259 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 31. – Ст. 5922.

⁴ Документ официально опубликован не был, приведен на сайте <http://www.economy.gov.ru>.

оценки регулирующего воздействия (далее ОРВ), включая как федеральный, так и на региональный уровни во всех субъектах Российской Федерации [3, с. 79].

Говоря о способах оценки эффективности нормативных правовых актов следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации отсутствует единый нормативный правовой акт, который бы регулировал правотворческие процессы и процедуру оценки и повышения эффективности принятого акта, закреплял бы понятийный аппарат (элементарно – что такое «эффективность» нормативного правового акта), определял бы методику оценки эффективности закона или подзаконного акта и др. На федеральном уровне существуют лишь отдельные нормы, так, например, в ст. 53 Федерального закона от 21.12.2021 № 414 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁵ указано, что проекты нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации подлежат оценке регулирующего воздействия в целях выявления в них положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности и бюджетов субъектов РФ.

В России предметная область ОРВ устанавливается Регламентом Правительства РФ, принятым постановлением Правительства от 1 июня 2004 г. № 260⁶, в случае, если речь идет о нормативно-правовых актах Правительства РФ, и Правилами, утвержденными постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2012 года № 1318⁷, если нормативно-правовые акты относятся к категории «ведомственных» актов [4, с. 61].

Согласно п. 4 указанных Правил целью ОРВ проектов нормативных правовых актов является определение и оценка возможных положительных и отрицательных последствий принятия проекта акта на основе анализа проблемы, цели ее регулирования и возможных способов решения, а также выявление в проекте положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующих их введению, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ, положений, способствующих возникновению дополнительных расходов бюджетов субъектов РФ и (или) местных бюджетов и снижению доходов бюджетов субъектов РФ и (или) местных бюджетов.

При оценке регулирующего воздействия проектов актов проводится их оценка на соответствие принципам и условиям, установленным Федеральным законом от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»⁸.

В целях обеспечения развития процедуры ОРВ на региональном уровне Минэкономразвития России еще в 2012 году разработало типовое соглашение о взаимодействии между Министерством экономического развития Российской Федерации и уполномоченным органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации при проведении оценки регулирующего воздействия, а также в 2022 году методические рекомендации по внедрению порядка проведения оценки регулирующего воздействия и порядка проведения процедуры оценки применения обязательных требований и экспертизы в субъектах Российской Федерации⁹. Вместе с тем очевидно, что методические рекомендации требуют постоянной оптимизации.

⁵ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 52 (Ч. I). – Ст. 8973.

⁶ О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 01.06.2004 № 260 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 23. – Ст. 2313.

⁷ О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации (вместе с «Правилами проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии»): постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 52. – Ст. 7491.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (Ч. I). – Ст. 5006.

⁹ Приказ Минэкономразвития России от 23.12.2022 № 733 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://cloud.consultant.ru>.

В рамках данной статьи необходимо отличать оценку регулирующего воздействия от мониторинга правоприменения. Следует признать, что они являются разными по своему целевому и функциональному назначению, хотя и осуществляются в системе исполнительной власти по вопросам их правового обеспечения. Так, если куратором организации всех действий по положению о мониторинге правоприменения является Минюст России, то организация исполнения Правил возложена на Министерство экономического развития РФ. Как верно указывает Уваров А. А. [5, с. 118], правила имеют более узкий, специальный характер и приняты в целях реализации пп. «д» п. 2 Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»¹⁰.

Оценка регулирующего воздействия не тождественна и оценке эффективности, хотя, безусловно, эти категории тесно связаны. Кроме того, ОРВ применяется в отношении нормативных правовых актов экономико-предпринимательской направленности, соответственно, имеет достаточно узкий предмет.

Можно обратить внимание на постановление Правительства РФ от 26 мая 2021 г. № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации»¹¹, где указано, что каждая государственная программа в обязательном порядке должна содержать критерии (индикаторы) ее эффективности. Здесь следует понимать, что государственные программы утверждаются как правило постановлениями Правительства РФ, т. е. также нормативными правовыми актами, однако и здесь предмет оценки эффективности является крайне узким – исключительно подзаконные акты в сфере управления.

Если обратиться к региональному уровню, то, например, в Москве и ряде соседних субъектов Российской Федерации существуют законы, посвященные региональным нормативным правовым актам, в частности, Закон города Москвы от 8 июля 2009 года № 25 «О правовых актах города Москвы»¹², Закон Тверской области от 16 марта 2004 года № 13-ЗО «О нормативных правовых актах Тверской области»¹³ и т. д. В таких законах (но тоже фрагментарно) содержатся положения, которые можно соотносить с определением эффективности региональных законов. Однако, в большинстве регионов России такие нормативные правовые акты отсутствуют [6, с. 71]. Как пишет А. В. Исаев, «в российской правовой системе институт ОРВ выступает как элемент правотворчества и инновационной юридической технологии, направленной на выявление и оценку вероятных последствий от нового или имеющегося государственного регулирования при формировании политики, а также на защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина» [7, с. 110].

Основным субъектом ОРВ на федеральном уровне, как уже было сказано выше, выступает Министерство экономического развития Российской Федерации.

В частности было подготовлено 1222 заключения об оценке регулирующего воздействия (далее – заключение об ОРВ), 36 % которых – с отрицательными оценками¹⁴.

Структура данных заключений приведена в рисунках (см. рисунки 1–6).

В целом подобная статистика практически не меняется. Так, например, в сентябре 2024 года было подготовлено 97 заключений об ОРВ, 31 % которых – с отрицательными оценками.

На практике применяют предварительную и углубленную ОРВ.

Одно из основных отличий данных видов ОРВ заключается в том, что при углубленной ОРВ проводятся публичные консультации, в ходе которых анализируется мнение субъектов, деятельность которых подвергается регулированию (например, представителей бизнеса и т. д.).

Из 97 заключений, вынесенных в сентябре 2024 года, углубленная ОРВ проводилась по 14 проектам нормативных правовых актов (14,43 %). В целом за 2024 год углубленная ОРВ в среднем проводилась по 15–20 % проектов.

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 19. – Ст. 2338.

¹¹ О системе управления государственными программами Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 26 мая 2021 г. № 786 // Собрание законодательств РФ. – 2021. – № 23. – Ст. 4042.

¹² О правовых актах города Москвы: Закон города Москвы от 8 июля 2009 года № 25 // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 2009. – № 41.

¹³ О нормативных правовых актах Тверской области: Закон Тверской области от 16 марта 2004 года № 13-ЗО // Тверские ведомости. – 2004. – № 12.

¹⁴ Здесь и далее по тексту статьи статистическая информация приведена по источнику: Оценка регулирующего воздействия / Министерство экономического развития РФ: [официальный сайт]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/investklimat/orv/.

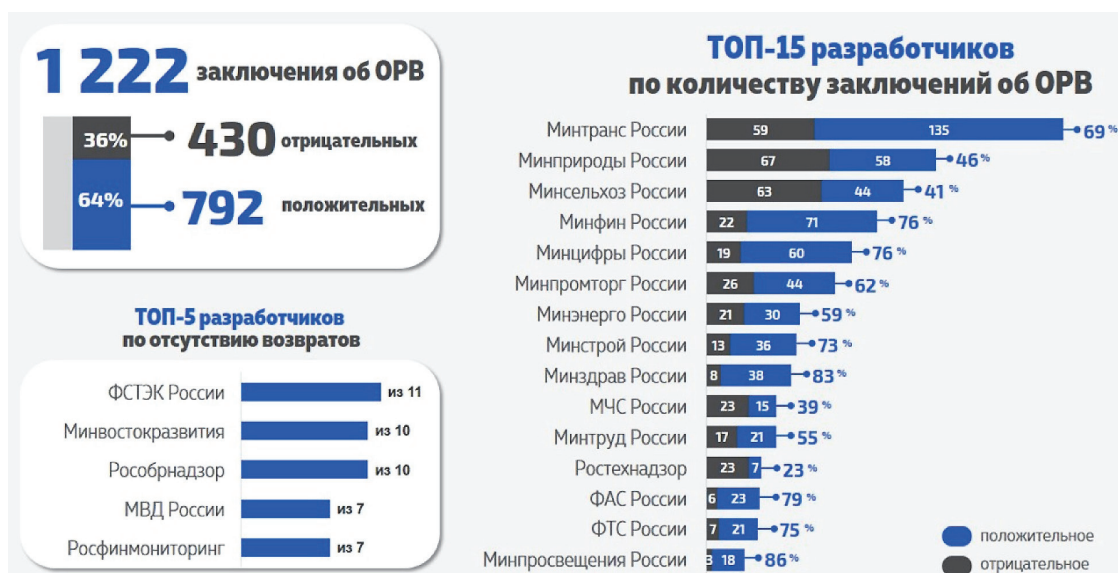

Рисунок 1 – Соотношение положительных и отрицательных заключений об ОРВ, вынесенных Минэкономразвития в 2024 году

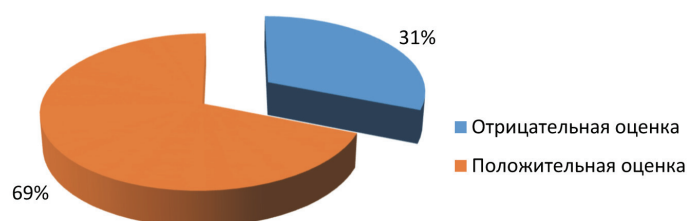

Рисунок 2 – Соотношение положительных и отрицательных заключений об ОРВ, вынесенных Минэкономразвития в сентябре 2024 года

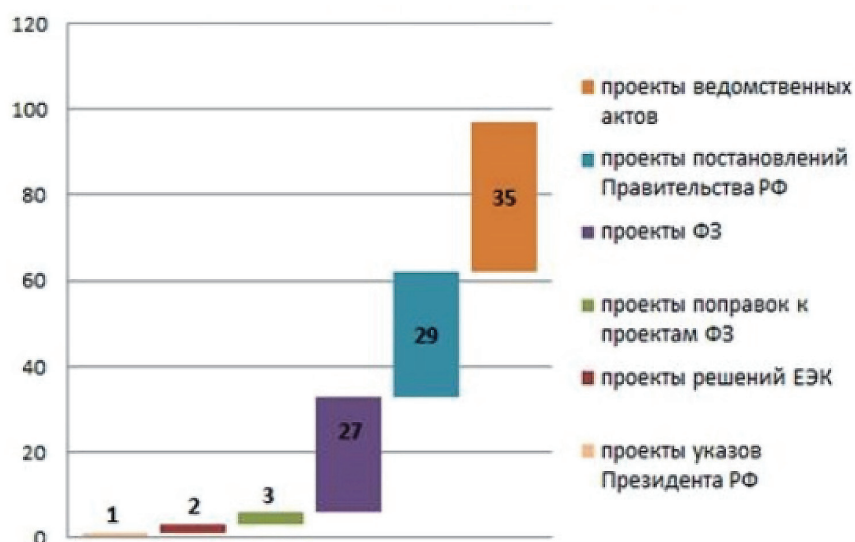

Рисунок 3 – Структура нормативных актов по виду, в отношении которых Минэкономразвития вынесено заключение об ОРВ в сентябре 2024 года

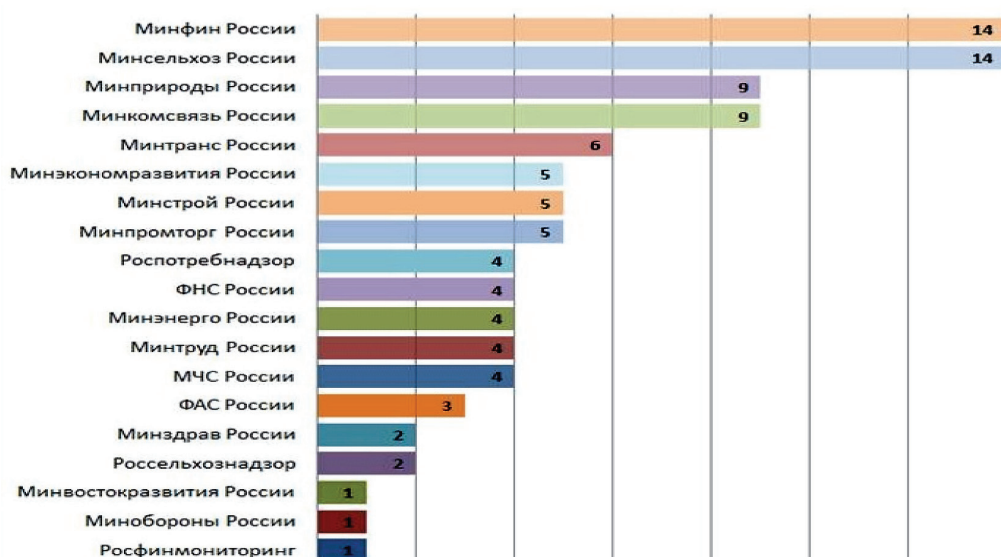

Рисунок 4 – Структура заключений об ОРВ, вынесенных Минэкономразвития России в сентябре 2024 года, по ведомствам

Рисунок 5 – Схема предварительной ОРВ

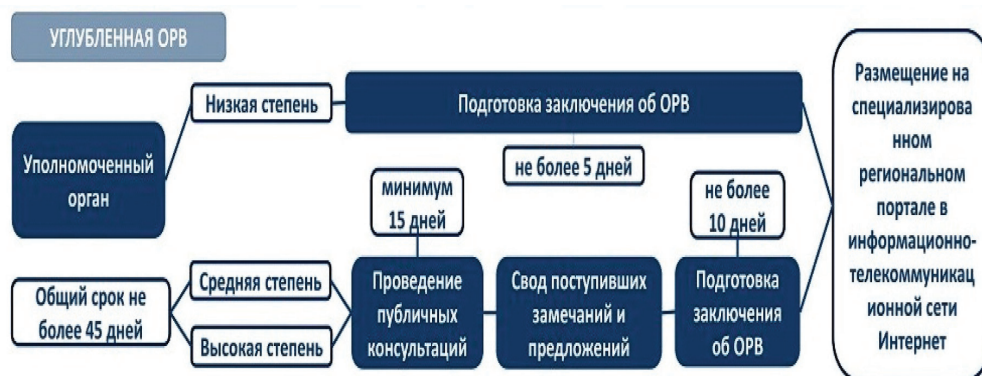

Рисунок 6 – Схема углубленной ОРВ

Анализ практики оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов указывает на то, что здесь в основном подвергаются оценке проекты постановлений Правительства Российской Федерации и ведомственные нормативные правовые акты.

Особое значение ОРВ заключается в том, что здесь эффективность прогностическими методами оценивается на стадии разработки проекта нормативного правового акта, соответственно, возникает возможность заранее выявить недостатки правовых норм с точки зрения их воздействия на общественные отношения, и скорректировать их еще на проектной стадии. Как указывал в своей работе Дмитриев М. А. «Оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов – важное достижение российской юридической практики. Ее надлежащее осуществление позволяет до вступления таких актов в силу исправлять или исключать те их положения, которые в противном случае необоснованно затрудняли бы осуществление предпринимательской и инвестиционной деятельности» [8, с. 119].

Таким образом, оптимальной для определения эффективности нормативно-правовых актов является углубленная оценка регулирующего воздействия, поскольку здесь анализируется мнение субъектов, деятельность которых подвергается регулированию. Вместе с тем, проведение углубленной ОРВ требует значительных организационных и временных затрат – в практике лишь 15–20 % проектов нормативных правовых актов подвергаются углубленной ОРВ.

Список литературы

1. Ромашенко Н. И. О способе снижения нагрузки на законодательный орган России / Н. И. Ромашенко // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2022. – № S2.1(33). – С. 51–56. – DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-51-56.
2. Домченко А. С. Критерии оценки эффективности правовых норм и нормативных правовых актов органов публичного управления // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 5. – С. 36–40.
3. Нисневич Ю. А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития / Ю. А. Нисневич. – Москва: КноРус, 2024. – 287 с.
4. Мичурина Д. А. Предметная область оценки регулирующего воздействия в России и в мире: сходства и отличия / Д. А. Мичурина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 4-2(91). – С. 60–63. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-4-2-60-63.
5. Уваров А. А. О некоторых механизмах оценки правового регулирования Минюста России // Хозяйство и право. – 2022. – № 4. – С. 115–122. DOI: 10.18572/0134-2398-2022-4-115-122
6. Андреева Л. А. Оценка регулирующего воздействия (правовой аспект) // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 12. – С. 70–82.
7. Исаев А. В. Оценка регулирующего воздействия в практике публичного управления: политико-правовое содержание // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – № 1. – С. 108–122.
8. Дмитриев М. А. Обязательность оценки регулирующего воздействия как общий принцип организации системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 2020. – № 2. – С. 118–129.

References

1. Romashenko N. I. O sposobe snizheniya nagruzki na zakonodatel'nyj organ Rossii / N. I. Romashenko // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki. – 2022. – № S2.1(33). – S. 51–56. – DOI 10.21777/2587-9472-2022-2.1-51-56.
2. Domchenko A. S. Kriterii ocenki effektivnosti pravovyh norm i normativnyh pravovyh aktov organov publichnogo upravleniya // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2020. – № 5. – S. 36–40.
3. Nisnevich Yu. A. Gosudarstvo XXI veka: tendencii i problemy razvitiya / Yu. A. Nisnevich. – Moskva: KnoRus, 2024. – 287 s.
4. Michurina D. A. Predmetnaya oblast' ocenki reguliruyushchego vozdejstviya v Rossii i v mire: skhodstva i otlichiya / D. A. Michurina // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2024. – № 4-2(91). – S. 60–63. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-4-2-60-63.
5. Uvarov A. A. O nekotorykh mekhanizmah ocenki pravovogo regulirovaniya Minyusta Rossii // Hozyajstvo i pravo. – 2022. – № 4. – S. 115–122. DOI: 10.18572/0134-2398-2022-4-115-122
6. Andreeva L. A. Ocenka reguliruyushchego vozdejstviya (pravovoj aspekt) // Voprosy sovremennoj yurisprudencii. – 2016. – № 12. – S. 70–82.

7. *Isaev A. V.* Ocenka reguliruyushchego vozdejstviya v praktike publichnogo upravleniya: politiko-pravovoe sodержanie // *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk.* – 2019. – № 1. – S. 108–122.
8. *Dmitriev M. A.* Obyazatel'nost' ocenki reguliruyushchego vozdejstviya kak obshchij princip organizacii sistemy organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii // *Rossijskij yuridicheskij zhurnal.* – 2020. – № 2. – S. 118–129.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2025

Received: 21.01.2025

Статья поступила для публикации: 24.03.2025

Accepted: 24.03.2025

ГЕРБ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД АБХАЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В СИМВОЛАХ БАЛАНСА И ПРОГРЕССА

Камкия Беслан Астамурович,
канд. филос. наук, доцент,
e-mail: ana_economicsandlaw@mail.ru,

Камкия Фатима Гурамовна¹,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: ana_economicsandlaw@mail.ru,

¹Институт экономики и права Академии наук Абхазии, г. Сухум, Республика Абхазия

Целью исследования является рассмотрение «культурного кода» как одного из актуальных на сегодняшний день понятий для гуманитарных дисциплин, изучающих состояние культуры современного общества. За основу взяты междисциплинарные подходы к определению «культурного кода», свидетельствующие о сложности этого понятия. Авторы выявляют содержательную структуру концепта «культурный код» применительно к абхазской действительности в параметрах деконструкции и реконструкции образов и символов на примере Государственного Герба Республики Абхазия и олицетворяющего символы социального порядка и прогресса. По итогам исследования, авторы выделяют несколько ключевых тезисов и выводов, в частности: необходимые признаки правового регулирования общественных отношений; о том, что теория культурного кода обеспечивает контекстуальное понимание коммуникативного поведения человека и представляет взаимосвязь между коммуникацией и культурой, а также о том, что, таким образом, при динамическом взаимодействии индивида и социального целого, традиций и новаций, свобод и обязываний, приращение получают как индивидуальный человеческий потенциал, так и публичное, общественное благо.

Ключевые слова: правовая система, правовое регулирование, правосознание, понятие «культурный код», абхазский нартский эпос, справедливость, культурная среда, Герб Республики Абхазия

THE COAT OF ARMS OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA AS THE CULTURAL CODE OF THE ABKHAZIAN STATEHOOD: SOCIAL ORDER IN SYMBOLS OF BALANCE AND PROGRESS

Kamkiya B. A.,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
e-mail: ana_economicsandlaw@mail.ru,

Kamkiya F. G.¹,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: ana_economicsandlaw@mail.ru,

¹Institute of Economics and the Law of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum,
The Republic of Abkhazia

The purpose of the study is to consider the “cultural code” as one of the most relevant concepts for humanities disciplines studying the state of culture in modern society. Interdisciplinary approaches to the definition of the “cultural code” are taken as a basis, indicating the complexity of this concept. The authors identify the meaningful structure of the concept of “cultural code” in relation to the Abkhaz reality in the parameters of deconstruction and reconstruction of images and symbols using the example of the State Coat of Arms of the Republic of Abkhazia and personifying symbols of social order and progress. Based on the results of the study,

the authors identify several key theses and conclusions, in particular: the necessary features of legal regulation of public relations; that the theory of cultural code provides a contextual understanding of human communicative behavior and represents the relationship between communication and culture. This also means that in the dynamic interaction of the individual and the social whole, traditions and innovations, freedoms and obligations, both the individual human potential and the public benefit receive an increment.

Keywords: legal system, legal regulation, legal awareness, the concept of “cultural code”, the Abkhazian Nart epic, justice, cultural environment, Coat of arms of the Republic of Abkhazia

В центре причин геополитических изменений в мире лежат импульсы цивилизационного развития, характеризующиеся позитивным напряжением индивида и общества, определяя уникальные способы коммуникации и адаптации. В этой связи важен вывод профессора А. Ю. Мордовцева относительно структуры правосознания: 1) правовое мышление (интеллектуальная часть правового сознания); 2) правовые ценности (чувственно-интеллектуальная часть правового сознания); 3) правовые образы; 4) правовые символы [1]. Иными словами, в теории права описываемые процессы нашли отражение таким образом, что предлагается расширить структуру правосознания за счет включения таких элементов как «правовые образы» и «правовые символы».

На наш взгляд, связь национальной правовой системы страны со структурой правосознания определяется культурным кодом. Более того, полнота совокупности элементов структуры правосознания способна «оживить» правовую систему страны. Только наличие юридикто-технических средств, институтов и формально-юридических источников права не способно формировать действенную систему права, что выразилось, в частности, в научных дискуссиях об относимости правовой системы Российской Федерации к романо-германской правовой семье. Сочетание названных элементов правовой системы и правосознания – правового идеала, правовой идеологии, правовой психологии, правовых образов и символов – призваны приводить к позитивному напряжению, без которого не мыслим правовой порядок как часть общественного порядка.

Процессы правообразования в постсоветском пространстве характеризовались в основном заимствованием юридических норм и институтов. Однако, как нам представляется, нынешний этап развития правообразования все больше требует приоритетности такого принципа (способа) как выведение правовых норм из культурного кода народа перед рациональным заимствованием правовых норм в правовую систему страны. Данный вывод основан на том, что постижение смыслов каждой культуры позволяет увидеть признаки универсального содержания. Так, некоторые признаки современного конституционализма в Республике Абхазия могут быть выводимы из абхазской культуры, в частности, нартского эпоса [2, 3, 4].

В теории права понятие «правовое регулирование» определяется посредством перечисления и описанием механизма и структуры правового регулирования. Однако, это внешние признаки правового регулирования. Наличие лишь юридикто-технических средств еще не означает, что правовая система сформировалась. Как нам представляется, этого недостаточно. В последнее время все чаще используется такой критерий дифференциации правовых систем как наличие юридикто-технических средств и институтов, который позволяет устанавливать правовые и не правовые системы. Однако, наличие развитой системы юридикто-технических средств в правовых системах европейских стран не помешало процессу перепроизводства и девальвации права, в результате которого правовые свободы стали сокращаться за счет чрезмерного увеличения обзавываний и запретов в правовом нормативном массиве, что противоречит самой идее правового регулирования. Таким образом, наличие лишь институтов и способов правового регулирования не сводится и не тождественно наличию правового регулирования по содержанию. В мире есть много стран, где есть правовые институты: законы, суды, законодательные и правоохранительные органы и т. д., но нет правового регулирования, вследствие чего нет и правового порядка. В связи с этим, считаем необходимым ввести признаки правового регулирования, аналогично тому, как существуют признаки правовой нормы (юстициабельность), позволяющие отделить правовую норму от неправовой.

Итак, необходимыми признаками правового регулирования общественных отношений, на наш взгляд, являются: 1) регулирование основано на взаимности прав и обязанностей; 2) регулирование

исходит из баланса публичного и частного интересов; 3) регулирование нацелено на развитие человеческого потенциала.

Таким образом, юридизация, в нашем понимании, представляет собой признание всеобщей обязательности общественных отношений, которое осуществляется не только, а иногда и не столько посредством формально-юридических источников и юридико-технических средств права, сколько посредством юридизирующих начал общественных отношений, к числу которых относятся, в первую очередь, идеалы и ценности социального порядка. В связи с этим теория профессора С. Н. Бабурина, обосновывающая модель этического государства [5], вполне реальна и отвечает природе потребностей социального развития и раскрытию человеческого потенциала.

Информационные войны, массовый нomaдизм и глобальная маргинализация населения или потеря цивилизационной идентичности приводят к социальным, политическим кризисам, к неорганической модернизации. Ответом на кризисные вызовы явился поиск в культурных текстах зашифрованных кодов поведения в символах. Содержание «культурного кода» народа включает и юридизирующие идеи о социальном порядке, о равновесии публичного и частного интересов, и о взаимности свобод и обязываний. «Культурный код», символизирующий социальный порядок, содержит юридизирующий потенциал общественных отношений, являясь источником права. Юридизирующее начало «культурного кода» потенциально скрыто в природе потребности социального целого и индивида в равновесии публичного и частного интересов, традиционного и инновационного, свобод и обязываний.

Идея социального порядка становится возможной при особых способах адаптации и коммуникации общества, без которых невозможно иметь стабильное развитие общества и государства. В связи с этим обращение к концептуальному анализу понятия «культурный код» обусловлено необходимостью выработки алгоритмов анализа актуальных явлений абхазской культуры в качестве, в частности, воплощения символов социального порядка в Гербе Республики Абхазия. Концептуальный анализ даст нам возможность понять политико-правовую грань содержания «культурного кода» как юридизирующего начала. Цель нашего исследования – выявление содержательной структуры концепта «культурный код» применительно к абхазской современной действительности в параметрах деконструкции и реконструкции образов и символов.

Понятие «культурный код» привлекло внимание в европейской науке с середины XX в. таких исследователей как Р. Барт и У. Эко, в российской науке – Ю. М. Лотман, в китайской – Чжао Ихэн и Ли Ючэн [6]. В настоящее время исследования «культурного кода» продолжают оставаться одной из актуальных проблем в работах учеников знаменитых семиотиков, в которых авторами конкретизируются доктринальные положения о «культурном коде» и практические аспекты [2, 6, 7, 8].

Как утверждают, в частности, китайские исследователи, под кодом понимаются правила, которые управляют не только «имплантацией смысла в текст», но и те правила, которые управляют «реконструкцией смысла при интерпретации» [6]. Чрезвычайно важное, на наш взгляд, значение имеет с методологической точки зрения данное понимание, означающее (повторимся ввиду значимости), что под кодом подразумеваются правила, которые не только проверяют процесс «укоренения» смысла в тексте, но и управляют процессом извлечения смысла из символа. Иными словами, любой информационный носитель, текст, законопроекты, указы, распоряжения и т. д. в процессе создания, составления проходят контроль посредством кодирования. Впоследствии адресат (граждане, социальные общности и народ) при получении осуществляет раскодирование в процессе толкования, уяснения.

Луо Ган [9] и Ролан Барт [10] также понимают культурный код, как правило, контролирующее «означающее» и «означаемые» отношения в знаковой системе, семиотике. Следовательно, культурный код означает, что тот, кто создает информацию, исходит и включает в смысл вербального и невербального текста императивы культурного кода, а получатель или адресат (обладатель кода) при получении также раскрывает содержание информации посредством кода, фактически извлекая смысл из текста, руководствуясь теми же императивами культурного кода. Иными словами, отправитель информации (автор) кодирует (зашифровывает) текст, информацию, рассчитывая на то, что получатель, декодируя текст, получает то же значение или смысл, так как руководствуется в этом процессе тем же единым кодом, что является предпосылкой получения информации с единым значением и смыслом. Отсюда – эффективная коммуникация в социуме, лежащая в основе общественного согласия на предмет достижения социально значимых целей.

Исследование абхазского нартского эпоса с точки зрения семиотической теории позволяет раскрыть (раскодировать) художественный текст, который содержит определенный культурный код внутрисоциальной и внутривластной организации общества. Культурный код, воплощенный в Гербе Республики Абхазия, имеет определенную функцию: значение и статус кода всегда присутствуют в процессе создания, исполнения и восприятия Герба Абхазии. Данный эпизод можно рассмотреть как систему знаков, наделенных значением общественного порядка. Символ должен быть интерпретирован получателями в соотношении с культурным кодом, что выступает условием коммуникации. Таким образом, коммуникация, в свою очередь, основана на знании, понимании культурного кода, воплощенного в Гербе Республики Абхазии.

Нартский эпос создается в определенной культурной среде, он воспроизводит способ выживания, развития и эволюции жизни, иными словами, способ жизнедеятельности абхазского народа в конкретном ландшафте, что сказывается в национальном образе мышления [3, 4, 11]. Постоянно совершенствуясь из поколения в поколение в социальных практиках, эпос отражает органически присущие природе социальности – потребности в устойчивом развитии, он противопоставляет беспорядку, в пользу «быть» в противовес «исчезнуть», символизируя порядок в противовес хаосу и небытию.

Сюжет из нартского эпоса, согласно которому нарт Сасыркуа сбивает звезду с неба, чтобы осветить путь братьям, которых застигли темнота и холод, и обогреть их, сообщает нам о смысле, способе и правилах выживания абхазского народа. В Гербе Абхазии социокультурный код отражает нормативность, выраженную в образе поведения индивида, нацеленного на достижение социального порядка. Абхазский культурный код в данном случае понимается как семиотически осмысленный культурный опыт достижения социального порядка.

Теория культурного кода обеспечивает контекстуальное понимание коммуникативного поведения человека и представляет взаимосвязь между коммуникацией и культурой. Она помогает анализировать коммуникативную практику представителей различных социальных групп путем расшифровки культурного кода и приходиться к более точным выводам, что имеет важное значение в условиях полиэтнической и поликонфессиональной структуры населения Абхазии.

Культурный код может быть как вербальным, так и знаковым. Он одновременно определяет и ограничивает смыслы вербальной и невербальной коммуникации. Определенно для всех видов коммуникации имеет существенное значение то, что и отправитель, и получатель сообщения должны кодировать и декодировать его в соответствии с одним и тем же кодом. При этом в исследованиях, посвященных культурному коду, делается вывод о том, что культурной коммуникации между разными группами, не разделяющими одну и ту же систему кодов, процесс кодирования или декодирования может приводить к нарушению использования культурных правил, следствием чего становятся культурные семантические сдвиги, препятствующие эффективному общению, что проявляется в современном абхазском обществе. Последнее характеризуется конфликтным потенциалом в регулировании общественных отношений, в низком уровне социальной интеграции, социальной дифференциации, фрагментации и конфронтации.

Эффективное общение понимается как «коммуникация, при которой отправитель сообщения использует адекватные средства кодирования и передачи своей идеи, а получатель демонстрирует понимание идеи, сохраняя коммуникативное равновесие. Эффективная коммуникация предполагает адекватность передаваемой информации, адекватное кодирование идеи, использование подходящего канала передачи информации, адекватное декодирование сообщения получателем. При эффективной коммуникации получатель вербально или невербально демонстрирует понимание идеи, кроме того, при эффективной коммуникации между собеседниками сохраняется коммуникативное равновесие» [12].

Для современного человека стали актуальными такие проблемы, как отсутствие или размытость культурного кода в структуре сознания вследствие глобализации, приводящей к дестабилизации, социальной аномии, иссяканию государственного управленческого ресурса. С этой точки зрения для абхазского социума важно возвращение культурного кода в социальную жизнь, иными словами расшифровка тех символов, которые закодированы в символах, так как процесс обмена информацией в значительной степени связан с культурой. Культурный код регулирует, изменяет и влияет на наше поведение во всех аспектах.

При этом исследователи выделяют различные уровни культурных кодов: универсальный, национальный, региональный, местный и индивидуальный [6]. Сказанное относится и к Абхазии, где также можно выявить существование разных уровней кодов, что усложняет ситуацию обмена информацией на общенациональном уровне, и это приводит к необъективному общению из-за разности полученных кодов. Из-за отсутствия расшифровки культурного кода, устанавливающего социальный порядок на национальном (государственном) уровне, это проявляется в условиях современной Абхазии. Ряд предписанных (этнических, родовых) статусов могут препятствовать эффективной коммуникации на уровне большего социального целого (общенационального).

Применительно к Абхазии культурным кодом, символизирующим социальный порядок, является, по нашему мнению, Герб Республики Абхазия. Эффективная коммуникация может осуществляться с помощью заложенных в нем символов (принципов): баланса публичного и частного интересов, баланса традиционного и новационного, взаимность индивидуальной свободы и обязываний как условий стабильного и прогрессивного общенационального развития страны. Герб Абхазии демонстрирует наличие культурного кода, раскрывающего пути достижения публичного блага (коллективного интереса) и раскрытия человеческого потенциала (частного интереса).

Культурный код – это система организации символов. Так, Герб Республики Абхазия в художественной форме отражающий сюжет из абхазского нартского эпоса, методом деконструкции и реконструкции символов раскрывая характер динамических отношений между публичными и частными интересами, индивидуальной свободой и коллективным обязыванием, традицией и новацией, в совокупности является кодом социального порядка.

Культурный код, воплощенный в Гербе Республики Абхазия, отражает, в том числе отношения власти и подчинения. Отношения управляющих и управляемых основаны на достижительном принципе – об этом свидетельствуют действия нарта Сасрыкуа. Само сбивание звезды с целью осветить дорогу и обогреть свой род (народ) – не характерно для абхазского традиционного общества. Действие Сасрыкуа носят творческий инновационный характер, выходят за рамки простого воспроизводства тепла и света, выходят за рамки традиции, являясь новацией. Семиотическое толкование позволяет сделать вывод о том, во-первых, что индивид в обществе свободен, социальное целое предоставляет ему свободу, но свобода не абсолютна, она ограничена коллективным обязыванием. Во-вторых, нехарактерность добывания света и тепла из космоса – звезду – является символом признания новаций, но новация получает одобрение постольку, поскольку служит коллективному интересу. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что стремление служить публичному благу посредством новаций, в свою очередь, становится абхазской традицией. В-третьих, объединяющим в символе является утверждение баланса публичного и индивидуального интересов. Разрешение противоречия между публичным и индивидуальным интересом находится в динамическом взаимодействии индивида и коллектива (общества). Индивид обладает высоким идейно-мотивационным стимулом – служение публичному благу, что, в свою очередь, позволяет индивиду наполнять свободу развитием человеческого потенциала.

Таким образом, при динамическом взаимодействии индивида и социального целого, традиций и новаций, свобод и обязываний, приращение получают как индивидуальный человеческий потенциал, так и публичное, общественное благо. Данный баланс и характер взаимодействия индивида с обществом являются результирующим смыслом абхазского культурного кода, посредством которого достигается социальный порядок.

Абхазский культурный код, воплощенный в Гербе Республики Абхазия, символизирующий триединство символов социального порядка, позволяет гарантировать социальный прогресс и раскрытие человеческого потенциала. Данное триединство символов явилось историческим выражением противостояний и выживания народа в условиях таких вызовов социальной деформации как дестабилизация, архаизация, автаркия, потеря культурной идентичности.

Следующий сюжет, вытекающий из образа Сасрыкуа, позволяет определить отношение к достижительному и к предписанному статусам. Таким образом выводим из абхазского культурного кода символ справедливости, основанный на предписанном и достижительном статусах. Неслучайно, нартский эпос построен на конфликтных сюжетах (приключениях) между 99 братьями, обладателями предписанного статуса, то есть рожденных Сатаней Гуашей, и одного некровного брата, рожденного особым волшебным

образом, являющегося сотым братом. Не случайно и само название нартского эпоса «Приключения 99 братьев и нарта Сасрыкуа». 99 братьев часто создавали вызовы, и благодаря лишь своим достижениям Сасрыкуа каждый раз подтверждает статус полноправного члена семьи, социального целого, народа. Посредством способов разрешения конфликтных ситуаций между ними кодируется два вида справедливости. Отсюда следует, что народ, слагая свой эпос столетиями, различал наличие двух справедливостей: 1) моральной, основанной на предписанном статусе (на происхождении); 2) правовой, основанной на достижительном статусе, (на деяниях). Последнее выводится из того факта, что правило, на котором основывается решение конфликтов (споров) Сатаней Гуашей, кровной матерью 99 братьев-нартов, прообраза Фемиды – богини правосудия, есть правовое правило. Решение, основанное на норме, принципе, абстрагируется от происхождения, и она обладает признаком юстициальности, т. е. признаком правового. Здесь важно отметить, что народное творчество зашифровало такой культурно-правовой код посредством конфликтных сюжетов, отдавая приоритет в решении установления справедливости не на происхождении, а на деяниях. Таким образом, в эпосе получило отражение, что при конкуренции двух видов справедливости приоритет отдается справедливости по деянию, а не по происхождению, то есть правовой справедливости. В силу этого реализуется идея права (идея меры). Народное творчество закодировало правовую справедливость, идею равенства, опираясь только на достижения посредством борьбы справедливости по морали (исходя из предписанного статуса) со справедливостью по деяниям (исходя из достижительного статуса).

Сказанное позволяет резюмировать, что нартский эпос является уникальным культурным памятником как текст, демонстрирующий универсальную историческую борьбу человечества за правовое равенство: между привилегией (связанной с предписанным статусом) и равенством (связанным с достижительным статусом). О приоритете достижительного над предписанностью свидетельствуют также следующие абхазские народные пословицы:

1. Чем человек (предписанный статус), человеческое – выше (достижительный статус).
2. Достойный сын принадлежит народу (достижительный статус), а недостойный – отцу (предписанный статус).
3. Статус старшего (старейшины) определяется не годами, а тем, кто больше увидел, следовательно, познал.
4. Достоинство и достижения не наследуются.

В качестве иллюстрации также можно привести действие культурного кода в период национально-освободительного движения абхазского народа, когда достижительный статус объединил народ в одно целое, в один народ, в одно социальное политическое целое, возникла политическая общность, объединенная на достижениях. Однако послевоенное время политическая система Республики Абхазия стала упорядочиваться по иному варианту – предписанному. То есть кодирование и декодирование культурного кода происходило спонтанным образом вокруг предписанного принципа, что и привело к кризисным явлениям. Последствия этого мы обнаруживаем в усилении социодифференцирующих процессов, так как стал работать в большей степени предписанный код, который выразился через такие социальные явления и соответствующие практики как род, патронимия, иными словами, абсолютизация предписанного статуса. Следствием стало сокращение социального целого до соответствующих рода, патронимии, этноса. Действие кода заключается в том, чтобы не выдать «своего», помочь «своему» по происхождению в доступе к власти и благам. Произошла деконструкция культурного кода как символа прогресса социального порядка как баланса предписанного и достижительного статусов в угоду одного – предписанного. Данный принцип работает на сужение социального целого и конфронтацию в социальной среде. Тогда как достижительный принцип социальной организации, социального порядка способен расширять социальное целое, что наглядно проявлялось в послевоенное время, когда стало престижным изучение абхазского языка среди всех этнических групп Абхазии благодаря наличию успеха в национально-освободительном движении. Аналогичные процессы мы наблюдаем на постсоветском пространстве, во многих республиках, когда предписанный статус абсолютизируется и приводит к дестабилизации, конфронтации, социально-политическим кризисам. Выход видится в преодолении абсолютизации предписанного статуса в ущерб достижительному статусу, с установкой на баланс предписанного и достижительного статусов как принципа культурного кода, заложенного в Гербе Республики Абхазия, в образе нарта Сасрыкуа.

Таким образом, культурный код, воплощенный в Гербе Республики Абхазия, получает отражение в изобразительно-выразительной художественной форме и содержит в себе ряд символов, в том числе символ эффективного политического порядка, обеспечивающего баланс публичного и индивидуально-го (частного) интересов, традиционного и инновационного, индивидуальных свобод и общественных обязанностей.

Список литературы

1. *Апольский Е. А.* Структура российского национального правосознания в условиях поиска цивилизационных ориентиров // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2023. – №4 (40). – С. 5–10 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-rossiyskogo-natsionalnogo-pravosoznaniya-v-usloviyah-poiska-tsivilizatsionnyh-orientirov?ysclid=m7vjw4fb2h37130502> (дата обращения: 04.03.2025).
2. *Дробышев А. В.* Концепт «культурный код» как универсальный методологический инструмент в гуманитарных дисциплинах / А. В. Дробышев // Челябинский гуманитарий. – 2024. – № 2(67). – С. 32–45. – DOI 10.47475/1999-5407-2024-67-2-32-45. – EDN BZBCWW и др.
3. *Камкия Ф. Г.* Инфраюридические явления в процессе формирования и реализации политико-правового идеала / Мат. науч.-практ. конф. «Политико-правовой идеал в современном российском законодательстве» (10–11 октября 2005 г., Сочи–Ростов-на-Дону) / под ред. проф. Д. Ю. Шапсугова. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2005. – С. 66–72.
4. *Камкия Ф. Г.* К вопросу об особенностях правовой системы Абхазии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». – 2014. – № 2. – С. 83–93.
5. *Бабурин С. Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма: монография / предисл. И. М. Рагимова. – Москва: Норма, 2023. – 536 с.
6. *Мэнмэн Юань.* Понимание концепта «культурный код» в современной китайской семиотике // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 1 (34). – С. 33–37 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-kontseptakulturnyy-kod-v-sovremennoy-kitayskoj-semiotike?ysclid=m7pta8uqqg317531453> (дата обращения: 24.02.2025).
7. *Симбирцева Н. А.* «Код культуры» как культурологическая категория / Н. А. Симбирцева // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 157–167. – DOI 10.17805/zpu.2016.1.12. – EDN VSBNCJ
8. *Худолей Н. В.* Национальный код культуры и его актуализация в пословицах, поговорках и классических литературных текстах / Н. В. Худолей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 643–653. – DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-4-643-653. – EDN ZXVZKP
9. *Lo Gan.* Vvedenie v narratologiyu [Introduction to Narratology]. Yunnan People's Publishing House, 1994. – 322 p.
10. *Барт Р.* Мифология сегодня; пер. с фр. / Р. Барт // Система моды. Статьи по семиотике культуры. – Москва: Изд-во им. Сабашиных, 2003. – 512 с.
11. *Камкия Ф. Г.* Представления о правовом порядке в нартском эпосе // Труды Абхазского государственного университета. – Сухум: АГУ, 2008. – С. 243–250.
12. *Гончарук Е. Ю.* Анализ коммуникации по степени ее эффективности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 26 (355). Филология. Искусствоведение. – Вып. 93. – С. 30–33 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kommunikatsii-po-stepeni-ee-effektivnosti?ysclid=m7pzz6f066132629783> (дата обращения: 24.02.2025).

References

1. *Apolsky E. A.* The structure of the Russian national legal consciousness in the context of the search for civilizational landmarks // Bulletin of the S. Y. Witte Moscow University. Series 2: Legal Sciences. – 2023. – No. 4 (40). – Pp. 5–10 [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-rossiyskogo-natsionalnogo-pravosoznaniya-v-usloviyah-poiska-tsivilizatsionnyh-orientirov?ysclid=m7vjw4fb2h37130502> (accessed: 03/04/2025).

2. *Drobyshev A. V.* The concept of “cultural code” as a universal methodological tool in the humanities / A. V. Drobyshev // Chelyabinsk Humanities. – 2024. – № 2(67). – Pp. 32–45. – DOI 10.47475/1999-5407-2024-67-2-32-45. – EDN BZBCWW.
3. *Kamkia F. G.* Infra-legal phenomena in the process of formation and realization of the political and legal ideal / Mathematical scientific and practical conference “Political and legal ideal in modern Russian legislation” (October 10–11, 2005, Sochi–Rostov-on-Don) / edited by Prof. D. Y. Shapsugov. – Rostov-on-Don: SKAGGS Publishing House, 2005. – Pp. 66–72.
4. *Kamkia F. G.* On the issue of the peculiarities of the legal system of Abkhazia // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. The series “Legal Sciences”. – 2014. – No. 2. – Pp. 83–93.
5. *Baburin S. N.* The moral State. The Russian view on the values of constitutionalism: a monograph / preface by I. M. Ragimov. – Moscow: Norma, 2023. – 536 p.
6. *Mengmeng Yuan.* Understanding the concept of “cultural code” in modern Chinese Semiotics // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies. – 2022. – No. 1 (34). – Pp. 33–37 [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-kontsepta-kulturnyy-kod-v-sovremennoy-kitayskoy-semiotike?ysclid=m7pta8uqqg317531453> (accessed: 02/24/2025).
7. *Simbirtseva N. A.* “Code of culture” as a cultural category / N. A. Simbirtseva // Knowledge. Understanding. Ability. – 2016. – No. 1. – Pp. 157–167. – DOI 10.17805/zpu.2016.1.12. – EDN VSBNCJ
8. *Khudolei N. V.* The national code of culture and its actualization in proverbs, sayings and classical literary texts / N. V. Khudolei // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Educational issues: languages and specialty. – 2017. – Vol. 14, No. 4. – Pp. 643–653. – DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-4-643-653. – EDN ZXVZKP
9. *Lo Gan.* Vvedenie v narratologiyu [Introduction to Narratology]. Yunnan People’s Publishing House, 1994. – 322 p.
10. *Barth R.* Mythology today; translated from French / R. Barth // The fashion system. Articles on the semiotics of culture. – Moscow: Publishing House named after Sabashnikov, 2003. – 512 p.
11. *Kamkia F. G.* Ideas about the legal order in the Nart epic // Proceedings of the Abkhazian State University. – Sukhum: ASU, 2008. – Pp. 243–250.
12. *Goncharuk E. Y.* Analysis of communication by the degree of its effectiveness // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2014. – № 26 (355). Philology. Art history. Issue 93. – Pp. 30–33 [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kommunikatsii-po-stepeni-ee-effektivnosti?ysclid=m7pzz6f066132629783> (accessed: 02/24/2025).

Статья поступила в редакцию: 07.01.2025

Received: 07.01.2025

Статья поступила для публикации: 11.03.2025

Accepted: 11.03.2025

О ПЕРСПЕКТИВАХ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**Керимов Александр Джангирович¹,***д-р юрид. наук, профессор,**e-mail: 8017498@mail.ru,**¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия*

Статья посвящена анализу перспектив конституционного развития Российской Федерации на современном этапе развития общества и государства в условиях накопившегося опыта и актуальных вызовов, сложившихся в международных отношениях. В работе обосновывается необходимость принятия новой Конституции Российской Федерации. Высоко оценивая содержание, потенциал и направленность конституционных изменений 2020 года, автор вместе с тем убеждён, что существует настоятельная потребность в дальнейшем форсированном продвижении в заданном направлении. Это обусловлено тем, что, как минимум, четыре фундаментальных положения Основного закона подлежат кардинальному пересмотру вплоть до их решительной и окончательной отмены. Речь идёт о части 2 статьи 13, запрещающей государственную идеологию, о части 2 статьи 9 Конституции, допускающей частную собственность на Землю и другие природные ресурсы, о части 1 статьи 1, объявляющей Россию демократическим государством, о статье 2, провозглашающей человека, его права и свободы высшей ценностью. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: Конституция, Россия, ценности, частная собственность, природные ресурсы, идеология, Запад, права и свободы, демократия

ON THE PROSPECTS OF RUSSIA'S CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT**Kerimov A.D.¹,***Doctor of Legal Sciences, Professor,**e-mail: 8017498@mail.ru,**¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

The article is devoted to the analysis of the prospects for the constitutional development of the Russian Federation at the present stage of development of society and the state in the context of accumulated experience and current challenges in international relations. The article substantiates the need to adopt a new Constitution of the Russian Federation. While appreciating the content, potential and direction of the 2020 constitutional amendments, the author is convinced that there is an urgent need for further accelerated progress in this direction. This is due to the fact that at least four fundamental provisions of the Basic Law are subject to cardinal revision until their decisive and final repeal. We are talking about part 2 of Article 13, which prohibits state ideology, part 2 of Article 9 of the Constitution, which allows private ownership of Land and other natural resources, part 1 of Article 1, declaring Russia a democratic state, article 2, proclaiming man, his rights and freedoms as the highest value. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: The Constitution, Russia, values, private property, natural resources, ideology, the West, rights and freedoms, democracy

Введение

Многие важнейшие, фундаментальные положения Конституции 1993 г. во что бы то ни стало подлежат кардинальному пересмотру. Факт этот не вызывает сегодня у значительного сегмента национально ориентированных политиков и чиновников, ответственных экспертов и ана-

литиков, патриотично настроенных граждан ни малейших сомнений, что, конечно, неудивительно. Ни для кого не секрет, что в конце прошлого столетия, законодательный акт, обладающий высшей юридической силой, был инспирирован и составлен, в том числе и лицами, придерживающимися радикально либеральных взглядов и финансируемых Западом, особенно США. Это пагубным образом отразилось на его содержании, букве, духе и на всём дальнейшем развитии нашего общества и государства. Мы до сих пор вынуждены исправлять совершённые тогда сторонниками Б. Н. Ельцина просчёты и ошибки.

С. Н. Бабурин прав, когда пишет, что Конституция вобрала в себя и некоторые ценные нормы, родившиеся в предшествующий ей период, но наряду с этим многие её новшества граничат с национальной капитуляцией и с течением времени превратились в препятствие, не позволяющее народу России стряхнуть наваждение и подняться с колен [1, с. 14].

Изменения, с точки зрения большинства, должны затронуть, помимо прочего, и ряд установленных глав 1, 2 и 9, для чего необходим созыв Конституционного Собрания (ч. 2 ст. 135 Конституции). Оно призвано разработать проект Основного закона, принять его самостоятельно двумя третями голосов от общего числа членов Собрания или вынести на референдум (ч. 3 ст. 135 Конституции). О давно назревшей, настоятельной потребности в новой, отвечающей вызовам времени Конституции убедительно рассуждают авторитетные учёные: С. А. Авакьян [2, с. 11–36; 3, с. 21–38], С. Н. Бабурин [4, с. 4–7], М. И. Клеандров [5, с. 7–17], Ю. Л. Шульженко [6, с. 39–55].

В нынешних условиях верховное руководство страны, как мы видим, сочло логичным и конструктивным пока что не инициировать столь громоздкую, обременительную и длительную процедуру, а пойти иным путём и подвергнуть серьёзной модификации отдельные нормы глав 3–8 (ст. 136 Конституции), что, на наш взгляд, разумно. Тем самым удалось в определённой степени нивелировать крайне негативные эффекты практического применения положений глав 1 и 2, а также конкретизировать магистральные направления эволюционирования нашей Державы, точнее и чётче очертить наши ценности и идеалы. К тому же фундаментальные изменения Основного закона 2020 г. существенно усовершенствовали механизм государственного управления, повысили его качество и ознаменовали собой начало современного, модернизационного этапа политико-правовых преобразований непреходящей значимости не только для прогрессивного развития нашей страны, но и для всего международного сообщества. Нельзя не заметить, что само смысловое содержание, равно и мобилизационно-созидательный потенциал соответствующих конституционных нововведений чрезвычайно важны и даже революционны. Направления этих изменений мы оцениваем однозначно позитивно.

Сейчас же хотелось бы подчеркнуть, что сказанное отнюдь не снимает с повестки дня напряжённую актуальность, острую насущность подготовки и принятия в ближайшем будущем новой Конституции. Приведём лишь несколько аргументов, свидетельствующих в пользу озвученной и отстаиваемой нами и коллегами-единомышленниками позиции.

Идеология

У нас на конституционном уровне запрещена государственная идеология, с чем невозможно согласиться. Ч. 2 ст. 13 Конституции однозначно и беспелляционно провозглашает: никакая идеология не может утверждаться в качестве государственной или обязательной. Эта норма, которую, напомним, первый президент России Б. Н. Ельцин (1931–2007) рассматривал (надеюсь, по недомыслию, а не злонамеренно) как одно из важнейших достижений¹, уже принесла и по сию пору продолжает приносить огромный вред нашему Отечеству. Она сильно затрудняла и поныне затрудняет конструктивную работу народа, политических деятелей, учёных и специалистов по сдерживанию навязываемой Западом

¹ Общими силами – к подъёму России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации): Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 17.02.1998 // Российская газета. – 1998. – 24 фев. – Анализируемый запрет, по абсолютно обоснованному мнению Т. Н. Радько, невозможно отнести к достоинствам Конституции, ибо он «противоречит истории Российского государства, всегда имевшей собственную духовную (идеологическую) силу» [7, с. 73].

агрессивной экспансии либерально-глобалистских мировоззренческих концепций и ценностей². Мы солидарны с К. А. Ишековым, полагающим, что содержащееся в указанной норме строжайшее табу является отражением эпохи распада СССР и в перспективе может быть (для нас: непременно должно быть – *Примеч. авт.*) отменено в связи с принятием новой Конституции России [9, с. 56]. Эта позиция сегодня, к счастью, достаточно широко представлена в среде правоведов и политиков.

К тому же ч. 2 ст. 13 Конституции видится нам бессмысленной. Приведённое установление самым прямым и непосредственным образом противоречит, например, ч. 5 той же ст. Конституции. В ней наложен запрет на учреждение и функционирование объединений, устремления и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв её безопасности, создание вооружённых формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Этот отрывок изложен нами (очень близко к оригинальному тексту, почти дословно) исключительно с одной-единственной целью: специально продемонстрировать, наглядно показать, что даже в отдельном коротком фрагменте могут быть зафиксированы ключевые элементы, краеугольные, незыблемые начала нашей государственной идеологии. Само собой разумеется, что последняя в той или иной, большей или меньшей степени, по сути, закреплена во многих статьях Конституции. Следует, безусловно, согласиться с С. А. Авакьяном в том, что Основной закон просто не может не быть идеологическим, т. е. мировоззренческим документом. Ведь все содержащиеся в нём постулаты, практически все его положения отражают видение желаемой социально-политической системы [10, с. 11]. Государственной идеологии, принципов и постулатов обязаны придерживаться и рядовые граждане, и должностные лица. Она тем самым, бесспорно, существует де-юре. Существует она и де-факто, выражаясь в конкретных решениях и деяниях разного рода акторов, прежде всего обладающих публично-властными полномочиями.

Всяческие республики и любые монархии, какие угодно демократии и всевозможные автократии, как из далёкого прошлого, так и текущей современности, вне зависимости от их цивилизационной и формационной принадлежности, неизменно руководствуются определённой идеологией. Она всегда была, есть и будет, хотя порою возникает обманчивое, иллюзорное ощущение её отсутствия. Посему запрещать её на конституционном уровне – «совершеннейшая нелепость».

На нынешнем поразительно сложном и смертельно опасном этапе исторического развития нам, нашей Отчизне как воздух нужна государственная идеология. Да, она существует. Но пока ещё в самом общем, в каком-то неуверенном, растерянном, несосредоточенном виде, в некоем бесформенном, аморфном, рыхлом состоянии, в качестве разрозненных, плохо согласованных, слабо взаимосвязанных между собой отдельных принципов и положений. Необходима, однако, сбалансированная, чётко выверенная, ясно и понятно, внятно и доходчиво сформулированная система фундаментальных постулатов, непререкаемых аксиом и исходных допущений, без которых, кстати, в данном случае не обойтись.

И здесь нельзя медлить. Следует безотлагательно ответить, притом не отвлечённо, умозрительно, а сугубо предметно и конкретно, на нерешённые (или не до конца решённые) нами судьбоносные вопросы: куда, в каком направлении, как уникальная страна и самобытная цивилизация, движется и должна двигаться Россия; какую структуру экономических и политических отношений мы намерены создать; каковы наши стратегические цели в основных областях жизнедеятельности, наши заветные упования и этические идеалы; какое общество в его субстанциальных ипостасях и воплощениях мы стремимся построить; каким мы хотим видеть мир XXI века в его глобальном измерении и какова роль в нём нашей Державы и т. д., и т. п.

Интересны, как и всегда, рассуждения на рассматриваемую тему А. А. Зиновьева (1922–2006). Ещё в 2005 г. он писал, что после распада советского коммунистического блока, самого СССР и разгрома социалистического строя в государствах соответствующей части планеты началась эпоха

² Н. А. Бердяев (1874–1948), был, несомненно, прав, когда заявлял: «Влечение к бесконечной экспансии лежит в основе капиталистического мира, со всеми его обманами, превратностями и противоречиями» [8, с. 191]. Здесь нельзя упускать из виду тот факт, что экспансия эта касается отнюдь не только хозяйственно-экономической сферы, отношений собственности, о чём в данном пассаже и пишет философ. Она, бесспорно, распространяется и на иные области человеческого бытия: политическую, идеологическую, духовно-нравственную.

эволюционного спада, тотальной социальной реакции. Важнейшими компонентами последней явились искусственно генерируемое и всячески поощряемое всеобщее помутнение умов, реанимация дремучих идеологий прошлого и изобретение новых, к сожалению, того же ментального уровня и той же направленности. Реализовывал эту реакционную практику Запад во главе с США, не встречая никаких серьёзных препятствий, способных её остановить или хотя бы замедлить. То же самое он делает и сегодня.

Запущенный им процесс, продолжил А. А. Зиновьева, угрожает существованию миллиардов людей на Земле, фактически всем *Homo sapiens*. Если и возможно блокировать указанный процесс, то, по мнению учёного, только путём создания новой идеологии, по масштабам сопоставимой с марксистской, но превосходящей её по интеллектуальной мощи, по степени адекватности условиям и потребностям наступившего третьего тысячелетия [11, с. 69]. Задача, с нашей точки зрения, сложная, но выполнимая. И к её решению следует приступить в ближайшее же время. Возглавить работу по созданию в нашей стране государственной идеологии, по организации и мобилизации необходимых для этого специалистов и экспертов должно, разумеется, само государство, его политическое руководство.

Частная собственность

В соответствии с ч. 2 ст. 8 Конституции в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности³. Согласно ч. 1 ст. 9 Конституции, Земля и другие природные ресурсы объявляются основой жизни и деятельности народов, проживающих на территории России. При этом парадоксальным образом допускается, что они могут находиться, в том числе и в частной собственности (!) (ч. 2 ст. 9 Конституции). Характерно, что об этой форме собственности (а не о государственной, не о муниципальной и не о иных её видах) в обеих статьях говорится в первую очередь. О ней же речь идёт и в ст. 35 и 36 Конституции.

Но ведь ничто, как явствует из текста ч. 2 ст. 9 Конституции, не мешает известным персонажам, т. е. представителям класса буржуазии, прежде всего крупного капитала (в силу наличия у них очевидных преимуществ и имманентных им хищнических, непомерно алчных притязаний), обратить все без остатка названные ресурсы в свою собственность, предумышленно и цинично лишив государство, муниципалитеты и прочие субъекты возможности ими владеть, пользоваться и распоряжаться в интересах всего населения. Разве не в этом направлении мы ускоренно и настойчиво продвигались ещё совсем недавно – в 90-ые гг. XX века? Разве не тогда осуществлялась, по сути, преступная, грабительская приватизация? И разве, наконец, частная собственность автоматически, сама по себе с неизбежностью предполагает неустанную, бескорыстную и трепетную заботу об общем благе? Складывается устойчивое и оправданное впечатление, что обыкновенно всё происходит как раз наоборот. Капиталистические предприятия, частные корпорации всецело сосредоточены на удовлетворении исключительно своих сугубо материально-финансовых потребностей, сфокусированы на извлечении максимальной прибыли. Озабочиваться всеобщим призвано в идеале государство. В этом его важнейший смысл и предназначение.

Кроме того, совершенно ясно, что ресурсы, миллионы лет создаваемые природой и задействованные в процессе общественного производства, являются достоянием всех жителей любой отдельной страны. Они ни при каких обстоятельствах не должны безраздельно принадлежать узкой группе лиц, получающей в результате их интенсивного, как правило, бесконтрольного и неограниченного коммерческого использования баснословные доходы. В противном случае грубо попираются базовые, непреложные принципы социальной справедливости.

Между тем люди исстари, ещё до нашей эры хорошо осознавали, что справедливость – непоколебимое основание государства. На этом настаивал, к примеру, древнегреческий поэт-лирик Пиндар

³ Понятие «иные формы собственности», как показала практика, трактуется достаточно широко: это и собственность религиозных и общественных объединений, и родовых общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, и иностранных юридических и физических лиц и др.

Принцип равной защиты всех форм собственности не следует интерпретировать, что ошибочно нередко делается, как принцип их равенства. На данное обстоятельство совершенно верно указывают Е. А. Суханов [12, с. 171], В. В. Гошуляк [13, с. 146].

(около 518–442 до н. э.)⁴. В том же духе высказывался и Платон (427–347 до н. э.), как, впрочем, и многие другие. По словам философа, неправда достигает своего предела, когда несправедливое начинают почитать справедливым⁵. С воцарением почти на всей планете частной собственности на природные ресурсы именно так и произошло. Неправда дошла до крайней черты и стала вопиющей, отвратительно безнравственной.

Сложившееся и неумолимо охраняемое сильными мира сего положение вещей, т. е. железная незыблемость их права на богатства Земли, к формированию которых они элементарно не имели и не могли иметь ни малейшего отношения, ими же всячески и оправдывается. Оправдывается с позиций рационально-теоретических, морально-этических, ценностно-религиозных. Эта привилегия беззастенчиво преподносится ими как абсолютно приемлемая, вполне естественная, объективно обусловленная, более того, целесообразная, а порою и божественно предопределённая. Особенно удручает и шокирует то, что большинство человечества (хотя, конечно, вовсе не всё) похоже, с этим как будто смирилось.

Необходимо в данном случае обратиться к позитивному советскому опыту законодательного регулирования основ экономической системы и частично использовать его на нынешнем этапе исторического развития. В своё время, в Конституции СССР 1977 г., как известно, появилась, на наш взгляд, весьма удачная формулировка – «исключительная собственность государства»⁶. В ст. 11 устанавливалось, что в такой, т. е. в исключительной собственности государства находятся, помимо прочего, земля, её недра, воды, леса. Мы убеждены, что аналогичное положение следует закрепить в новой российской Конституции. В исключительной государственной собственности должны оказаться, как минимум, все имеющиеся в стране природные ресурсы. Что же касается определения конкретного перечня объектов такой собственности, то он, кстати, может быть и открытым, предусматривающим право законодателя на его увеличение⁷.

Думается, что к составлению такого, т. е. некоего базового, не ограниченного заранее заданными догматическими рамками перечня объектов исключительной государственной собственности надлежит привлечь самые широкие слои населения. Благо практика всенародных обсуждений общенациональных вопросов, различных официальных документов в СССР и в России довольно богатая и небезуспешная⁸.

Демократия

Ч. 1 ст. 1 Конституции провозглашает Россию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Стойкое неприятие (и эмоциональное, и рассудочное) вызывает у нас в данном случае единственное понятие – демократия. Оно, на наш взгляд, должно быть исключено из текста Основного закона. Постараемся аргументировано изложить свою позицию.

Демократия, благодаря «стараниям» западных властвующих элит окончательно себя дискредитировала. Она переживает кризис. Кризис системный и масштабный, глубокий и всеобъемлющий, затяжной и болезненный. Этот факт уже в течение длительного времени безоговорочно признаётся многими политическими деятелями, равно учёными, аналитиками и экспертами, представляющими различные отрасли общественно-гуманитарного знания, а также обычными, но неравнодушными избирателями. И, как известно, не только в нашей стране, а практически повсеместно.

Мы здесь, разумеется, не имеем в виду тех, кто и без того изначально, с момента зарождения данного способа организации и функционирования власти выступал его непримиримым идейным противником. А таких, надо сказать, немало.

⁴ Антология мудрости. Сост. В. Ю. Шойхер. – Москва: Вече, 2007. – С. 249.

⁵ Там же.

⁶ Ясно, что фактически такая собственность в Советском Союзе была всегда.

⁷ Напомним, что в соответствии со ст. 11 государству в СССР, наряду с землёй, её недрами, водами и лесами, принадлежали основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления государственных задач.

⁸ См., например, статьи Иванова И. В. [14, с. 87–90]; Черногора Н. Н., Залоило М. В. [15, с. 74–92].

Доказательств кризиса демократии, который вероятнее всего приведёт в обозримом будущем либо к её сокрушительному тотальному краху, либо к жёсткому формально-юридическому и фактическому ограничению использования её институтов и структур, характерных для неё приёмов и методов, множество. Речь идёт о серьёзных недостатках, хронических и опасных пороках и изъянах рассматриваемого политического режима, на удивление отчётливо и выпукло проявлявших и проявляющих себя на всём протяжении его существования и особенно на современном этапе. Не будем на них специально останавливаться: они подробно описаны нами в опубликованных ранее работах [16].

Обратим внимание лишь на один. Человечеству, той его части, которая живёт при республиканском правлении (собственно, и в условиях монархии, если коронованная особа властвует над подданными сугубо номинально, а в реальности доминируют другие, получившие руководящие функции по итогам всенародного голосования) потребовался совсем непродолжительный в историческом измерении период времени для того, чтобы воочию убедиться: господствующая в государственно организованном социуме избираемая населением элита, – президенты, депутаты, сенаторы и назначаемые ими министры, прочие лица, возглавляющие исполнительную ветвь власти, а также и судебную, в массе своей ничуть и ничем не лучше тех, к кому привилегированное положение переходит по наследству, – цари, короли, князья, герцоги, бароны и т. п. Не лучше в том смысле, что они вовсе не обязательно оказываются умнее и образованнее, компетентнее и профессиональнее, честнее и совестливее и т. д., нежели аристократы всех видов и мастей. Выборы, будучи неотъемлемым атрибутом демократии, этого не обеспечивают. Они, вопреки ожиданиям, не гарантируют верховенство наиболее достойных.

Перед всеми, кто вдумчиво, обстоятельно и комплексно изучает реалии демократии, её истинное содержание, её конкретные формы и типы, естественно встаёт череда вопросов: почему в итоге она пребывает в таком удручающе депрессивном состоянии, в состоянии катастрофического упадка, духовной деградации, культурного регресса? Каковы причины тому послужившие? Отчего её охватил глобальный кризис?

Ясно, что сложившаяся ситуация не может быть следствием одних только злонамеренных действий, результатом исключительно вредоносных манипуляций, предпринимаемых истеблишментом западных стран. Последний, стремясь во что бы то ни стало сохранить своё господство, целенаправленно и методично в течение долгих лет извращал и извращает априорный благородный смысл, выхолащивал и поныне выхолащивает изначально имевшееся высокое предназначение демократии, ориентированной, по крайней мере, по своей концептуальной интенции, на достижение справедливости. Нет, дело тут главным образом не в этом. Дело в том, что демократия – порочна уже с момента своего рождения. Посему возведение её в ранг основного способа, универсального принципа выстраивания властных отношений в государстве и придание ей статуса официальной идеологии абсолютно не оправдано и неминуемо разрушительно для любого социума.

Стоит отдельно отметить, что постоянное, грубое и циничное искажение на практике её базовых постулатов происходило и происходит в западном мире одновременно со своего рода её обожествлением, с превращением её в некую «священную корову», с почти сакральным поклонением ей. Это парадоксально, но объяснимо. Оба эти, казалось бы, взаимоисключающих процесса выгодны, точнее, жизненно необходимы буржуазии, ибо отвечают её классовым интересам. Капитализм и демократия тесно связаны между собой, они взаимообуславливают и взаимовоспроизводят друг друга [17, с. 12–23]. Но вместе с тем, с позиций олигархата и его особо одарённых и изощрённых приспешников (отнюдь не все пособники и слуги нобилитета обладают должной квалификацией), и демократия, и капитализм нередко нуждаются в существенной, иногда кардинальной корректировке. Ведь приоритетная цель западных элит – сохранение и упрочение принадлежащих им власти и богатства, а вовсе не обеспечение подлинной свободы, социальной справедливости, рыночных отношений, не защита прав граждан, провозглашённой апологетами буржуазного строя священности частной собственности, демократических принципов организации и функционирования общества и т. д., и т. п.

Вернёмся, однако, к нашему тезису об изначальной порочности демократии и соответствующей ей идеологии. Глубокое убеждение автора настоящей работы (в отличие от мнения, отстаиваемого многими исследователями) заключается в том, что именно её априорной ущербностью детерминировано то кризисное состояние, в котором она пребывает сегодня. Такое её состояние представляется нам логиче-

ским исходом, закономерным результатом триумфального утверждения и последующего эволюционирования в западной ойкумене институтов и структур, установок и ценностей либеральной демократии. Она всегда содержала в себе сокрытую от праздного взгляда, но вполне реальную возможность своей будущей деградации, своего потенциального упадка и разложения.

Эта возможность, которая, как мы видим, на нынешнем историческом этапе в полной мере воплотилась в действительность, обусловлена тем, что содержательное наполнение демократии, как социокультурного феномена, можно во многом признать ничтожным.

Этот факт был проанализирован и блестяще описан более века назад Н. А. Бердяевым и с тех пор, как это ни поразительно, был практически предан забвению. Обращаясь к духовным первоосновам, осмысливая саму идею демократии, он подчёркивал, что «она сама не знает своего содержания и в пределах утверждаемого ею принципа не имеет никакого содержания» [18, с. 466], что она «не хочет знать, во имя чего изъясняется воля народа, и не хочет подчинить волю народа никакой высшей цели» [18, с. 466].

Демократия, оказавшись изначально в плену у своего собственного доминантного, по сути, определяющего её признака или, если угодно, её руководящего начала, главного принципа (которым она «дорожит превыше всего и который ничему не хочет подчинять» [18, с. 466]), а именно – волеизъявления большинства, как достаточного и единственного основания для принятия решений и (или) осуществления выбора, сразу же обнаружила свою бессодержательность. Ведь названный принцип – суть принцип сугубо формальный, беззастенчиво отдающий вульгарным механицизмом, призывающий всегда и при всех обстоятельствах покорно склонять голову перед численным превосходством. Демократия, как совершенно справедливо отмечает Н. А. Бердяев, «предоставляет раскрытие истины решению большинства голосов» [18, с. 466]. А почитание, по сути, культ исключительно количественного начала, признание «власти количества, поклонение всеобщему голосованию возможны лишь при неверии в истину и незнании истины. Верующий в истину и знающий истину не отдаёт её на растерзание количественного большинства» [18, с. 466].

Демократия, руководствуясь прежде всего принципом волеизъявления большинства, пугающе безразлична к качеству, нравственному и интеллектуальному его содержанию. Она вовсе не озабочена обнаружением далеко не всегда очевидной, а зачастую, напротив, сокровенной, глубинной направленности, целеустремлённой сосредоточенности этой воли. В результате демократия выступает довольно примитивным организационным механизмом, не более чем незамысловатой технологией, предлагающей удручающе простой и явно неадекватный способ формирования государственно-властных структур и управления современными чрезвычайно сложными и с течением времени всё усложняющимися общественными системами.

Наше критическое отношение к демократии многократно усиливается по мере ясного осознания того, что данная её характерная черта в полной мере вообще неустранима. Это понимают, скорее, инстинктивно чувствуют и её апологеты. Стремясь всеми силами максимально нивелировать описанный отличительный признак демократии, они искусно изобретают и внедряют всё новые и новые её виды. Следует признать, что порой они достигают здесь некоторых незначительных успехов. О какой только демократии не писали и не пишут, какие только её модели и разновидности не обсуждались и не обсуждаются в научных, околонучных, политических и журналистских кругах. Помимо давно известной и реализуемой на практике прямой и представительной демократии говорили и продолжают говорить о суверенной, делиберативной (совещательной), консенсусной, мажоритарной, минималистской, партиципативной (демократии участия), плебисцитарной, об управляемой, агрегативной, институциональной, экономической и прочих её видах и концепциях. Но по большей части попытки приверженцев демократии приукрасить её, точнее, адаптировать к новым феноменам социально-экономической и политической жизни, к стремительно меняющимся реалиям общественного бытия всякий раз оказываются тщетными, терпят очередной крах. И это не удивительно. Ведь неизменным, можно даже сказать, незыблемым и при этом доминантным остаётся основной её принцип (отказ от него равносильен отказу от самой демократии), а именно, – принцип поклонения волеизъявлению большинства, начисто выхолащивающий любое живое содержание, позволяющий с лёгкостью, бездумно и ничтоже сумняшеся в любых ситуациях освобождаться от необходимости нравственного выбора, служения какой-либо вдохновляющей идеи или высшей цели.

Если попытаться дать в самом общем виде ответ на вопрос, что нужно сделать для преодоления недостатков демократии, то он мог бы быть следующим: необходимо создать разветвлённую, многоуровневую, хорошо сбалансированную, действенную систему мер, нацеленную на обеспечение реального, живого участия в государственном управлении наиболее того заслуживающих представителей нации. Речь идёт о том, чтобы люди, благодаря своим талантам и трудолюбию достигшие значительных высот в той или иной области общественной жизнедеятельности, те, кто, по общему признанию составляет цвет нации, активно участвовали во власти.

Сегодня, когда в связи с усложнением процессов социального управления многократно возрастает потребность в принятии на государственном уровне ответственных и компетентных решений, особенно необходима система мер, гарантирующих постоянное и весомое, с точки зрения численности, присутствие в стане власть имущих лиц, в чьих высоких интеллектуальных и нравственных качествах не приходится сомневаться. Такая система, само собой разумеется, должна быть закреплена законодательно (желательно в основном в конституциях) и иметь в качестве единственного основания участия названных лиц во власти их принадлежность к, условно говоря, классу «новой аристократии», т. е. к классу тех, кто не иначе как своим трудом и выдающимися достижениями завоевал себе привилегированное положение в обществе и снискал славу непререкаемого морального авторитета.

Более того, мы в данном случае испытываем надежду на то, что предположение В. О. Ключевского (1841–1911) о грядущем изменении порядка властеотношений в обществе Будущего окажется пророческим. Приведём в этой связи его рассуждения. Политическому общежитию, основанному в целях общего блага, как отмечает учёный, предшествовали естественные союзы, связанные кровным родством. В этих союзах, конечно же, не было равенства, но не было и сословий; их место занимали возрасты: старшие составляли правящий класс, а младшие – управляемый. На смену такого рода союзу пришло сословное государство. В современном же государстве, продолжает В. О. Ключевский, тоже нет ни равенства, ни сословий; их место занимают изменчивые экономические состояния. Те, кто более всего платят государству, т. е. наиболее состоятельные, прямо или косвенно руководят его делами, а наименее состоятельные вынуждены им подчиняться. (Заметим, за истекшие более чем сто лет, положение никоим образом не поменялось, исключая то, что богатые научились виртуозно избегать налогообложения – *Примеч. авт.*) «Может быть, – предрекает историк, – и капитал утратит политический вес, уступив место другой силе, например науке, знанию; по крайней мере, о возможности управлять обществом посредством этой силы давно мечтали многие, мечтают и теперь. В государственном механизме, который будет приводиться в движение этой силой, также не будет ни равенства, ни сословий, их место займут *учёные степени* (выделено В. О. Ключевским – *Примеч. авт.*), и в законодательных собраниях депутаты с цензом очистят скамьи для делегатов учёных обществ с дипломами» [19, с. 240–241]. И далее: «Будущее государство знания, науки устроится по образцу школы с разделением на учеников и учителей и с подразделением последних на старших и младших» [19, с. 241]. Пожалуй, подобную организацию можно смело признать и более эффективной и, несомненно, более справедливой по сравнению с нынешней.

Человек, его права и свободы

И у нас, и у значительного числа коллег-обществоведов тревожные и обоснованные сомнения, веские нарекания, соображения резко критического характера вызывают предписания ст. 2 Конституции. Напомним, в соответствии с ними человек, а также его права и свободы объявляются высшей ценностью⁹. Государству вменяется в обязанность их признание, соблюдение и защита.

На первый взгляд может показаться, что всё сформулировано грамотно, логично и даже безупречно. Однако это неверное, надо подчеркнуть, глубоко ошибочное впечатление. Несмотря на то, что положение как бы второй части рассматриваемой статьи представляется разумным и нужным (пожалуй, мало кто осмелится оспаривать содержащееся в ней категорическое требование, обращённое к государственным институтам и структурам), предыдущая фраза (или предшествующая её часть) – порочна и поэтому неприемлема.

⁹ Объявляются, по меткому замечанию С. Н. Бабурина, явно «иезуитски» [1, с. 14].

Закреплённая в ней излишне самонадеянная, так сказать, откровенно дерзкая по отношению к необъятному, могущественному и гармоническому космосу позиция, призывающая, по сути, полагать личность осью мироздания, считать её центром вселенной, чрезмерно превозносить её, отвергается русским менталитетом, равно и умонастроениями, убеждениями, традициями и обычаями других этносов, издревле проживающих в России. Речь идёт об искренне верующих людях, исповедующих православие, которое сыграло громадную позитивную роль в становлении и развитии отечественной культуры и духовности, а также об адептах иных конфессий, коих у нас немало¹⁰. Речь идёт и о тех людях, которые, будучи проникнуты секулярным сознанием, настроены атеистически, но при этом, как и христиане, мусульмане, иудеи, буддисты, словом – все верующие, отнюдь не думают, что индивид и его права обладают первостепенной значимостью.

Комментируя Всеобщую декларацию прав человека, принятую на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1948 г. (в частности, ст. 29, п. 2), т. е. документ сугубо светский, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отмечает, что в ней ещё тогда, на заре создания международного законодательства в данной области была заложена идея, согласно которой «права человека не могут быть абсолютной мерой вещей, но должны согласовываться с рядом параметров»¹¹.

Развивая эту мысль, он утверждает, что именно моральные нормы, в строгом соответствии с буквой и духом названной декларации, предстают реальным ограничителем для реализации прав человека в публичной сфере¹².

Декларация о правах и достоинстве человека, принятая в 2006 г. X Всемирным Русским Народным Собором «от имени самобытной русской цивилизации»¹³ провозглашает: «Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. (Для нас есть немало ценностей, превосходящих по значимости последние – *Примеч. авт.*). Это такие ценности как вера, нравственность, святыни, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое. Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святынь, угрожало бы существованию Отечества. Опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями»¹⁴. Невозможно, на наш взгляд, не согласиться с этой аргументированной, обоснованной, чётко и ясно изложенной позицией.

Далее. Необходимо особо подчеркнуть, что происшествие с Маугли в том романтизированном виде, в котором оно обычно преподносится, есть милая, ориентированная на очень юных слушателей, читателей и зрителей выдумка, совершеннейшая мистификация. Личности вне общества, без социума нет, не было и быть не может. Если детёныш *Homo sapiens* с момента своего рождения какое-то время, пусть относительно непродолжительный период жизни, волею судеб проводит в животной среде, меж диких зверей, впоследствии, и это отлично знают все антропологи, медики, физиологи, психологи, психиатры, представители других отраслей науки, его практически нельзя социализировать. В сознании, в организации, структуре, содержательном наполнении его психической деятельности происходят некие кардинальные и притом настолько необратимые, пагубные трансформации и превращения, что этот ребёнок даже после воссоединения с миром людей никогда в полной мере не возвращается в социум или, точнее сказать, не становится в будущем полноценным его членом.

Следовательно, человек, как специфический вид живых существ, отличающийся разумностью, способностью мыслить, осознанно действовать, трудится, производит и строит, изобретать символы,

¹⁰ В сущности, ни одно вероучение не рассматривает человека, и уж тем более его права и свободы, в качестве высшей ценности. На данное обстоятельство обращают внимание, многие. Так, С. И. Захарцев подчёркивает, что и для других (помимо христианства), широко распространённых у нас мировых религий, например, ислама, тоже характерен приоритет общественного начала над личным. Посему большинство населения не поддерживает западную концепцию прав человека, а если и поддерживает, то далеко не в полном объёме [20, с. 141].

¹¹ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Слово о традиции и современном обществе. – Москва: Всемирный Русский Народный Собор, 2016. – С. 56.

¹² Там же. – С. 59.

¹³ Декларация о правах и достоинстве человека, принятая в 2006 г. X Всемирным Русским Народным Собором. – URL: <https://vrns.ru/documents/63/1179>.

¹⁴ Там же.

самым важным из которых справедливо считается слово, имеющий эмоции и традиции, представление о своей смертности и т. д. может самореализоваться и полноценно существовать в качестве такового исключительно в обществе¹⁵. В отрыве от него, изолированно от него, вне его он, строго говоря, – вообще не человек. Несомненно прав К. Маркс (1818–1883), когда в краткой, но чрезвычайно ёмкой, насыщенной плодотворными идеями работе, написанной в 1845 г. «Тезисы о Фейербахе», которую Ф. Энгельс (1820–1895) гораздо позже, в 1888 г., охарактеризовал, «как первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения» [21, с. 340] настаивал на том, что сущность человека в своей действительности «есть совокупность всех общественных отношений» [22, с. 3].

Посему критикуемое нами конституционное положение с научно-методологической точки зрения некорректно. Вольно или невольно, намеренно или безотчётно, умышленно или произвольно, но субъект здесь, рассматриваемый как самодостаточная и отвлечённая единица, словно бы отрывается от социума и даже противопоставляется ему.

И наконец, последнее. Перед каждым человеком время от времени, особенно в судьбоносные исторические периоды, с неизбежностью возникает один и тот же вполне закономерный вопрос: почему, собственно, конкретно для меня, как индивида, члена крупного политического, экономического и культурного сообщества, права и свободы сингулярной личности должны быть важнее, первостепеннее, значимее, чем права, интересы и цели окружающего и сформировавшего меня социума, равно и государства, гражданином которого я являюсь? Ответ обычно оказывается приблизительно таким. Попраание прав и свобод отдельного, совершенно незнакомого мне и не имеющего ко мне никакого отношения человека, разумеется, отражается на моей жизни, но, как правило, не так уж чувствительно, не столь уж явственно и скорее лишь косвенно (если, конечно, таковое не приобретает характера перманентно повторяющегося, массового явления). Когда же речь идёт обо всём государственно организованном социуме, то складывается иная ситуация: умаление интересов последнего зачастую касается меня самым прямым и непосредственным образом, нередко тотчас или в конечном итоге, но всегда неминуемо ведёт к пагубным, порою катастрофическим последствиям для моего будущего, моего жизнеустройства.

В результате каждый индивид (точнее, их большинство, хотя, заметим, далеко не все) склонен на основе полученного в прошлом опыта и рационально-прагматического выбора, реже – в силу определённых соответствующих убеждений и аксиологических установок, полагать, что для него права и потребности общества гораздо существенней.

Для огромного числа наших сограждан (будь то приверженцы различных религиозных учений, либо непреклонные материалисты, отрицающие Всевышнего и его априори праведный и вместе с тем принципиально непостижимый промысел, или же лица, до конца не определившиеся по вопросу своего отношения к Богу) несомненно существуют ценности надличностного уровня, превосходящие по своей значимости озабоченность единичной судьбой индивида и даже самой его жизнью. У нас испокон веку признаётся преобладание целого над частями, приоритетность общественного начала над личным¹⁶. Для большинства наших соотечественников первостепенную важность составляют такие понятия и обозначаемые ими, вполне реально ощущаемые и осмысливаемые объекты, явления и предметы, как Родина, вера, долг, любовь, дружба, честь, совесть, и т. п. С ними непосредственно связана идея бескорыстной, вдохновенной жертвенности, спокойной внутренней готовности к ревностному, апостольскому служению, к великому созидательному подвигу самопожертвования, органически свойственному русскому духу.

¹⁵ Очевидно, что и другие живые существа обладают в разной степени некоторыми из названных атрибутов. Однако эта тема ещё недостаточно изучена наукой и к тому же не составляет предмет нашего исследования.

¹⁶ Такого рода понимание аксиологии иерархической структуры бытия, в частности бытия социального, с давних пор характерно отнюдь не только для нашего народа, но и для других этносов и цивилизаций, что нашло отражение в высказываниях и суждениях их выдающихся представителей. Так, древнегреческий историк Фукидид (около 460–около 400 до н. э.) считал, что положение дел, при котором процветает всё государство в целом, предпочтительнее, полезнее для граждан, нежели преуспевание, благоденствие отдельных их них (Афоризмы: По иностранным источникам. Сост. П. П. Петров, Я. В. Берлин. Предисл. Н. М. Грибачева. – 3-е изд. перераб., доп. – Москва: Прогресс, 1985. – С. 20).

Таковую же позицию (как Фукидид, а также Платон и Аристотель), по сути, занимал и Г. В. Ф. Гегель (1770–1831). Государство, как считал философ, существует вовсе не для того, чтобы заботится об индивидах, оберегать и защищать их, обеспечивать реализацию их интересов, прав и свобод. Государство – самоцель, более того, оно есть самоцель.

В сущности, и вся марксистская теория пронизана идеей необходимости преобладания целого над частью, общества и государства над индивидом.

Именно такой, жертвенный, притом массовый героизм имманентно присущ нашему многонациональному народу. И он зримо, особенно явственно обнаруживает себя в тяжкие, суровые годы страшных испытаний: во времена жестоких, кровопролитных войн. Сегодня, как и в периоды Второй мировой войны, вторжения наполеоновских полчищ в XIX в. и т. д., мы ежедневно, благодаря самоотверженной работе военных корреспондентов, оказываемся свидетелями поистине героических поступков, доблестных деяний и благородных свершений российских солдат и офицеров в зоне проведения на Украине¹⁷ СВО, которая была вызвана чело­веконенавистнической политикой Запада и быстро трансформировалась в теперь уже открытое столкновение с силами враждебного нам Североатлантического альянса во главе с США.

Названные и другие надличностные, если угодно, наиболее высокоранговые ценности ни при каких обстоятельствах недопустимо уравнивать по крайней мере со многими правами и свободами граждан. В самом деле, стоит ли ставить перечисленные понятия на одну ступень с такими, например, зафиксированными в Конституции, безусловно очень важными, но всё же в определённом смысле второстепенными правами, как право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48, ч. 1), право на отдых (ст. 37, ч. 5), право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33), право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31), право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы (ст. 30, ч. 1), и т. д.? Не абсурдно ли возводить упомянутые и целый ряд иных прав и свобод человека в ранг высших ценностей? Ответ, как нам представляется, очевиден.

Подытоживая сказанное, мы считаем, что, когда речь идёт о политико-правовой сфере, т. е. сфере динамичной, насыщенной разнообразными событиями, вбирающей в себя множество различных структур и институтов, чутко реагирующей даже на незначительные изменения во всех прочих областях общественного бытия и т. п., не следует стремиться окончательно, безапелляционно и категорично (в том числе и законодательно) решать вопрос, кто, условно говоря, значимее – государство или гражданин, и чьи интересы, социума или личности целесообразно защищать в первую очередь. Нам близка идея В. С. Соловьёва (1853–1900) о том, что «сущность права состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага»¹⁸. Поэтому гораздо разумнее встать на путь поиска «золотой середины», другими словами, попытаться максимально сочетать и наиболее полно обеспечить интересы и государства, и права отдельного индивида, поставить его, пользуясь выражением А. де Токвиля (1805–1859), на один уровень с обществом [23, с. 503].

Заключение

Неоспоримых доказательств, конкретных примеров, иллюстрирующих неприемлемость ряда конституционных положений, можно привести ещё немало. Специалистам они хорошо известны. Все они красноречиво свидетельствуют в пользу принятия новой Конституции России, в которой не останется места для указанных и прочих, конечно, имеющихся в ней недостатков, несуразностей и огрехов.

Список литературы

1. Бабурин С. Н. Реформа Конституции Российской Федерации в 2020 году: возвращение конституционализма на национальный маршрут // Вестник Московского государственного университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2020. – № 2 (24). – С. 14.
2. Авакьян С. А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: мат. Межд. науч. конф. (Москва, 28–31 марта 2007 г.) / под ред. С.А. Авакьяна. – Москва, 2008. – С. 11–36.
3. Авакьян С. А. Политика конституционных реформ: некоторые проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2011. – № 1. – С. 21–38.

¹⁷ С точки зрения правил грамматики русского языка, как известно, следует говорить «на Украине».

¹⁸ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. V. Россия: конец XIX–XX вв. Национальный общественно-научный фонд. – Москва: Мысль, 1999. – С. 96.

4. Бабурин С. Н. Действующая Конституция России как основа неразрешимости противоречий современной России // Человеческий капитал. – 2013. – № 11. – С. 4–7.
5. Клеандров М. И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 7–17.
6. Шульженко Ю. Л. Реальность, стабильность, динамизм, жёсткость, гибкость Конституции Российской Федерации // Государство и право. – 2024. – № 4. С. 39–55.
7. Радько Т. Н. Об идеологической функции права. Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 73.
8. Бердяев Н. А. О назначении человека. – Москва: Республика, 1993. – С. 191.
9. Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации: монография / Н. С. Бондарь, В. И. Крусс, Г. Н. Чеботарёв [и др.]; под ред. Г. Н. Чеботарёва. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – С. 56.
10. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. – 2 изд. – Москва: РЮИД: «Сашко», 2000. – С. 11.
11. Александр Зиновьев – русская судьба / ред.-сост. О. М. Зиновьева, А. С. Блинов. – Москва: Биографический институт Александра Зиновьева, 2022. – С. 69.
12. Суханов Е. А. Право собственности в современной России. – Москва, 1999. – С. 171.
13. Гошуляк В. В. Юридическая природа и нормативное содержание института собственности в конституционном праве. Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 146.
14. Иванов И. В. Конституционно-правовое развитие института всенародного (общественного) обсуждения публичных вопросов в 1950–2000-е годы. Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 4 (136). – С. 87–90.
15. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Совершенствование общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 74–92.
16. Керимов А. Д. Демократия: опыт критического анализа. – Москва: Норма, 2019.
17. Керимов А. Д. Капитализм и демократия // Вопросы философии. – 2019. – № 4. – С. 12–23.
18. Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. – Москва, 1991. – С. 466.
19. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. VI. Специальные курсы / под ред. В. Л. Янина. – Москва: Мысль, 1989. – С. 240–241.
20. Захарцев С. И. Некоторые проблемы теории и философии права. – Москва: Норма, 2014. – С. 141.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. II. 1952. – С. 340.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3. – Москва: Государственное изд-во политической литературы, 1955. – С. 3.
23. Токвиль А. Демократия в Америке / перевод с франц. – Москва: Весь Мир, 2000. – С. 503.

References

1. Baburin S. N. Reforma Konstitucii Rossijskoj Federacii v 2020 godu: vozvrashchenie konstitucionalizma na nacional'nyj marshrut // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki. – 2020. – № 2 (24). – S. 14.
2. Avak'yan S. A. Probely i defekty v konstitucionnom prave i puti ih ustraneniya // Probely i defekty v konstitucionnom prave i puti ih ustraneniya: mat. Mezhd. nauch. konf. (Moskva, 28–31 marta 2007 g.) / pod red. S.A. Avak'yana. – Moskva, 2008. – S. 11–36.
3. Avak'yan S. A. Politika konstitucionnyh reform: nekotorye problemy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. – 2011. – № 1. – S. 21–38.
4. Baburin S. N. Dejstvuyushchaya Konstituciya Rossii kak osnova nerazreshimosti protivorechij sovremennoj Rossii // Chelovecheskij kapital. – 2013. – № 11. – S. 4–7.
5. Kleandrov M. I. O neizbezhnosti razrabotki i prinyatiya novoj Konstitucii Rossijskoj Federacii i chto v nej dolzhno byt' // Gosudarstvo i pravo. – 2022. – № 1. – С. 7–17.
6. Shul'zhenko Yu. L. Real'nost', stabil'nost', dinamizm, zhyostkost', gibkost' Konstitucii Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. – 2024. – № 4. S. 39–55.
7. Rad'ko T. N. Ob ideologicheskoy funkicii prava. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – 2013. – № 4 (93). – S. 73.

8. *Berdyayev N. A.* O naznachenii cheloveka. – Moskva: Respublika, 1993. – S. 191.
9. Gumanitarnyj potencial Konstitucii Rossijskoj Federacii: monografiya / N. S. Bondar', V. I. Kruss, G. N. Chebotaryov [i dr.]; pod red. G. N. Chebotaryova. – Tyumen': TyumGU-Press, 2024. – S. 56.
10. *Avak'yan S. A.* Konstituciya Rossii: priroda, evolyuciya, sovremennost'. – 2 izd. – Moskva: RYUID: "Sashko", 2000. – S. 11.
11. Aleksandr Zinov'ev – russkaya sud'ba / red.-sost. O. M. Zinov'eva, A. S. Blinov. – Moskva: Biograficheskij institut Aleksandra Zinov'eva, 2022. – S. 69.
12. *Suhanov E. A.* Pravo sobstvennosti v sovremennoj Rossii. – Moskva, 1999. – S. 171.
13. *Goshulyak V. V.* Yuridicheskaya priroda i normativnoe sodержание instituta sobstvennosti v konstitucionnom prave. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – 2013. – № 4 (93). – S. 146.
14. *Ivanov I. V.* Konstitucionno-pravovoe razvitie instituta vsenarodnogo (obshchestvennogo) obsuzhdeniya publicnyh voprosov v 1950–2000-e gody. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2016. – № 4 (136). – S. 87–90.
15. *Chernogor N. N., Zaloilo M. V.* Sovershenstvovanie obshchestvennogo obsuzhdeniya proektov normativnyh pravovyh aktov // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2018. – № 4. – S. 74–92.
16. *Kerimov A. D.* Demokratiya: opyt kriticheskogo analiza. – Moskva: Norma, 2019.
17. *Kerimov A. D.* Kapitalizm i demokratiya // Voprosy filosofii. – 2019. – № 4. – S. 12–23.
18. *Berdyayev N.* Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy. – Moskva, 1991. – S. 466.
19. *Klyuchevskij V. O.* Sochineniya: v 9 t. T. VI. Special'nye kursy / pod red. V. L. Yanina. – Moskva: Mysl', 1989. – S. 240–241.
20. *Zaharcev S. I.* Nekotorye problemy teorii i filosofii prava. – Moskva: Norma, 2014. – S. 141.
21. *Marks K., Engel's F.* Izbrannye proizvedeniya. T. II. 1952. – S. 340.
22. *Marks K., Engel's F.* Sochineniya. Izd. 2. T. 3. – Moskva: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury, 1955. – S. 3.
23. *Tokvil' A.* Demokratiya v Amerike / perevod s franc. – Moskva: Ves' Mir, 2000. – S. 503.

Статья поступила в редакцию: 20.01.2025

Received: 20.01.2025

Статья поступила для публикации: 11.03.2025

Accepted: 11.03.2025

ПРИНЯТИЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ОТНОШЕНИИ ИМУЩЕСТВА ЛИЦА, НЕ ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ ДОЛЖНИКОМ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Бормотов Александр Виллиевич¹,

канд. юрид. наук,
e-mail: bav171@yandex.ru,

Носов Дмитрий Владимирович^{2,3},

канд. юрид. наук,
e-mail: nosovdv@yandex.ru,

¹Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, Россия,

²Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»,
г. Москва, Россия,

³Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

В статье авторами рассматривается институт обеспечительных мер, принимаемых в отношении имущества лица, не являющегося должником в рамках дела о банкротстве. На основе анализа действующего законодательства и практики его применения изучаются особенности порядка и оснований принятия таких обеспечительных мер. По итогам исследования сделан вывод о том, что возложение на лицо, к которому не предъявлены требования в рамках банкротных отношений, неблагоприятных последствий предъявления таких требований к должнику-гражданину или к субсидиарному должнику в виде обеспечительных мер в отношении имущества такого лица должно осуществляться только в судебном заседании с выяснением его статуса в качестве подконтрольного лица и фактической принадлежности его имущества, а заявление о принятии указанных обеспечительных мер в рамках спора об оспаривании в деле о банкротстве сделки, не являющейся сделкой должника, или без предъявления требований об оспаривании сделки к лицу, должно признаваться злоупотреблением правом в форме обхода закона с противоправной целью.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: обеспечительные меры, субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, должник в деле о банкротстве, третьи лица в деле о банкротстве, обход закона с противоправной целью, оспаривание сделок должника

TAKING INTERIM MEASURES AGAINST THE PROPERTY OF A PERSON WHO IS NOT A DEBTOR IN A BANKRUPTCY CASE

Bormotov A.V.¹,

Candidate of Legal Sciences,
e-mail: bav171@yandex.ru,

Nosov D.V.^{2,3},

Candidate of Legal Sciences,
e-mail: nosovdv@yandex.ru,

¹Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Perm State University", Perm, Russia,

²Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)", Moscow, Russia,

³Moscow Witte University, Moscow, Russia

In the article, the authors consider the institution of interim measures taken with respect to the property of a person who is not a debtor in a bankruptcy case. Based on the analysis of the current legislation and the practice of its application, the specifics of the procedure and grounds for taking such interim measures are being studied. Based on the results of the study, it was concluded that the imposition on a person to whom no claims have been filed within the framework of bankruptcy relations, the adverse consequences of making such claims to a debtor-citizen or to a subsidiary debtor in the form of interim measures against the property of such a person should be carried out only at a court hearing to clarify his status as a controlled person and the actual ownership of his property, and an application for the adoption of these interim measures in the framework of a dispute over challenging a bankruptcy transaction that is not a debtor's transaction, or without submitting claims to challenge the transaction to a person, it should be recognized as an abuse of law in the form of circumvention of the law for an unlawful purpose. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: interim measures, subsidiary liability, the person controlling the debtor, the debtor in bankruptcy proceedings, third parties in bankruptcy proceedings, circumvention of the law for unlawful purposes, challenging the debtor's transactions

Введение

Теория и практика правоприменения традиционно привлекает внимание юристов, исследующих различные аспекты эффективности права [1] и его эволюции [2]. Между тем, многочисленные вопросы, связанные с принятием обеспечительных мер, по нашему мнению, не нашли должного внимания со стороны юридической общественности.

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) наделяет кредиторов, арбитражного управляющего и некоторых иных субъектов правом требования привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, возмещения ими убытков, а также на оспаривание сделок должника. Глава III.2 Закона о банкротстве устанавливает основания и порядок привлечения к такой ответственности. В частности, в соответствии со ст. 61.11 указанного закона субсидиарная ответственность будет возложена за невозможность полного погашения требований кредиторов в случае, если причинен существенный вред кредиторам в результате совершения ответчиком или в пользу него либо одобрения им сделок должника, включая сделки, подозрительные сделки и сделки с предпочтением (ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве). Это основание является, пожалуй, самым распространенным. При этом в основу доказательственной базы, как правило, может быть положен судебный акт о признании сделки недействительной.

Статья 61.4 Закона о банкротстве позволяет обращаться в суд с заявлением о привлечении контролирующих лиц к ответственности в ходе любой процедуры банкротства. Такой практикой заявители активно пользуются, порой подавая такие заявления ранее предъявления требований об оспаривании сделок должника.

Заявление о привлечении лица к субсидиарной ответственности должно содержать сведения, позволяющие с минимально необходимой степенью достоверности сделать обоснованные предположения о том, что ответчик является контролирующим должника лицом (ст. 61.16 Закона о банкротстве).

Более того, несмотря на действие презумпций статуса контролирующего лица (ст. 61.10), и невозможности погашения требований (ст. 61.11) в силу п. 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» именно заявитель обязан представить доказательства таких презумпций (косвенные доказательства, убедительно обосновывающие заявление на этапе его предъявления в суд). Иное означало бы нивелирование действия принципа добросовестного и разумного поведения [3, с. 22].

Ст. 46 Закона о банкротстве позволяет принимать меры по обеспечению требований кредиторов и интересов должника в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством. Обеспечительные меры могут быть приняты как в рамках дела о банкротстве в целом (например, отстранение руководителя должника в порядке ст. 69 Закона о банкротстве), так и в рамках обособленных споров (об оспаривании сделки должника, о привлечении к субсидиарной ответственности).

В силу требований ст. 91 АПК РФ, п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» конкретная обеспечительная мера должна быть связана с предметом заявленного требования, соразмерна ему и должна обеспечивать фактическую реализацию целей принятия обеспечительных мер.

Обеспечительные меры в отношении лица, не являющегося должником

В споре об оспаривании сделки, приведшей к выводу активов, конечно, важно обеспечить возврат имущества в конкурсную массу должника. Эта цель обуславливает соответствующую меру: арест имущества-предмета спора (ст. 80 ФЗ «Об исполнительном производстве»), запрещение совершать определенные действия, касающиеся предмета спора (запрет совершения регистрационных действий с недвижимым имуществом), иные подобные меры [2].

Желание любого кредитора сохранить или восстановить уменьшенную имущественную сферу своего должника разумно. Заявителю требований о привлечении к ответственности важно фактическое удовлетворение субсидиарным должником денежных требований кредиторов за счет имущества ответчика, а заявителю в деле об оспаривании сделки должника – возврат имущества в конкурсную массу. Это учтено законодателем в ст. 61.16 Закона о банкротстве и Верховным Судом Российской Федерации в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15, которые устанавливают, что применение института обеспечительных мер позволительно и в обособленном споре о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

Общие требования принятия обеспечительных мер справедливы и для рассматриваемых отношений.

Верховный Суд Российской Федерации, опираясь, в частности, на главу 8 АПК РФ и нарабатанную за последние годы судебную практику, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 актуализировал общие подходы к принятию обеспечительных мер, применимые в административном, гражданском и арбитражном судопроизводстве, в том числе при рассмотрении банкротных споров.

Среди таких требований, сформулированных в указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 можно выделить следующие:

- обоснование наличия реальной или потенциальной угрозы затруднения или невозможности исполнения судебного акта в случае непринятия мер: совершение ответчиком действий по отчуждению имущества после предъявления иска, по сокрытию имущества, уменьшению его ценности; наличие возбужденных в отношении ответчика исполнительных производств;
- необходимость предотвращения причинения заявителю значительного ущерба, предотвращения нарушения публичных интересов, интересов третьих лиц: непринятие обеспечительных мер приведет к нарушению прав истца, неопределенного круга лиц, в защиту прав которых подано соответствующее исковое заявление, невозможности или затруднительности защиты прав стороны;
- обеспечение баланса интересов сторон, сохранение существующего состояния отношений (status quo) между сторонами;
- предотвращение нарушения при принятии обеспечительных мер публичных интересов, интересов третьих лиц;
- формулирование одной или нескольких конкретных мер. При этом суд не вправе принять иную обеспечительную меру, однако может удовлетворить заявление о принятии обеспечительных мер в части;
- связь испрашиваемой конкретной меры с предметом заявленного требования (например, запрет совершать сделки и регистрационные действия по отчуждению имущества, принадлежащего контролирующему должника лицу, будет связан с требованием о взыскании убытков с такого лица), соразмерность ему (например, арест на имущество ответчика в пределах цены иска) и её результативность, эффективность (каким образом конкретная мера обеспечит фактическую реализацию целей принятия обеспечительных мер);

- разумность и обоснованность требования о принятии обеспечительных мер;
- не требуется представления доказательств в объеме, необходимом для обоснования требований и возражений стороны по существу спора (обеспечительные меры – ускоренное и предварительное средство защиты);

- мера в виде наложения ареста на имущество может быть принята в отношении конкретного имущества, указанного заявителем, денежных средств, которые в будущем поступят в пользу ответчика, имущества ответчика, находящегося у третьих лиц, имущества, принадлежащего третьим лицам. Суд вправе установить только его общую стоимость, в том числе в случае, если истец не располагает данными о принадлежности ответчику имущества. При этом состав имущества, подлежащего аресту, определяется судебным приставом-исполнителем.

В целом подходы в толковании норм о принятии обеспечительных мер (обстоятельства, подлежащие учету судом), заложенные постановлением Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер», полагаем, сохранились. Равно как и сохранилась преемственность выработанных подходов на уровне конкретных дел.

Глубоко разработанная в одном из знаковых определений Верховного Суда РФ от 27.12.2018 № 305-ЭС17-4004(2), подвергнутом в науке серьезному анализу [4, с. 21–25; 5, с. 5–62; 6, с. 89–130], в том числе с верным предостережением «арестного террора» [6, с. 89–130], правовая позиция о вероятностном характере обеспечительных мер, когда отказ в принятии обеспечительных мер должен быть мотивирован надуманностью, невероятностью, отсутствием смысла, нелогичностью, нереальностью, противоречием, обычно складывающимся в подобной ситуации отношениям, актуальна и сегодня. Это подтверждается определением Верховного Суда Российской Федерации от 18.07.2024 № 305-ЭС23-27424(1-13).

Кроме обозначенного вывода, Верховный Суд РФ подтвердил законность ареста всего (без конкретизации, даже не найденного) имущества в пределах взыскиваемой с ответчика суммы, аргументируя тем, что судебный акт выступает гарантией прав кредиторов и открывает им правовые возможности для отыскания имущества и воспрепятствования его отчуждению.

Наряду с общими требованиями статья 61.16 Закона о банкротстве, пункт 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15, пункт 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 вводят ряд особенностей и пределов принятия обеспечительных мер в отношении имущества лица, не являющегося субсидиарным ответчиком.

Во-первых, суду предоставлено право отступить от требований ч. 1.1 ст. 93 АПК РФ (рассмотрение заявления об обеспечении иска не позднее следующего дня после дня подачи заявления без извещения сторон) и назначить судебное заседание по данному вопросу в течение трех рабочих дней, уведомив заинтересованных лиц экстраординарным способом (ч. 3 ст. 121 АПК РФ). Основанием к такому отступлению служит необходимость заслушать объяснения заявителя и (или) ответчика и иных заинтересованных лиц.

Во-вторых, имущество, являющееся объектом обеспечительных мер, может принадлежать как ответчику, так и иному лицу, в отношении которого ответчик является контролирующим лицом по основаниям, предусмотренным подп. 2 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве.

Подпунктом 2 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве установлен признак статуса контролирующего должника лица: лицо имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника.

В судебной практике по применению п. 5 ст. 61.16 Закона о банкротстве, п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 сделаны выводы об особенностях доказывания лицом, ходатайствующем о принятии обеспечительных мер в отношении имущества, которое не принадлежит ответчику-контролирующему должнику лицу. Специфика рассмотрения заявлений о принятии обеспечительных мер в отношении имущества лиц, не привлекаемых к субсидиарной ответственности, должна заключаться в повышенном стандарте доказывания наличия оснований для принятия обеспечительных мер.

Для признания ходатайства обоснованным заявителем должны быть приведены должные свидетельства, дающие основания полагать, что имущество выведено в пользу заинтересованных лиц с целью предотвращения дальнейшего обращения взыскания на данное имущество, либо из материалов дела с очевидностью следует, что имущество, находящееся у третьих лиц, фактически принадлежит ответчику, либо имеются иные конкретные обстоятельства дела, которые по усмотрению суда подтверждают обоснованность принятия обеспечительных мер в отношении имущества другого лица, ранее принадлежавшего ответчику.

Суд должен с высокой степенью достоверности установить, что правом собственности на спорное имущество обладает субсидиарный ответчик в настоящее время, либо он обладал этим правом ранее, но имущество выведено в пользу заинтересованных лиц с целью предотвращения дальнейшего обращения взыскания на данное имущество, либо из материалов дела с очевидностью следует (представлены прямые доказательства), что имущество третьего лица фактически принадлежит ответчику (постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.06.2024 № Ф03-2252/2024 по делу № А51-21571/2023).

Арбитражный суд Северо-Западного округа в постановлении от 19.12.2023 № Ф07-19122/2023 по делу № А56-107538/2019 сохранил принятые нижестоящими судами обеспечительные меры в виде ареста имущества третьих лиц, не являющихся ответчиками по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности, в связи с установленным судами статусом контролирующего лица в отношении таких третьих лиц.

В свете рассматриваемой в настоящей статье проблемы приведенное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.07.2024 № 305-ЭС23-27424(1-13)¹ укрепляет верный вектор восприятия обеспечительных мер (особенно в банкротстве) как ускоренного правового средства защиты с одновременным недопущением нарушения прав третьих лиц, оказавшихся заинтересованными², в том числе родственниками (ст. 19 Закона о банкротстве) по отношению к субсидиарному ответчику или оказавшихся с ним в одном социальном круге³.

Верховный Суд Российской Федерации признает недопустимым подход о распределении коллективной ответственности среди родственников (свойственников) субсидиарного должника в виде наложения ареста на их имущество без представления доказательств того, что приобретенное от хищения средств должника-банкрота имущество распределялось титулами владения (оформлялось) на членов семьи либо что родственники являлись выгодоприобретателями от противоправных действий, и требует адресного подхода в отношении каждого из третьих лиц, не являющихся субсидиарным должником. Это следует поддержать.

При этом нужно признать, что Верховный Суд Российской Федерации, во-первых, ввел новые правила, распространив право суда провести судебное заседание по вопросу принятия обеспечительных мер в отношении имущества третьих лиц с их участием в порядке п. 5 ст. 61.16 Закона о банкротстве на отношения в рамках процедуры банкротства гражданина; во-вторых, ориентирует нижестоящие суды на всё же обязательное проведение судебного заседания в случае принятия обеспечительных мер в отношении имущества третьих лиц, не являющихся ни должниками в деле о банкротстве, ни лицами, привлекаемыми к субсидиарной ответственности. В данном, последнем, случае справедлива постановка вопроса о внесении изменений в п. 5 ст. 61.11 Закона о банкротстве в части обязательного проведения судебного заседания при рассмотрении заявления о принятии обеспечительных мер в отношении имущества третьих лиц, к которым у заявителя (кредитора, арбитражного управляющего) нет требований (включенных в реестр требований кредиторов, о привлечении к субсидиарной ответственности).

¹ Следует уточнить, в рамках данного дела гражданин является должником в связи с привлечением его к субсидиарной ответственности в рамках иного дела о банкротстве.

² Не говоря уже о незаинтересованных лицах.

³ Словосочетание «социальный круг» периодически встречается в судебной практике в контексте связанности должника и иных лиц, к которым у заявителя (арбитражный управляющий, кредитор) имеются требования, общением. Вероятно, подразумеваются дружеские отношения, которые, полагая, не укладываются в понятие заинтересованности (ст. 19 Закона о банкротстве). См. напр.: постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2023 № 17АП-14/2020(4,5)-АК, постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.11.2020 № 17АП-11909/2020(1)-АК.

В практической плоскости правильность применения изложенных норм приобретает особое значение в следующих, отчасти специфических, обстоятельствах.

Заявитель, как правило, арбитражный управляющий, обращается в рамках дела о банкротстве с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и с заявлением об оспаривании сделок по отчуждению имущества, принадлежавшего субсидиарному ответчику, и его последующей многократной перепродаже конечному собственнику (с которым ни должник, ни субсидиарный ответчик в договорной связи не состоял)⁴. Одновременно заявитель подает два ходатайства о принятии обеспечительных мер в каждом из указанных обособленных споров.

Законность принятия мер по обеспечению заявления о привлечении к субсидиарной ответственности в виде ареста имущества лица, не являющегося субсидиарным ответчиком, определяется проанализированными нормами права.

Что же касается параллельных мер по обеспечению заявления об оспаривании сделок, выдаваемых за сделки должника, то, полагаем, эти меры требуют отдельной квалификации.

Действительно, обеспечительные меры способствуют формированию источника денежных средств для исполнения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности. Интересно, что суды с таким мотивом соглашались [7].

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, выбор способа защиты права принадлежит субъекту права, который вправе воспользоваться как одним из них, так и несколькими способами, и вместе с тем он предопределяется теми правовыми нормами, которые регулируют конкретные правоотношения с учетом характера нарушения и фактических обстоятельств дела (постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2022 № 25-П, определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1791-О).

По смыслу главы III.1 Закона о банкротстве в рамках дела о банкротстве должника рассматриваются заявления об оспаривании сделок именно должника. В приведенном случае происходит оспаривание сделки своего контрагента по иным, причем внедоговорным (причинение вреда), отношениям (сделка субсидиарного ответчика со своим имуществом). Таким способом заявитель подменяет свой истинный интерес – обеспечение иска о привлечении к субсидиарной ответственности; сама по себе подача иска об оспаривании сделки и ходатайство о принятии обеспечительных мер для сохранения возможности исполнения соответствующего судебного акта преследует не цель иска о признании сделки недействительной (возврат имущества самому должнику или субсидиарному ответчику как банкротному должнику, на стоимость имущества которого должник как конкурсный кредитор мог бы претендовать), а преследует цель формирования имущественной сферы для удовлетворения требований о возмещении вреда, причиненного контролирующим должника лицом [8].

Как было доказано выше, п. 5 ст. 61.16 Закона о банкротстве запрещает принимать обеспечительные меры в виде ареста имущества третьих лиц без доказательств их подконтрольности и заинтересованности в отношении ответчика по делу о привлечении к субсидиарной ответственности. Следовательно, принятие или сохранение уже принятых обеспечительных мер в рамках обособленного спора об оспаривании сделки в приведенных обстоятельствах будет обходить запрет, установленный п. 5 ст. 61.16 Закона о банкротстве, т. е. будет являться обходом закона (ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации), что недопустимо.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что возложение на лицо, к которому не предъявлены требования в рамках банкротных отношений, неблагоприятных последствий предъявления таких требований к должнику-гражданину или к субсидиарному должнику в виде обеспечительных мер в отношении имущества такого лица должно осуществляться в судебном заседании с выяснением его

⁴ Заявитель пытается доказать свои права на это имущество (например, неправильно распределенное при реорганизации в форме разделения не в его пользу (п. 5 ст. 60 ГК РФ)), поэтому оспаривает сделки в качестве сделок должника в рамках дела о банкротстве.

статуса подконтрольного лица и фактической принадлежности его имущества, а заявление о принятии указанных обеспечительных мер в рамках спора об оспаривании в деле о банкротстве сделки, не являющейся сделкой должника, или без предъявления требований об оспаривании сделки к лицу, должно признаваться злоупотреблением правом.

Список литературы

1. Теоретические и прикладные аспекты эффективного правоприменения: монография / Голышева А. В., Голышев В. Г., Дорохов Н. И. и др. [Электронное издание]. – Москва: изд. ЧОУВО «МУ им. С. Ю. Витте», 2024. – 1,47 Мб.
2. Голышев В. Г., Голышева А. В. К вопросу о «подозрительности» как правовой категории, применяемой при квалификации гражданско-правовых отношений // Право и экономика. – 2024. – № 3 (433). – С. 5–9.
3. Бормотов А. В., Носов Д. В. К вопросу о субсидиарной ответственности контролирующего должника лица по долгам исключенного из ЕГРЮЛ общества с ограниченной ответственностью // EX JURE. – 2023. – № 3. – С. 19–34.
4. Звягина Н. С. Обеспечительные меры как средство управления процессуальными рисками в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 12. – С. 21 – 25.
5. Колесникова С. Г., Теплокова Л. С. Применение арбитражными судами обеспечительных мер в деле о банкротстве // Арбитражные споры. – 2021. – № 2. – С. 5–62.
6. Тай Ю. В., Будылин С. Л. Обеспечительные меры. Как нам обустроить Россию?! // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 4. – С. 89–130.
7. Вакулов В. И. К вопросу об удовлетворении требований участников строительства, не являющихся гражданами, в деле о банкротстве застройщика // Государство и право: к 30-летию Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных (г. Пермь, 08 декабря 2023 г.) / под науч. ред. Е. В. Аристова, В. А. Кочева, Г. Г. Михалевой; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2024. – 239 с. – С. 39–42.
8. Слабоспицкий А. С., Соловьева Д. А. Исполнительский иммунитет при банкротстве должника // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. – Серия 2: Юридические науки. – 2023. – № 3 (39). – С. 31–38.

References

1. Teoreticheskie i prikladnye aspekty effektivnogo pravoprimereniya: monografiya / Golysheva A. V., Golyshhev V. G., Dorohov N. I. i dr. [Elektronnoe izdanie]. – Moskva: izd. ChOUVO "MU im. S. Yu. Vitte", 2024. – 1,47 Mb.
2. Golyshev V. G., Golysheva A. V. K voprosu o "podozritel'nosti" kak pravovoj kategorii, primenyaemoj pri kvalifikacii grazhdansko-pravovyh otnoshenij // Pravo i ekonomika. – 2024. – № 3 (433). – S. 5–9.
3. Bormotov A. V., Nosov D. V. K voprosu o subsidiarnoj otvetstvennosti kontroliruyushchego dolzhnika lica po dolgam isklyuchennogo iz EGRYuL obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu // EX JURE. – 2023. – № 3. – S. 19–34.
4. Zvyagina N. S. Obespechitel'nye mery kak sredstvo upravleniya processual'nyimi riskami v arbitrazhnom processe // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2023. – № 12. – S. 21 – 25.
5. Kolesnikova S. G., Teplyukova L. S. Primenenie arbitrazhnymi sudami obespechitel'nyh mer v dele o bankrotstve // Arbitrazhnye spory. – 2021. – № 2. – S. 5–62.
6. Taj Yu. V., Budylin S. L. Obespechitel'nye mery. Kak nam obustroit' Rossiyu?! // Vestnik grazhdanskogo processa. – 2020. – № 4. – S. 89–130.
7. Vakulov V. I. K voprosu ob udovletvorenii trebovanij uchastnikov stroitel'stva, ne yavlyayushchihsya grazhdanami, v dele o bankrotstve zastrojshchika // Gosudarstvo i pravo: k 30-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchyonyh (g. Perm', 08 dekabrya 2023 g.) / pod nauch. red. E. V. Aristova, V. A. Kocheva, G. G. Mihalevoj; Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet. – Elektronnye dannye. – Perm', 2024. – 239 s. – S. 39–42.

8. *Slabospickij A. S., Solov'eva D. A. Ispolnitel'skij immunitet pri bankrotstve dolzhnika // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. – Seriya 2: Yuridicheskie nauki. – 2023. – № 3 (39). – S. 31–38.*

Статья поступила в редакцию: 28.01.2025

Received: 28.01.2025

Статья поступила для публикации: 11.03.2025

Accepted: 11.03.2025

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕЁ ОСНОВАНИЯХ¹

Голышев Вадим Григорьевич^{1,2},

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: vadimgolyshev69@mail.ru,

Голышева Антонина Владимировна²,

канд. истор. наук, доцент,

e-mail: privatpravo@rambler.ru,

¹Московский университет имени С. Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Данная статья посвящена актуализации научной дискуссии относительно существования и юридической природы семейно-правовой ответственности, а также ее оснований. Отмечая, важность и существенную значимость научной оценки всех теоретических и прикладных аспектов ответственности в семейном праве, авторы приходят к выводу о том, что сложившееся в юридической науке положение дел очевидно свидетельствует о необходимости корректировки как состава принципов семейного права, так и соответствующих характеристик метода семейно-правового регулирования, в том числе и признания самостоятельного места семейно-правовой ответственности в российской национальной системе мер правовой защиты.

Кроме того, в результате краткого анализа юридической литературы, авторы приходят к выводу об отсутствии единого методологического подхода к определению количественных и содержательных характеристик элементарного состава семейного правонарушения.

Общим итогом рассуждений, становится вывод о том, что сфера государственных интересов в части, касающейся защиты и укрепления семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, явно свидетельствует о необходимости определяющего влияния публично-правовых механизмов, обеспечивающих эффективность семейно-правового регулирования, что не может не сказаться на особенностях семейно-правовой ответственности.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: семейное право, научная дискуссия, метод семейно-правового регулирования, семейно-правовая ответственность, состав семейного правонарушения, защита семейных прав, публично-правовой механизм, частноправовой механизм

ON SOME ASPECTS OF FAMILY LEGAL RESPONSIBILITY AND ITS GROUNDS

Golyshev V. G.^{1,2},

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: vadimgolyshev69@mail.ru,

Golysheva A. V.²,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,

e-mail: privatpravo@rambler.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²Moscow City University, Moscow, Russia

The article is devoted to updating the scientific discussion regarding the existence and legal nature of family legal responsibility, as well as its grounds. Taking into account the importance and substantial significance of the

¹ Статья подготовлена при информационной поддержке справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

scientific assessment of all theoretical and applied aspects of responsibility in family law, the authors conclude that the current state of affairs in legal science clearly indicates the need to adjust both the composition of the principles of family law and the relevant characteristics of the method of family law regulation, including the recognition of an independent place family legal responsibility in the Russian national system of legal protection measures. In addition, as a result of a brief analysis of the legal literature, the authors conclude that there is no unified methodological approach to determining the quantitative and substantive characteristics of the elementary composition of a family offense. The overall result of the reasoning is the conclusion that the sphere of state interests in terms of protecting and strengthening the family, preserving traditional family values, clearly indicates the need for the determining influence of public law mechanisms that ensure the effectiveness of family law regulation, which cannot but affect the specifics of family law responsibility.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: family law, scientific discussion, method of family legal regulation, family legal responsibility, family offense, protection of family rights, public legal mechanism, private legal mechanism

Проблема правового регулирования общественных отношений имеет особое место в юридической науке. Такое положение дел в значительной степени предопределено несовершенством механизма правового регулирования, применяемом к тем или иным общественным отношениям. В самом общем виде такой механизм представляет собой специфический набор юридического инструментария, посредством которого государство воздействует на те или иные сферы социальной, общественной или экономической жизни общества. Наука семейного права не является исключением, особенно в условиях современных вызовов Российскому обществу и государству, актуализировавших, по нашему мнению, острую необходимость совершенствования теории и практики применения норм семейного законодательства.

Реализация семейных ценностей, в значительной степени определяющих как устойчивое развитие общества в целом, так и его отдельных индивидов, невозможна без совершенствования правового поля, определяющего границы должного или дозволенного поведения соответствующих субъектов. Различные аспекты юридической ответственности не случайно находятся под постоянным и пристальным вниманием ученых и практикующих юристов [1, с. 66–70]. Не стала исключением и сфера семейно-правовых отношений. Так, одна из самых «оживленных» и длящихся дискуссий, по нашему мнению, посвящена вопросу о самом существовании семейно-правовой ответственности. Одни ученые признают ее наличие, другие – наоборот, отрицают.

В частности, по мнению Д. А. Липинского [2] и С. П. Гришаева [3, с. 72] семейно-правовая ответственность не может характеризоваться самостоятельностью, поскольку за семейно-правовые нарушения наступает ответственность иной отраслевой принадлежности – административной, уголовной или гражданско-правовой.

С данным подходом не соглашается Ю. Ф. Беспалов, выделяя целую совокупность причин, не позволяющих ему присоединиться к мнению ученых, указанных выше. Признавая возможность обусловленного применения мер административного, гражданского и уголовного права в случаях совершения семейного правонарушения, тем не менее, данный автор указывает на то, что семейное право, представляет собой самостоятельную отрасль российского права и, соответственно, «имеется самостоятельный вид юридической ответственности – семейно-правовой» [4, с. 45–52].

В свою очередь, основываясь на результатах собственного исследования, М. В. Ульянова приходит к выводу о том, что такие признанные виды юридической ответственности, как административная, гражданская и уголовная, следует рассматривать как родовое понятие, относимое к разным правоотношениям, в т. ч. и к семейным. В то же время, данный автор указывает, что «семейно-правовая ответственность является видовым понятием, имеющим отличный объем и форму» [5, с. 31–35].

В связи с изложенным, необходимо отметить, что наличие семейно-правовой ответственности признавалось в учебной литературе времён развитого социализма¹. Однако обращает на себя внимание не это обстоятельство, а то, что описываемая нами дискуссия не только не прекратилась в недалеком

¹ Белякова А. М., Ворожейкин Е. М. Советское семейное право: учебник. – Москва: Юрид. лит., 1974. – С. 45.

прошлом, но и продолжила свое развитие в новейшее время, не наметив при этом хотя бы примерный период своего окончания.

Принимая во внимание длительность и содержательную ценность дискуссии о «самостоятельности» семейно-правовой ответственности, полагаем, что эволюция правового регулирования семейных отношений уже привела нас к однозначной определенности в вопросе о необходимости поддержки, укрепления и защиты семьи, а также сохранения традиционных семейных ценностей, что, в свою очередь, подтверждается относительно недавно принятыми поправками к Конституции РФ². Такое положение дел очевидно свидетельствует о необходимости корректировки как состава принципов семейного права³, так и соответствующих характеристик метода семейно-правового регулирования, в том числе и признания самостоятельного места семейно-правовой ответственности в российской национальной системе мер правовой защиты.

Вместе с тем необходимо признать, что не все вопросы, традиционно поднимаемые в ходе указанной нами научной дискуссии, получили полное и всестороннее исследование [4, с. 45–52]. Полагаем, что причиной этому является такое состояние развития семейного права в качестве самостоятельной отрасли, которое характеризуется не только происходящими в настоящее время процессами «размежевания» с другими отраслями права, что обусловлено объективными потребностями правового регулирования, но и необходимостью разработки собственных теоретических основ, определяющих содержание и направление развития тех или иных институтов, в т. ч. и института семейно-правовой ответственности.

В этой связи необходимо отметить, что конструирование какой-либо модели юридической ответственности, предполагающей определение ее признаков, специфики санкций и т. п., вряд ли следует считать оправданной без разработки крепких теоретических основ, определяющих правовое основание для применения мер такой ответственности.

Краткий анализ научной литературы позволил нам сделать вывод об отсутствии сколь-нибудь значимой дискуссии о том, что является основанием для применения мер семейно-правовой ответственности. Таким основанием является семейное правонарушение [4, с. 45–52]. Однако среди мнений ученых-юристов по вопросу о составе семейного правонарушения можно выделить три основных подхода к определению как количества, так и содержания соответствующих элементов.

Согласно одному подходу, состав семейного правонарушения включает в себя следующие элементы: противоправное деяние (действие или бездействие), наличие причиненного вреда, причинно-следственная связь между ранее указанными ранее элементами и вина правонарушителя [6]. В соответствии с другим подходом, состав семейного правонарушения включает в себя: объект, субъект, объективную и субъективную сторону [7, с. 11].

Между тем, в юридической литературе можно встретить и такой подход, согласно которому обязательными элементами состава семейного правонарушения являются противоправное деяние и вина субъекта противоправного поведения⁴.

Как видно, в этом вопросе также отсутствует единый методологический подход к определению как количественной характеристики, так и содержательных особенностей элементарного состава семейного правонарушения. Одна часть исследователей, по-видимому, исходит из традиций, характерных для теории гражданского правонарушения и определяет состав правонарушения в традициях частного права⁵, в то время, как другая часть исследователей при определении элементарного состава правонарушения руководствуется традициями, характерными для теории публично-правового регули-

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

³ Семейное право: учебное пособие для студентов вузов / И. В. Афанасьев, Ю. Н. Богданова, Л. В. Борисова, В. Г. Голышев, А. В. Голышева, О. В. Ефимова и др. – Москва; Саратов: Саратовский источник, 2021. – С. 8–11.

⁴ Белякова А. М., Ворожейкин Е. М. Советское семейное право: учебник. – Москва: Юрид. лит., 1974. – С. 45.

⁵ Голышев В. Г. Применение норм гражданского законодательства об ответственности: учеб. пособие / В. Г. Голышев. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – С. 22; Гражданское право России. Общая часть: учебник для студентов вузов / В. В. Вармунд, В. Г. Голышев, А. В. Голышева и др. / под ред. В. Г. Голышева и Л. Б. Ситдиковой. – Москва; Саратов: Саратовский источник, 2024. – С. 373.

рования⁶. В качестве относительно самостоятельной группы можно выделить исследователей, которые, оставаясь в сфере «цивилистических» традиций, тем не менее выделяют в качестве общего правила двухэлементный состав семейно-правового правонарушения в виде противоправного действия (бездействия) и вины [8, с. 254–301].

В этой связи необходимо отметить, что в целом «меры семейно-правовой ответственности носят личный неимущественный характер, представляются в виде ограничений, лишений личных неимущественных прав, установления дополнительных обязанностей» [4, с. 45–52] и не предполагают восстановления имущественной сферы стороны, потерпевшей от семейного правонарушения, с чем, собственно, хорошо справляется институт гражданско-правовой ответственности при наличии гражданского правонарушения. Данная особенность обусловлена целями семейно-правового регулирования и отражает сущностную сторону семейно-правовой ответственности.

Сфера государственных интересов в части, касающейся защиты и укрепления семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, явно свидетельствует о необходимости определяющего влияния публично-правовых механизмов [9, с. 20–26], обеспечивающих эффективность семейно-правового регулирования, что не может не сказаться на особенностях семейно-правовой ответственности. Это касается как самой модели семейно-правовой ответственности в целом, так и конструирования сущностного наполнения состава семейного правонарушения. Вместе с тем, особый статус публично-правовых средств и способов регулирования отнюдь не умоляет эффективность, а порой и единственно возможную целесообразность применения в семейных отношениях частноправовых средств защиты и охраны субъектами своих прав и законных интересов.

Не ставя перед собою цель – поставить «точку» в данном вопросе, заметим, что констатируемое нами положение дел является следствием эволюционных процессов, обусловленных возрастающей ролью семейного права в качестве самодостаточного регулятора общественных отношений.

Список литературы

1. Голышев В. Г. К вопросу о системе и содержании принципов частного деликтного права // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Юриспруденция. – 2010. – № 1. – С. 66–70.
2. Липинский Д. А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. – 2004. – № 12. – С. 22–30.
3. Гришаев С. П. Семейное право в вопросах и ответах. – Москва, 2008.
4. Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журнал российского права. – 2014. – № 2. – С. 45–52.
5. Ульянова М. В. Юридическая ответственность в сфере семейных отношений // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 4. – С. 31–35.
6. Тагаева С. Н. К проблеме причинно-следственной связи в составе семейного правонарушения // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 2(20). – С. 168–172.
7. Турусова О. С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – 31с.
8. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. – Москва, 1972.
9. Теоретические и прикладные аспекты эффективного правоприменения: монография / Голышева А. В., Голышев В. Г., Дорохов Н. И. и др. [Электронное издание]. – Москва: изд. ЧОУВО «МУ им. С. Ю. Витте», 2024.

References

1. Golyshev V. G. K voprosu o sisteme i soderzhanii principov chastnogo deliktного prava // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. – Seriya: Yurisprudenciya. – 2010. – № 1. – S. 66–70.
2. Lipinskij D. A. O nekotoryh problemah sistemy yuridicheskoy otvetstvennosti // Pravo i politika. – 2004. – № 12. – S. 22–30.

⁶ Кононов П. И. Актуальные проблемы административного права: учебник. – Москва: КНОРУС, 2023.

3. *Grishaev S. P.* Semejnoe pravo v voprosah i otvetah. – Moskva, 2008.
4. *Bespalov Yu. F.* Semejno-pravovaya otvetstvennost' i ogranichenie semejnyh prav // Zhurnal rossijskogo prava. – 2014. – № 2. – S. 45–52.
5. *Ul'yanova M. V.* Yuridicheskaya otvetstvennost' v sfere semejnyh otnoshenij // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. – 2019. – № 4. – S. 31–35.
6. *Tagaeva S. N.* K probleme prichinno-sledstvennoj svyazi v sostave semejnogo pravonarusheniya // Vestnik Permskogo universiteta. – 2013. – № 2(20). – S. 168–172.
7. *Turusova O. S.* Semejno-pravovaya otvetstvennost' v Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh gosudarstvah: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2011. – 31s.
8. *Vorozhejkin E. M.* Semejnye pravootnosheniya v SSSR. – Moskva, 1972.
9. Teoreticheskie i prikladnye aspekty effektivnogo pravoprimeneniya: monografiya / Golysheva A. V., Golyshhev V. G., Dorohov N. I. i dr. [Elektronnoe izdanie]. – Moskva: izd. ChOUVO “MU im. S. Yu. Vitte”, 2024.

Статья поступила в редакцию: 03.01.2025

Received: 03.01.2025

Статья поступила для публикации: 04.03.2025

Accepted: 04.03.2025

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ТРУДОВЫХ ПРАВ ЧЛЕНОВ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

Емелин Михаил Юрьевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: mikhmelin@yandex.ru,

Николаев Борис Викторович^{1,2},

канд. ист. наук,
e-mail: nikolboris@yandex.ru,

¹Московский университет им. С. Ю. Витте, филиал в г. Пензе, г. Пенза, Россия,

²Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения, связанные с обеспечением гарантий трудовых прав граждан по основному месту работы в связи с осуществлением ими функций членов избирательных комиссий с правом решающего голоса при подготовке и проведении выборов. Предметом исследования являются соответствующие нормы отечественных нормативных правовых актов. С этой целью осуществляется анализ действующего избирательного и трудового законодательства РФ, сопоставляются нормы и принципы правового регулирования. По итогам исследования выявляются проблемные моменты действующего правового регулирования и меры по их нивелированию. Результаты работы могут быть учтены в целях совершенствования законодательства, а также при обеспечении организационных мер, направленных на реализацию гарантий трудовых прав членов избирательных комиссий. Реализация гарантий трудовых прав членов избирательных комиссий связана с обеспечением баланса публично-правовых и экономических интересов, что предполагает глубокий анализ тенденций и постоянное совершенствование законодательной регламентации и процесса правоприменения. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: избирательное право, гарантии трудовых прав, выборы, избирательные комиссии

PROBLEMS OF LEGISLATIVE GUARANTEES OF LABOR RIGHTS OF ELECTION COMMISSION MEMBERS

Yemelin M. Yu.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: mikhmelin@yandex.ru,

Nikolaev B. V.^{1,2},

Candidate of Historical Sciences,
e-mail: nikolboris@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, branch in Penza, Penza, Russia,

²Penza State University, Penza, Russia

The purpose of this study is to investigate public relations related to the guarantee of citizens' labour rights at their primary place of employment in connection with their participation as voting members of electoral commissions during the preparation and conduct of elections. The subject of the study is the relevant norms of domestic regulatory legal acts. For this purpose, the current electoral and labor legislation is analyzed, the norms and principles of legal regulation are compared. Based on the results of the study, the main problems of legislation in the subject area and proposals for their elimination are identified. The results of the work can be taken into account for the purpose of improving legislation, as well as in ensuring organizational measures aimed at implementing guarantees of labor rights of members of election commissions. Implementation of guarantees of labor rights of members of

election commissions is associated with ensuring a balance of public-legal and economic interests, which involves a deep analysis of trends and continuous improvement of legislative regulation and the law enforcement process. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: electoral rights, guarantees of labor rights, elections, electoral commissions

Введение

Вопросы регулирования избирательных правоотношений играют ключевую роль в обеспечении стабильного развития демократической государственности, легитимности государственной власти, поддержания гражданского мира и согласия в стране. Недостатки и пробелы избирательного законодательства, как показывает зарубежная практика, в частности США, могут привести к существенной дестабилизации государственной и общественной жизни, росту социально-политической напряженности, сомнений в легитимности института выборов [1] и даже к постановке вопроса о «деградации демократии» [2].

Особое значение в подобных условиях приобретают вопросы обеспечения независимости и эффективности деятельности членов избирательных комиссий, поскольку именно они реализуют функцию по подготовке и проведению выборов. Гарантирование свободного и прозрачного осуществления своих полномочий членами избирательных комиссий, наряду с другими аспектами, обеспечивает необходимый уровень доверия к избирательному процессу и выборам, а, соответственно, и к формируемым органам власти и местного самоуправления.

Особенности правового статуса члена избирательной комиссии с правом решающего голоса обусловлены особой природой избирательных комиссий и наделением их публично-значимыми функциями [3].

Проблематика деятельности членов избирательной комиссии проистекает, прежде всего, из их «нештатного» статуса и особенностей положения избирательных комиссий в системе органов власти.

В контексте современного доктринального понимания имеет место некоторая неопределенность юридического статуса избирательных комиссий. Так, одни исследователи определяют их как государственные (или муниципальные, соответственно) органы, наделенные особым юридическим статусом, тогда как другие отмечают некоторую размытость подобного подхода [4].

Действительно, статья 2 ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» дает определение избиркомов, но не определяет исчерпывающим образом их статус в системе организации публичной власти, несмотря на тот факт, что основные функции, в том числе участковых и территориальных комиссий характеризуются явной публичной значимостью [5].

Тот факт, что подавляющее большинство участников избиркомов действует на нештатной основе и имеет основное трудоустройство, может привести к тому, что формируется межролевой конфликт между обязанностями работника и члена избиркома. Общественная значимость функций участника избиркома делает необходимым закрепление и в трудовом, и в избирательном законодательстве особых гарантий защиты трудовых прав, по крайней мере, таким членам комиссий, которые имеют право решающего голоса [6].

Правовая регламентация статуса членов избирательных комиссий, как и избирательного законодательства в целом, имеет сложный характер [7].

В отечественной литературе исследованиям гарантий, предоставляемых членам избирательных комиссий, уделяется недостаточное внимание, ограничиваясь, в основном, описанием закрепленных гарантий, без оценки проблематики и способов совершенствования правового регулирования.

Целью настоящего исследования является анализ соответствующего трудового и избирательного законодательства, выявление проблем правового регулирования гарантий трудовых прав членов избирательных комиссий и определение возможных вариантов совершенствования.

Анализ трудового и избирательного законодательства

Гарантии трудовых прав членов избирательной комиссии закреплены, прежде всего, в специальных законах, посвященных выборам: в первую очередь это положения частей 17, 17.1, 19 ФЗ от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (далее – Федеральный закон № 67): обеспечение сохранения основного места работы на период избирательной кампании, компенсационные выплаты за период освобождения от работы, дополнительное вознаграждение за время работы в составе комиссии, запрет на увольнение и перевод по инициативе работодателя, сохранение места работы на период подготовки и проведения выборов и освобождение его от основной работы по представлению избирательной комиссии.

Последней норме избирательного законодательства корреспондируют положения ст. 170 Трудового кодекса РФ (далее ТК), гарантирующие освобождение от работы по основному месту трудоустройства в период исполнения публичных обязанностей.

При этом трудовое законодательство не содержит специальных норм, обеспечивающих предоставление гарантий именно членам избирательных комиссий.

В статье 165 ТК содержится перечень оснований (в том числе, члены избирательных комиссий) для освобождения основной работы и соответствующих выплат при выполнении упомянутых государственных/общественных обязанностей, причем такой перечень имеет открытый, не исчерпывающий характер.

Федеральный закон 67-ФЗ гарантирует не только компенсационные выплаты, но и дополнительное вознаграждение (их размеры устанавливаются соответствующей избирательной комиссией) членам избиркомов (ч. 17 ст. 29). Вместе с тем и освобождение от работы и выплата компенсации устанавливаются на период подготовки и проведения выборов.

Следует отметить тот факт, что наиболее напряженный период (по общему правилу в течение трех месяцев) деятельности члена избиркома приходится на время избирательной кампании, который требует полного посвящения именно специальным функциональным обязанностям по организации проведения выборов. Но и за пределами этого периода особой интенсивности участники должны предпринимать определенные усилия по теоретической подготовке к выполнению своих функциональных обязанностей [8], осуществлять мониторинг законодательных новаций в этой сфере, реализовать обучение для обеспечения необходимого уровня компетентности, однако, гарантии освобождения от работы и компенсации в этот период не могут предоставляться.

В ч. 19 ст. 29 ФЗ № 67-ФЗ закреплена важная гарантия защиты членов избирательных комиссий от потенциального давления со стороны работодателя в форме установления запрета увольнения (перевода) таких работников, инициированного работодателем. При этом срок действия для членов с решающим и совещательным голосом существенно различается: весь период полномочий в первом случае, и лишь период избирательной кампании – во втором.

Исходя из буквального прочтения указанной нормы, запрет носит абсолютный характер и не допускает каких-либо исключений в зависимости от оснований увольнения, если увольнение или перевод инициируются со стороны работодателя.

В этой связи судебная практика сталкивается с существенными сложностями при рассмотрении трудовых споров, связанных с увольнением членов избирательных комиссий («Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.05.2021 № 117-КГ21-2-К4, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.08.2019 № 5-КГ19-97).

Анализ позиций Конституционного Суда РФ

В определении от 16 января 2007 г. № 160-О-П Конституционный Суд РФ высказался по вопросу возможности увольнения члена избирательной комиссии с правом решающего голоса по инициативе работодателя в связи с грубым нарушением трудовой дисциплины работником.

Суд обосновал необходимость соответствующих законодательных гарантий принципом независимости и беспристрастности деятельности избирательных комиссий и их участников. Высший орган конституционного контроля заключил, что, поскольку права и свободы человека и гражданина (а именно для обеспечения таковых и действуют участники избиркомов) являются высшей ценностью, для их обеспечения федеральный законодатель вправе возложить на работодателей дополнительные обязанности в виде освобождения членов комиссий от работы на период выполнения ими своих функций, а также установить ограничения по увольнению и переводу их на другую работу.

Вместе с тем, конституционно закреплена свобода экономической деятельности, которая связана с наличием права у работодателей самостоятельно принимать кадровые решения.

Для обеспечения баланса необходимо соблюдать соразмерность вводимых ограничений и конституционно-правовых целей, для достижения которых они вводятся.

Конституционный Суд РФ отметил, что гарантии, предоставленные членам избирательных комиссий, не относятся к их личным привилегиям, а имеют публично-правовой характер и нацелены на обеспечение независимости и беспристрастности их деятельности, что приводит к выводу о необходимости учета возможного злоупотребления с их стороны соответствующими гарантиями. В свою очередь средством против таких возможных злоупотреблений могло бы стать предоставление возможности увольнения в случае грубого нарушения таким работником своих трудовых обязанностей, при условии, что это не является способом воздействия на осуществление работником своих публичных функций. При этом по мнению высшего органа конституционного контроля, судам необходимо оценивать обстоятельства относительно возможного оказания давления на члена избирательной комиссии в каждом конкретном случае.

Аналогичную позицию поддерживает Верховный Суд Российской Федерации (обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020).

Определением от 03.07.2007 № 514-О-О орган конституционного контроля установил, что решение общего собрания участников общества является достаточным основанием для лица, занимающего должность единоличного исполнительного органа, даже если он является членом избиркома. Ограничение возможности увольнения руководителя, предусмотренной трудовым законодательством, нарушало бы права собственника по владению, пользованию и распоряжению своим имуществом, поскольку руководитель выступает лицом, от действий которого во многом зависят результаты деятельности организации и достижение целей, для которых она создавалась. Суд, тем не менее, подчеркнул, что руководитель не лишен при этом гарантий судебной защиты, а судам при рассмотрении исков руководителей, одновременно являвшихся членами избирательных комиссий, о восстановлении на работе надлежит осуществлять проверку относительно того, не было ли соответствующее увольнение способом оказать давление на лицо, которое осуществляет публично значимые функции.

Суд также высказался относительно возможности сокращения члена избирательной комиссии в период избирательной кампании (определение от 01.06.2010 №840-О-О). Аналогично предыдущему решению суд подчеркнул наличие публично значимых функций у членов избирательных комиссий, на обеспечение независимого и беспристрастного осуществления которых направлены рассматриваемые законодательные гарантии, что является основанием для установления запрета на увольнение в этом случае.

Такая позиция не получила полного и всеобъемлющего закрепления в трудовом или избирательном законодательстве.

Ряд исследователей усматривают в позиции Конституционного Суда РФ ослабление защиты трудовых прав членов избирательных комиссий, которое не способствует необходимости обеспечения их самостоятельности. В частности, обращается внимание на то, что само участие в деятельности избирательной комиссии и отсутствие на рабочем месте в связи с таким участием, может расцениваться работодателем как прогул [9].

Приведенные позиции Конституционного суда РФ основаны на следующих аспектах: во-первых, ограничение права работодателя уволить работника осуществляется в целях обеспечения независимости и беспристрастности избирательных комиссий; во-вторых, такие ограничения не нарушают балан-

са прав сторон трудовых отношений, поскольку отвечают конституционным целям и не нарушают прав работодателя [10].

При этом баланс не означает механическое сопоставление прав и интересов сторон, а призван учесть социальные и экономические интересы, т. е. обеспечить эффективное функционирование экономики и защитить интересы работников.

Предложения по совершенствованию законодательства

В части 17 статьи 29 № 67-ФЗ предоставление компенсаций и освобождения от работы необходимо «отвязать» от периода избирательной кампании, заменив формулировку «на период подготовки и проведения выборов» на «в целях подготовки и проведения выборов». Это позволит законодательно закрепить гарантии привлечения членов избирательной комиссии и в иные периоды, в частности, для прохождения обучения, семинаров и других мероприятий, призванных повысить уровень компетентности членов избирательных комиссий.

Часть 19 статьи 29 необходимо уточнить путем закрепления в качестве оснований, допускающих в исключительных случаях увольнение или перевод члена избиркома по инициативе работодателя с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ: грубое нарушение трудовых обязанностей, увольнение руководителя по решению общего собрания участников общества. Такая новация может способствовать унификации судебной практики по трудовым спорам об увольнении с участием членов избиркомов.

Заключение

Приведенный анализ трудового и избирательного законодательства, а также позиций Конституционного Суда РФ указывает на наличие некоторых законодательных проблем, связанных с закреплением гарантий трудовых прав членов избирательных комиссий, при привлечении их к выполнению функций по подготовке и проведению выборов.

Отдельные законодательные формулировки не позволяют обеспечить баланс публичных и экономических интересов, что в определенной степени компенсировано наличием позиций Конституционного Суда РФ, однако не исключает неоднозначность толкования в судебной практике.

Ни трудовым, ни избирательным законодательством не раскрывается возможность предоставления гарантий за пределами избирательной кампании, что может ограничивать возможность привлечения членов избирательных комиссий к мероприятиям, направленным на обеспечение подготовки и проведения выборов.

Предложенные изменения предполагают если не устранение, то существенное снижение выявленной проблематики.

Список литературы

1. Flanders, Chad Was the 2016 Election Legitimate? // St. Louis University Law Journal. – 2020. – Vol. 64. – № 4. – P. 635–651.
2. Klarman, Michael J. The Degradation of American Democracy and the Court // The Harvard Law Review Association. – 2020. – Vol. 134. – № 1. – P. 4–264.
3. Воронин Д. Ю. Принцип независимости избирательных комиссий в актах Конституционного Суда Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2023. – № 10. – С. 7–12.
4. Макарецев А. А. Организационно-правовой режим избирательных комиссий в Российской Федерации: проблемы реализации правового статуса // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 3. – С. 51–60.
5. Емелин М. Ю. Проблемы правового регулирования рассмотрения обращений граждан в избирательном законодательстве Российской Федерации // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. – Серия 2: Юридические науки. – 2022. – № 4 (35). – С. 20–25.

6. Сафонов В. А. Влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на систему гарантий трудовых прав членов избирательных комиссий // Трудовое право в России и за рубежом. – 2011. – № 3. – С. 11–16.
7. Емелин М. Ю., Николаев Б. В. Система источников правового регулирования избирательных правоотношений в России // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 9(165). – С. 80–83.
8. Вискулова В. В. Очередная попытка стабилизации института выборов: чьи права гарантируются? // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 7. – С. 55–62.
9. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / С. А. Авакьян, И. П. Кененова, А. С. Ковлер и др.; отв. ред. и рук. авт. кол. С. А. Авакьян. – Москва: Юстицинформ, 2016. – 512 с.
10. Нуртдинова А. Ф. Значение решений Конституционного Суда РФ для совершенствования трудового законодательства // Журнал российского права. – 2011. – №10. – С. 68–79.

References

1. Flanders, Chad Was the 2016 Election Legitimate? // St. Louis University Law Journal. – 2020. – Vol. 64. – № 4. – P. 635–651.
2. Klarman, Michael J. The Degradation of American Democracy and the Court // The Harvard Law Review Association. – 2020. – Vol. 134. – № 1. – P. 4–264.
3. Voronin D. Yu. Princip nezavisimosti izbiratel'nyh komissij v aktah Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2023. – № 10. – S. 7–12.
4. Makarcev A. A. Organizacionno-pravovoj rezhim izbiratel'nyh komissij v Rossijskoj Federacii: problemy realizacii pravovogo statusa // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2014. – №3. – S. 51–60.
5. Emelin M. Yu. Problemy pravovogo regulirovaniya rassmotreniya obrashchenij grazhdan v izbiratel'nom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. – Seriya 2: Yuridicheskie nauki. – 2022. – № 4 (35). – S. 20–25.
6. Safonov V. A. Vliyanie reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii na sistemu garantij trudovyh prav chlenov izbiratel'nyh komissij // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. – 2011. – № 3. – S. 11–16.
7. Emelin M. Yu., Nikolaev B. V. Sistema istochnikov pravovogo regulirovaniya izbiratel'nyh pravootnoshenij v Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2018. – № 9(165). – S. 80–83.
8. Viskulova V. V. Ocherednaya popytka stabilizacii instituta vyborov: ch'i prava garantiruyutsya? // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2013. – № 7. – S. 55–62.
9. Protivodejstvie korrupcii: konstitucionno-pravovye podhody: kollektivnaya monografiya / S. A. Avak'yan, I. P. Kenenova, A. S. Kovler i dr.; отв. red. i ruk. avt. kol. S. A. Avak'yan. – Moskva: Yusticininform, 2016. – 512 s.
10. Nurtdinova A. F. Znachenie reshenij Konstitucionnogo Suda RF dlya sovershenstvovaniya trudovogo zakonodatel'stva // Zhurnal rossijskogo prava. – 2011. – №10. – S. 68–79.

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

Received: 15.10.2024

Статья поступила для публикации: 17.01.2025

Accepted: 17.01.2025

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО АРЕНДАТОРА ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Максуров Алексей Анатольевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: maxurov78@yandex.ru,

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Предметом настоящего исследования стали особенности реализации арендатором имущества, находящегося в публичной собственности, своего преимущественного права на заключение договора аренды на новый срок. Автор исследует вопросы соотношения гражданского законодательства об аренде и законодательства о защите конкуренции (конкурентного права). Автор предлагает к рассмотрению пять особых аспектов реализации преимущественного права арендатором публичной собственности с точки зрения уточнения и толкования содержащихся в законодательстве положений. В статье подчеркивается, что специфика предоставления находящегося в публичной собственности имущества субъекту частного права на условиях аренды обусловлена самими целями использования публичной собственности, выражающимися в необходимости координации (согласования) государственных и общественных интересов публичного и частного начал. Основным для подготовки статьи стал метод системного анализа, применению которого способствовали приемы формальной логики и обобщения юридической практики. По результатам исследования автор предлагает возможные изменения в гражданское законодательство, направленные на защиту интересов арендатора в связи с реализацией им преимущественного права на заключение с ним договора аренды на новый срок. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: аренда, арендатор, публичная собственность, преимущественное право, защита конкуренции, предварительный договор, предмет доказывания

PREFERENTIAL RIGHT OF THE TENANT OF PUBLIC PROPERTY: IMPLEMENTATION FEATURES

Maksurov A. A.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: maxurov78@yandex.ru,

¹P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

The subject of this study is the specifics of the tenant's realization of his pre-emptive right to conclude a lease agreement for a new term. The author examines the issues of the relationship between civil legislation on lease and legislation on the protection of competition (competition law). The author proposes to consider five special aspects of the implementation of the pre-emptive right by the tenant of public property from the point of view of clarification and interpretation of the provisions contained in the legislation. The article emphasizes that the specifics of providing publicly owned property to a private law entity under lease terms are determined by the very purposes of using public property, expressed in the need to coordinate (harmonize) state and public interests of public and private principles. The main method for preparing the article was the method of system analysis, the application of which was facilitated by the techniques of formal logic and generalization of legal practice. Based on the results of the study, the author proposes possible changes to the civil legislation aimed at protecting the interests of the tenant in connection with the implementation of his pre-emptive right to conclude a lease agreement with him for a new term. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: lease, tenant, public property, pre-emptive right, protection of competition, preliminary agreement, subject of proof

Введение

Сегодня большое значение для теории гражданского права и практики применения норм гражданского законодательства имеют вопросы реализации арендатором преимущественного права на заключение договора аренды. Особое значение данные аспекты приобретают в части определения правомочий арендатора на заключение с ним в приоритетном порядке договора аренды публичной собственности и, в первую очередь, недвижимости, поскольку соответствующие отношения регулируются, как нормами обязательственного права, так и положениями конкурентного права.

Институт субъективных преимущественных прав в российском гражданском праве имеет длительную историю и достаточно стабилен по своим содержательным характеристикам. В юридической науке высказано мнение о значительной роли преимущественных прав в отношении публичной собственности в построении бизнес-процессов [1, с. 110], а недостатки в правовом регулировании в указанной сфере отрицательно влияют на общую эффективность норм частного права [2, с. 113]. В странах Европы преимущественное право иногда даже участвует в гражданском обороте в качестве самостоятельного имущественного права, которое может отчуждаться. По этим причинам обладателю преимущественного права иногда предоставляется судебная защита наравне с защитой права собственности [3, с. 44]. Наличие преимущественного права используется сегодня в России в числе юридических компонентов маркетингового комплекса коммерческих юридических лиц [4, с. 202].

Вместе с тем, в юридической доктрине в понимание преимущественных гражданских прав в последние десятилетия происходит привнесение публично-правовых аспектов. Эти публично-правовые элементы выражаются, в том числе, в отличном от «классического» понимании вопросов реализации арендатором преимущественных прав при передаче объектов публичной собственности в аренду субъектам частного права. Наряду с указанным обстоятельством реализация преимущественных прав без учета требований законодательства о конкуренции (конкурентного права) в данном случае может повлечь причинение ущерба государственным и общественным интересам [5, с. 79].

По указанным причинам анализ особенностей реализации арендатором находящегося в публичной собственности имущества представляется актуальным и значимым.

Целью исследования в данном случае выступают: 1) проблемные вопросы реализации прав арендатора имущества в соответствии с гражданским законодательством, а также 2) специфика норм об осуществлении арендатором публичной собственности своего преимущественного права на заключение договора аренды на новый срок.

Достижение цели работы стало возможным путем применения метода системного анализа, методов и приемов формальной логики, обобщения и анализа юридической практики и достижений правовой доктрины, социологического метода исследования и иных общих и частных научных подходов, приемов и методов.

Основная часть

Арендные отношения по поводу публичной собственности как проявление координации публичного и частного интересов

В настоящее время в науке все чаще и чаще проводится мысль о том, что временное использование публичной собственности субъектами частного права (аренда, другие виды использования) следует понимать с точки зрения механизма координации государственных и общественных интересов.

В частности, особым образом рассматривается согласованная деятельность органов власти, направленная на обеспечение равного доступа субъектов частного права к объектам, находящимся в публичной собственности [6, с. 12], когда «совместное» использование имущества, принадлежащего публичным образованиям, понимается в качестве частного проявления случая координации общественных и государственных интересов [7, с. 22], выражения согласованной общественной воли [8, с. 109], реализации правом целой совокупности общесоциальных функций для достижения такого согласования [9, с. 122], способа координации принципов права [10, с. 62].

Одновременно обращается внимание на необходимость учета согласованной воли субъектов публичного и частного права при осуществлении контрольно-надзорных мероприятий в области контроля (надзора) за соблюдением законодательства о конкуренции при реализации арендатором публичной собственности своего преимущественного права при заключении договора аренды на новый срок [11, с. 66], при принятии правовых актов, отвечающих целям координации публичного и частного начал в указанной сфере [12, с. 56] и даже при исполнении актов юрисдикционных органов в отношении арендатора имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности [13, с. 121].

На согласование общественного и частного интересов направлены и существующие приемы юридической тактики [14, с. 53], что выражается, в частности, в предотвращении потенциальных конфликтов конкурентного характера при реализации арендатором публичной собственности своего преимущественного права [15, с. 22].

Сама деятельность по распоряжению публичной собственностью призвана отвечать требованиям эффективности согласования общественных и государственных интересов [16, с. 23]. Характерный пример такого рода: уже с начала 2000-х годов для специалистов органов власти в области имущественных отношений были введены специальные курсы, на которых в виде отдельной темы изучалась их координирующая роль в обеспечении соответствия интересов государства интересам общества при сдаче в аренду государственного недвижимого имущества, в том числе, в части определения путей и порядка последующей реализации арендаторами своих преимущественных прав [17, с. 16], а при отборе таких сотрудников на должность к ним предъявлялись психологические требования в части решения указанных вопросов на компромиссной основе [18, с. 92].

Сегодня реализация преимущественных прав арендаторами имущества, находящегося в публичной собственности, приобретает некоторые особенности. В «классические» отношения по реализации арендатором своих преимущественных прав «вторгается» конкурентный механизм, который, тем не менее, не оставляет места административному усмотрению в его понимании, предложенном А. В. Тереховой [19, с. 314], а опирается на положения гражданского законодательства.

Преимущественное право арендатора в Гражданском кодексе РФ и законодательстве о защите конкуренции

Преимущественное право арендатора на заключение договора аренды на новый срок установлено статьей 621 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹. Несмотря на то, что конструкция преимущественного права арендатора известна в доктрине, законодательстве и на практике давно, ее применение все еще содержит проблемные аспекты.

Прежде всего, действующий закон очень осторожно и избирательно относится к лицам, способным приобрести это преимущественное право.

Во-первых, закон позволяет сделать вывод о не единичности лиц, обладающих преимущественным правом. Абз. 3 п. 1 ст. 621 ГК РФ указывает на наличие, по меньшей мере, двух возможных носителей преимущественного права: 1) лица, которое арендует объект в настоящее время, и 2) «прежнего арендатора», то есть лица, которому в течение года с момента прекращения договора аренды с ним и до заключения договора аренды с другим лицом было отказано в перезаключении данного договора.

В части 9 статьи 17.1 Федерального закона «О защите конкуренции»² определено, что по истечении срока договора аренды государственного или муниципального имущества, заключенного по результатам проведения торгов или без их проведения в соответствии с законодательством Российской Федерации, заключение такого договора на новый срок с арендатором, надлежащим образом исполнившим свои обязанности, осуществляется без проведения конкурса, аукциона, если иное не установлено договором и срок действия договора не ограничен законодательством Российской Федерации, при одновременном соблюдении следующих условий: 1) размер арендной платы определяется по результатам оценки рыночной стоимости объекта, проводимой в соответствии с законодательством, регулирующим

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

² Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/

оценочную деятельность в Российской Федерации, если иное не установлено другим законодательством Российской Федерации; 2) минимальный срок, на который перезаключается договор аренды, должен составлять не менее чем три года, однако срок может быть уменьшен только на основании заявления арендатора.

В такой ситуации арендодатель не вправе отказать арендатору в заключении на новый срок договора аренды в порядке и на указанных выше условиях, за исключением случаев принятия в установленном порядке решения, предусматривающего иной порядок распоряжения таким имуществом, а также при наличии у арендатора задолженности по арендной плате за такое имущество, начисленным неустойкам (штрафам, пеням) в размере, превышающем размер арендной платы за более чем один период платежа, установленный договором аренды (ч. 10 ст. 17.1 Федерального закона «О защите конкуренции»). Причем в случае отказа арендодателя в заключении на новый срок договора аренды государственного или муниципального имущества по иным основаниям, и заключения, в течение года со дня истечения срока действия данного договора, договора аренды с другим лицом, прежний арендатор, надлежащим образом исполнявший свои обязанности по договору аренды, вправе потребовать перевода на себя прав и обязанностей по заключенному договору и возмещения убытков, причиненных отказом возобновить с ним договор аренды, в соответствии с гражданским законодательством (ч. 11 ст. 17.1 Федерального закона «О защите конкуренции»).

В указанной связи отдельные авторы отмечают, что формулировка о прекращении договора с арендатором является ограничительным толкованием положений статьи 621 ГК РФ и не способствует защите преимущественных прав арендаторов, договор с которыми расторгнут по инициативе арендодателя (что соответствует судебной практике³), поскольку теоретически могут иметь место и договоры аренды, заключенные на неопределенный срок [20, с. 89].

Однако суды так не считают в ситуации, когда арендатор тем или иным образом явно выразил волю на прекращение договора, например, когда договор аренды расторгается по соглашению сторон⁴.

Во-вторых, даже в ситуации фактического пользования имуществом на основании договора аренды преимущественное право возникает не всегда. Например, такое право не возникает при исполнении сторонами договора об эксплуатации рекламного места, подразумевающего право пользования земельным участком⁵.

В данном случае суды руководствуются целью договорных отношений, и если цель пользования имуществом является лишь попутной, то об арендных отношениях вести речь нельзя.

В-третьих, преимущественное право может быть реализовано только в рамках действительного (заключенного) договора аренды. Логика здесь очевидна: если речь идет об аренде недвижимости на срок от года и дольше, то договор подлежит государственной регистрации. Не прошедший государственную регистрацию договор аренды не считается заключенным, даже если он фактически исполнен и его срок прошел. Соответственно такой договор не может никак влиять на права и интересы третьих лиц, в связи с чем преимущественного права у «фактического» арендатора нет⁶.

Такой подход следует признать логичным и правильным, ориентирующим субъектов права на исполнение требований гражданского законодательства о соблюдении формы сделки.

В-четвертых, ч. 1 ст. 621 ГК РФ предусматривает, что преимущественное право предоставляется только лишь арендатору, надлежащим образом исполнявшему свои обязанности, хотя, разумеется, такое указание можно исключить из договора аренды.

На практике надлежащее исполнение арендатором своих обязанностей рассматривается очень широко: к нему относятся случаи несвоевременного перечисления арендных платежей, порча арендованного имущества, не производство текущего ремонта, не осуществление деятельности в аренде-

³ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.02.2021 по делу № А56-94296/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10.06.2019 по делу № А13-5924/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление ФАС Приволжского округа от 22.05.2018 по делу № А55-24271/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Пункт 3 Обзора судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными, утв. информационным письмом Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мом помещении и т. п., причем в качестве доказательства такого нарушения может быть использованы не только судебные акты, бухгалтерская и иная документация (акты сверки, претензионные письма и проч.), но и любая переписка сторон, материалы фото-, видеофиксации и проч.⁷ В данном случае, обычно не имеет значения, было ли исправлено нарушение, прощен ли тот иной долг арендодателем и т. п., хотя имеет место и противоположная единичная судебная практика⁸. Обычно же суды толкуют «недобросовестность» настолько широко, что к таким случаям относят даже негативную оценку деятельности арендатора клиентами, другими арендаторами и проч.⁹

Последнее, как видится, абсолютно неприемлемо: арендатору «в вину» может быть поставлено только неисполнение норм закона и условий договора, но никак аргументом в пользу его недобросовестности не может служить чья-либо негативная оценка. Полагаем, что Верховному Суду РФ следовало бы высказаться по этому поводу в обзоре практики рассмотрения данной категории споров или в информационном письме.

Также следует считать неправомерным отказ в осуществлении преимущественного права арендатору, который, например, отказывается от заключения договора аренды, став победителем на торгах, так как рассчитывает на организацию арендодателем новых торгов с меньшей начальной ценой: суды сегодня квалифицируют такие действия как злоупотребление правом¹⁰, что возможно, однако стремление сберечь собственное имущество совершенно разумно с точки зрения любой рациональной предпринимательской деятельности, в связи с чем, при отсутствии на то прямого указания закона в виде запрета, такие действия нельзя считать противоречащими гражданско-правовым началам.

«Столкновение» преимущественных прав

До последнего времени ни законодателем, ни судебной практикой принципиально не решен вопрос о «столкновении» равнозначных преимущественных прав арендаторов, что теоретически возможно.

В доктрине такой аспект проблемы также широко не дискутировался.

Представляется, что оснований как-то выделять среди этих преимущественных прав «первое» и «второе» в силу закона не имеется; равнозначны они и с точки зрения доктрины.

Скорее всего, вопрос может быть решен только апостериори – в зависимости от того, преимущественное право какого именно лица получит судебное признание и защиту в форме вступления в законную силу вынесенного в его пользу судебного акта. Именно на данное лицо и будут переведены права и обязанности арендатора по договору аренды.

Однако, по мнению автора, обладатель другого преимущественного права в этом случае должен иметь возможность требовать возмещения причиненных ему необоснованным отказом в заключении договора аренды убытков с арендодателя. Данный вопрос в законе, к сожалению, однозначным образом не урегулирован.

Защита преимущественного права арендатора

В абз. 3 с. 1 ст. 621 ГК РФ законодатель определил способы защиты преимущественного права арендатора, которые поставлены в зависимость от того обстоятельства, утратил ли обладатель преимущественного права интерес в заключении договора на новый срок, или же такой интерес у него сохранился.

В частности, обладатель преимущественного права, не утративший интереса в заключении договора аренды, может потребовать в суде перевода на себя прав и обязанностей по заключенному договору и возмещения убытков, причиненных отказом возобновить с ним договор аренды. Утративший в интерес в арендных отношениях обладатель преимущественного права может требовать возмещения причиненных ему убытков.

⁷ Постановление ФАС Верхне-Волжского округа от 11.01.2020 по делу № А79-156/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 10.11.2018 № А19-291/08-58-Ф02-5437/18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление АС Московской области от 08.05.2018 по делу № А40-145830/18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление ФАС Верхне-Волжского округа от 25.11.2015 по делу № А79-904/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Интересно, что обладатель преимущественного права не может ставить в суде вопрос о признании недействительным (расторжении) договора аренды, заключенного арендодателем с третьим лицом, однако в его процесс с арендодателем указанное лицо (новый арендатор) подлежит привлечению к участию в деле в качестве третьего лица.

Предмет доказывания в данном случае давно определен судебной практикой¹¹. В данном случае должны быть достоверно установлены три обстоятельства в совокупности.

Во-первых, к таким обстоятельствам относится наличие условий для реализации преимущественного права. На практике это: а) надлежащее исполнение арендатором своих обязанностей по ранее заключенному договору аренды и б) уведомление им арендодателя о своем намерении заключить договор аренды на новый срок.

Во-вторых, следует подтвердить факт отказа арендодателя на обращение арендатора, в котором была выражена просьба заключить договор на новый срок.

В-третьих, важным обстоятельством, подлежащим доказыванию, будет также заключение арендодателем договора с иным лицом в установленный законом годичный срок или иной срок, установленный договором. Как показывает сегодня практика установление такого факта возможно и при выраженном в реальной действительности (переписка, занятие помещением имуществом нового арендатора, рекламой нового арендатора с указанным местом дислокации и проч.) намерении заключить такой договор с третьим лицом, но с некоторыми оговорками: такой иск будет принят¹², однако решение в пользу обладателя преимущественного права возможно лишь в случае реальной передачи имущества в аренду другому лицу¹³. Разумеется, соответствующее преимущественное право не может быть реализовано в ситуации, когда арендодатель вообще не планирует сдавать имущество в аренду кому-либо¹⁴.

Обход преимущественного права арендатора

Следует отметить, что закон сегодня во многих случаях позволяет полностью или частично обойти преимущественное право арендатора.

Например, возможна передача арендодателем имущества не по договору аренды, а по договору безвозмездного пользования, в рамках совместной с кем-либо деятельности и т. п. Такие ситуации могут быть урегулированы договором аренды с точки зрения признания факта возникновения преимущественного права и в указанных случаях, однако, обратившись за судебной защитой, арендатор столкнется с тем, что расторгнуть (признать недействительным) «чужой» договор аренды, где он не является стороной обязательства, он не сможет, а перевод на него прав и обязанностей нового фактического пользователя имущества закон не предусматривает. В то же время, взыскание с арендодателя убытков в связи с отказом заключить договор аренды с прежним арендатором теоретически не исключается.

Другим способом обхода преимущественного права будет заключение предварительного договора, по которому передается имущество в аренду. Такой предварительный договор может содержать условие, что в будущем, за пределами годичного срока, предусмотренного в качестве срока реализации арендатором своего преимущественного права, между сторонами предварительного договора будет заключен основной договор – договор аренды.

Однако в последние годы такой путь обхода преимущественного права арендатора все чаще пресекается судебной практикой, согласно которой, однако, в указанных случаях арендатор, обладающий преимущественным правом, не может требовать перевода на себя прав и обязанностей по договору аренды, так как новый договор аренды не заключен, однако убытки, возникшие вследствие неправомерного отказа арендодателя от исполнения обязанности, корреспондирующей преимущественному праву, могут быть взысканы судом¹⁵.

¹¹ См.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 06.12.2018 по делу № А45-7739/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Постановление ФАС Верхне-Волжского округа от 06.03.2019 по делу № А28-5926/2018-172/28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление ФАС Верхне-Волжского округа от 05.08.2014 по делу № А39-5086/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 07.06.2019 по делу № А13-8929/2019; Постановление ФАС Верхне-Волжского округа от 12.09.2017 по делу № А31-6308/2016-18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Постановление ФАС Московского округа от 28.08.2018 по делу № А41-51425/18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В описанных выше ситуациях вряд ли правильным будет наделять арендаторов правом требовать расторжения (либо признания недействительным) договоров аренды с третьим лицом и установления в последующем обязанности арендодателя заключить договор именно с ним. По всей видимости, с такого рода недостатками придется мириться, так как в противном случае, мы можем нарушить баланс гражданско-правовых отношений, получить конструкцию излишне «сильного» обладателя преимущественного права, и, как следствие, затруднить реализацию правомочий собственника – арендодателя, необоснованно сузить сферу реализации принципа свободы договора и, в конечном итоге, затруднить динамику гражданского оборота. Выходом, скорее всего, может послужить формирование надлежащей судебной практики, широко толкующей убытки арендатора, подлежащие возмещению в связи с неправомерным отказом арендодателя от перезаключения договора аренды: сюда должны быть отнесены не только фактически понесенные расходы на перевозку арендатором необходимого ему для обеспечения его деятельности имущества или товара, настройку оборудования на новом месте, наем другого персонала, если в этом есть необходимость, и прочие расходы такого рода, но и расходы на создание, благодаря затратам на рекламу, продвижение в социальных сетях и проч., клиентского потока в данную торговую точку и в прочих аналогичных ситуациях.

Заключение

Таким образом, в качестве итога исследования, можно указать на то, что реализации интересов сторон договора аренды недвижимого имущества, находящегося в публичной собственности, в части осуществления арендатором своего преимущественного права на заключение договора аренды на новый срок, во-первых, подчиняется общим правилам правового регулирования, предусмотренным гражданским и иным законодательством для отношений в сфере аренды, в том числе, с учетом свойств и характеристик недвижимости как предмета договора, а, во-вторых, имеет собственную специфику, определенную конкурентным правом.

Данная специфика обусловлена субъектно-объектным составом указанных общественных отношений, а также тесно связана с пониманием процесса использования субъектами частного права находящегося в публичной собственности имущества как процесса согласования (координации) публично-го и частного начал, государственного и общественного интереса.

Среди практических предложений автором сформулированы возможные изменения в гражданское законодательство, направленные на защиту интересов арендатора в связи с реализацией им преимущественного права на заключение с ним договора аренды на новый срок.

Список литературы

1. *Таланова М. В.* Юридическое проектирование координационных процессов // Право и бизнес: сборник статей I ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В. С. Мартемьянова / М. Ю. Абрамкина, М. Г. Абрамова, А. А. Алпатов и др.; под ред. И. В. Ершовой. – Москва: Юрист, 2012. – С. 101–118.
2. *Таланова М. В.* Эффективность норм частного права / Частноправовые отношения в условиях глобализации. – Saarbrücken: Lambert academic publishing, 2012. Ч. 1. Гл. 7. – С. 109–116.
3. *Максуров А. А.* Защита права собственности в Европейском Суде по правам человека: теоретические основы // Законодательство и экономика. – 2012. – № 9. – С. 41–45.
4. *Максуров А. А.* Правовой маркетинг. – Сер.: «Проектный подход в праве». Ч. 1. Правовая реклама. – Москва: ЭкООнис, 2018 – 644 с.
5. *Максуров А. А.* Формирование институциональных предпосылок противодействия коррупции в сфере закупок // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 2. – С. 75–86.
6. *Баранов В. М., Карташов В. Н.* Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2006. – № 6. – С. 11–15.

7. *Карташов В. Н.* Механизм координационного регулирования // Вестн. науч. тр. Нижнекам. филиала Москов. гуманитарно-эконом. ин-та. Вып. 3. Ч. 8. Вопросы теории и истории гос. и права / отв. ред. П. А. Кабанов. – Нижнекамск, 2001. – С. 21–25.
8. *Макаров И. И.* Координация в праве. – Ярославль: ЯФ МФЮА, 2012. – 340 с.
9. *Бриль Г. Г.* Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. Сб. науч. тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / отв. ред. проф. Г. Г. Бриль. – Кострома, 2007. – С. 121–125.
10. *Фролов С. Е.* Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных трудов. – Владимир, 2002. – С. 59–64.
11. *Постнов А. С.* Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ. Материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26–27 ноября 2004 г.). – Вып. 6: Ч. 1. – 2005. – С. 64–67.
12. *Кивленок Т. В.* Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. – Владимир: ВГПУ, 2002. – Вып. 3. – С. 54–58.
13. *Гражданское исполнительное право* / под ред. Власова А. А. – Москва: Экзамен, 2004. – 430 с.
14. *Карташов В. Н.* К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире. Сб. науч. тр. по материалам VIII Международной научн.-практич. интернет-конференции 15 мая 2011 года. – Тамбов, 2011. – С. 50–55.
15. *Таланова М. В.* Экономическая функция медиативной юридической практики // Законодательство и экономика. – 2011. – № 11. – С. 18–24.
16. *Карташов В. Н.* Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. Сб. науч. тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / отв. ред. проф. Г. Г. Бриль – Кострома. – 2007. – С. 19–27.
17. *Мельников Ю. И.* Формы координационного взаимодействия в праве: координационный семинар // Вестник научных трудов Ярославского филиала Московской финансово-юридической академии. Юриспруденция / под ред. Ю. И. Мельникова, А. А. Максурова, Г. В. Семеновой. – Ярославль. – 2003. – Вып. 1. – С. 15–18.
18. *Чернецов В. Ю.* Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации. Доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г. – Москва: РГГУ, 2007. – С. 89–94.
19. *Терехова А. В.* Административное усмотрение в расследовании несчастных случаев на производстве и административном расследовании по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда // Сибирское юридическое обозрение. – 2024, т. 21. – № 3. – С. 311–323.
20. *Поветкина Е. Л., Церковников М. А.* Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 2. – С. 78–101.

References

1. *Talanova M. V.* Legal design of coordination processes // Law and business: collection of articles of the 1st annual international scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of Professor V. S. Martemyanov / M. Yu. Abramkina, M. G. Abramov, A. A. Alpatov et al. Ed. by I. V. Ershova. – Moscow: Jurist, 2012. – Pp. 101–118.
2. *Talanova M. V.* Effectiveness of private law norms / Private law relations in the context of globalization. – Saarbrücken: Lambert academic publishing. – 2012. – Part 1. – Chapter 7. – Pp. 109–116.
3. *Maksurov A. A.* Protection of property rights in the European Court of Human Rights: theoretical foundations // Legislation and Economics. – 2012. – No. 9. – P. 41–45.
4. *Maksurov A. A.* Legal Marketing. Series: “Project Approach in Law”. – Part 1. Legal Advertising. – Moscow: EKONIS, 2018 – 644 p.
5. *Maksurov A. A.* Formation of Institutional Prerequisites for Combating Corruption in the Sphere of Procurement // Property Relations in the Russian Federation. – 2023. – No. 2. – P. 75–86.

6. *Baranov V. M., Kartashov V. N.* The Main Shortcomings of the Coordination Practice for Ensuring the Economic Security of the Russian Federation at the Present Stage // *Economic Security of Russia: Political Guidelines, Legislative Priorities, Practice of Ensuring*. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2006. – No. 6. – P. 11–15.
7. *Kartashov V. N.* Mechanism of coordination regulation // *Vestn. scientific. trk. Nizhnekamsk. branch of Moscow. humanitarian-economic. in-ta*. Issue 3. Part 8. Questions of theory and history of state. and law / Ed. P. A. Kabanov. – Nizhnekamsk, 2001. – Pp. 21–25.
8. *Makarov I. I.* Coordination in law. – Yaroslavl: Yaroslavl Branch of Moscow Financial and Law Academy, 2012. – 340 p.
9. *Bril G. G.* Little-studied general social functions of coordination legal practice // *Actual problems of theory and history of law and state at the present stage*. Coll. scientific. Tr. of the 5th Interuniversity. scientific-practical. conf. / Ed. prof. G. G. Bril. – Kostroma, 2007. – Pp. 121–125.
10. *Frolov S. E.* Principles of coordination activities // *Actual problems of jurisprudence: collection of scientific papers*. – Vladimir, 2002. – P. 59–64.
11. *Postnov A. S.* Control and supervision as factors of increasing the efficiency of coordination practice // *Russian law in the period of social reforms*. Proceedings of the conference of students, postgraduates, applicants and young legal scholars (Nizhny Novgorod, November 26–27, 2004). – Issue 6: Part 1. – 2005. – P. 64–67.
12. *Kivlenok T. V.* Legal act as an external form of coordination activities // *Actual problems of jurisprudence*. Collection of scientific papers. – Vladimir: VSPU, 2002. – Issue 3. – P. 54–58.
13. *Civil executive law*. Ed. Vlasova A. A. – Moscow: Exam, 2004. – 430 p.
14. *Kartashov V. N.* On the concept of coordination legal tactics // *Development of youth legal science in the modern world*. Coll. of scientific papers based on the materials of the VIII International scientific and practical Internet conference on May 15, 2011. – Tambov, 2011. – Pp. 50–55.
15. *Talanova M. V.* Economic function of mediation legal practice // *Legislation and Economics*. – 2011. – No. 11. – Pp. 18–24.
16. *Kartashov V. N.* Coordination legal practice of state bodies: a look at the problem of efficiency // *Actual problems of the theory and history of law and state at the present stage*. Coll. of scientific. Proc. of the V-th Interuniversity scientific and practical conf. / Ed. prof. G. G. Bril. – Kostroma, 2007. – P. 19–27.
17. *Melnikov Yu. I.* Forms of coordination interaction in law: Coordination seminar // *Bulletin of scientific works of the Yaroslavl branch of the Moscow Financial and Law Academy*. Jurisprudence / Ed. Yu. I. Melnikov, A. A. Maksurov, G. V. Semenova. – Yaroslavl, 2003. – Issue 1. – P. 15–18.
18. *Chernetsov V. Yu.* Psychological approach to the study of problems of coordination legal practice // *Legislation and law enforcement in the Russian Federation*. Reports and communications of the VII international scientific conference, Moscow, April 17, 2007. – Moscow: RSUH, 2007. – P. 89–94.
19. *Terekhova A. V.* Administrative discretion in the investigation of industrial accidents and administrative investigation of cases of violation of state regulatory requirements for labor protection // *Siberian Legal Review*. – 2024. – Vol. 21. – No. 3. – P. 311–323.
20. *Povetkina E. L., Tserkovnikov M. A.* Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of November 17, 2011 No. 73 “On certain issues of the practice of applying the rules of the Civil Code of the Russian Federation on the lease agreement” // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. – 2012. – No. 2. – P. 78–101.

Статья поступила в редакцию: 31.01.2025

Received: 31.01.2025

Статья поступила для публикации: 27.02.2025

Accepted: 27.02.2025

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Пишина Светлана Георгиевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: s.g.pishina@mail.ru,

¹Московский университет имени С. Ю. Витте, филиал в г. Нижнем Новгороде,
г. Нижний Новгород, Россия

Правовое регулирование права собственности и его интерпретация в судебной практике в настоящее время свидетельствуют о пересмотре института права собственности. При столкновении различных экономических интересов возникает проблема определения границ вещных прав в целом и права собственности в частности, что в свою очередь и определяет актуальность исследования. Проблемы определения прав собственника при изъятии земельных участков и в случае обращения взыскания на долю супруга в общем имуществе супругов нуждаются в пристальном внимании как со стороны ученых юристов, так и со стороны всего профессионального сообщества. С целью предотвращения ошибочной интерпретации неприкосновенности права собственности необходимо теоретическое обоснование приоритета интересов, значимость которых преобладает при определении объема имущественной сферы собственника. Следует ограничить изъятие садовых и огородных земельных участков, принадлежащих гражданам на праве собственности, и упростить процедуру возмещения стоимости земельного участка бывшему собственнику в случае его изъятия.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: неприкосновенность права собственности, супруги, толкование правовых норм, изъятие земельных участков, общее имущество супругов, конституция Российской Федерации, банкротство граждан, правовой режим имущества

FEATURES OF MODERN INTERPRETATION OF THE INVIOABILITY OF THE RIGHT OF OWNERSHIP

Pishina S. G.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: s.g.pishina@mail.ru,

¹Moscow Witte University, branch in Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The legal regulation of property rights and its interpretation in judicial practice currently indicate a revision of the institution of property law. When various economic interests collide, the problem of defining the boundaries of the right of ownership arises, and, thus, it determines the relevance of the study. The problems of determining the rights of the owner in the case of seizure of land plots and in the event of foreclosure on the share of the spouse in the common property of the spouses show a tendency to reduce its property sphere. In order to prevent erroneous interpretation of the inviolability of the right of ownership, it is necessary to provide a theoretical justification for the priority of more significant interests when determining the scope of the owner's property sphere. It is necessary to limit the seizure of garden and vegetable plots of land owned by citizens, and to simplify the procedure for reimbursing the cost of a land plot to the former owner in the event of its seizure.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: inviolability of property rights, spouses, interpretation of legal norms, seizure of land plots, common property of spouses, Constitution of the Russian Federation, bankruptcy of citizens, legal regime of property

Современная правовая реальность многолико и противоречиво откликается на потребности времени. Высокий темп разработки законодательства и принятия судебных актов, естественно, продиктован стремительно возникающими задачами актуализации норм под решение текущих задач современной жизни. Однако право должно выполнять функции качественного, продуманного регулятора общественных отношений, чтобы сохранить свою сущность.

Правовое регулирование права собственности и его интерпретация в судебной практике наглядно демонстрируют изменение понимания позиций юридической доктрины вещного права, провозгласивших величие права собственности и равную защиту всех его форм, в течение последних тридцати лет, казавшихся незыблемыми.

Неприкосновенность права собственности входит в число базовых принципов права и определяет характер конституционного строя. Современное развитие российского государства подчинено решению насущных задач и неизбежно затрагивает правоотношения собственности. В столкновении различных экономических интересов возникает вопрос о границах права собственности. Поэтому актуально и своевременно исследовать вопрос о правовом регулировании неприкосновенности права собственности и его интерпретации.

Неприкосновенность собственности, закреплённая в числе принципов гражданского права ст. 1 Гражданского кодекса РФ¹, в настоящее время приобретает своеобразное восприятие, в результате которого имущественная сфера собственника подвергается ограничению.

Современное развитие земельного законодательства наглядно воплощает названную тенденцию в законодательно предписанном обязывании собственника к соблюдению определенного режима использования земельного участка, в то время как он предназначен исключительно для его личных нужд.

В соответствии с пунктом 1 ст. 3 Федерального закона от 29.07.2017 № 217-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ), садовый земельный участок представляет собой земельный участок, предназначенный для отдыха граждан и (или) выращивания ими для собственных нужд сельскохозяйственных культур, включая право размещения садовых домов, жилых домов, хозяйственных построек и гаражей.

В силу пункта 4 ст. 3 Федерального закона от 29.07.2017 № 217-ФЗ, огородный земельный участок является земельным участком, предназначенным для отдыха граждан и (или) выращивания гражданами для собственных нужд сельскохозяйственных культур, включая право размещения хозяйственных построек, не являющихся объектами капитального строительства, в целях хранения инвентаря и урожая².

Таким образом, садовый и огородный земельные участки используются для личных нужд граждан.

Однако с 1 марта 2025 года ст. 23 Федерального закона от 29.07.2017 № 217-ФЗ дополнена частью 5, распространяющей на садовые и огородные земельные участки действие нормы пункта 4 ст. 85.1 Земельного кодекса РФ, которая предписывает правообладателю земельного участка из состава земель населенных пунктов обязанность использовать земельный участок с момента, предусмотренного законом. В силу данной нормы, признаки неиспользования таких земельных участков будут устанавливаться Правительством Российской Федерации³.

В силу ст. 54.1 Земельного кодекса РФ, земельный участок может быть изъят на основании его неиспользования⁴. Таким образом, данные законодательные новеллы распространяют действие порядка изъятия земельных участков и на садовые и огородные земельные участки граждан!

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482692&dst=0&edition=etD&rnd=BzmlkWUxM0R3u5oC#8BplkWU6vBv8sbjA1> (дата обращения: 4.11.2024).

² Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 31.07.2017. – № 31 (Ч. I). – Ст. 4766.

³ Ст. 2 Федерального закона от 08.08.2024 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 23 Федерального закона «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 12.08.2024. – № 33 (Ч. II). – Ст. 5003.

⁴ «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=471068&dst=0&edition=etD&rnd=wrWGUWUeQHdg9RjJ1#iybGUWUeydTM7I9L1> (дата обращения: 4.11.2024).

Следует отметить, что действие норм об изъятии земельных участков направлено и на охрану полезных качеств земель, позволяющих использовать их по назначению, и на оптимизацию освоения земли как ресурса экономики. Так, необходимость сохранения полезных свойств земельных участков категории земель сельскохозяйственного назначения обусловлена требованием обеспечить неизменность характеристик непотребляемых недвижимых вещей как объектов гражданского оборота. Вместе с тем, земельные участки рассматриваемой категории предназначены для укрепления продовольственной безопасности нашей страны.

Указанная существенная особенность земельных участков сельскохозяйственного назначения побудила принять законодательно закрепленные меры по их изъятию, направленные на сохранность такого рода вещей. Очевидно, значение сохранения их свойств, востребованных в гражданском обороте, преобладает даже над задачей защиты права собственника на господство в своей имущественной сфере. Причиной этого является защита интересов общества, прав и законных интересов и безопасности других лиц, в целях защиты которых допускается ограничение прав и свобод человека и гражданина, предусмотренное частью 3 ст. 55 Конституции РФ.

Таким образом, законодательное установление права изъятия земельного участка сельскохозяйственного назначения у собственника обусловлено необходимостью защиты интересов общества и государства.

Садовые и огородные земельные участки несут совершенно иную функцию – удовлетворение личных потребностей их обладателей – граждан. Граждан, использующих такие земельные участки для своих нужд, никто не вправе принудить к такому использованию, так как такое принуждение противоречит их назначению. Распространение действия норм Земельного кодекса РФ об изъятии неиспользуемых земельных участков на принадлежащие гражданам садовые и огородные участки вступит в противоречие с нормами ст. 3 Федерального закона от 29.07.2017 № 217-ФЗ и приведёт к неоправданному сокращению имущественной сферы собственников. Таким образом, права указанных собственников будут нарушены.

Кроме того, учитывая предусмотренное пунктом 1 ст. 54.1 Земельного кодекса РФ отчуждение земельного участка путем его продажи с публичных торгов, невозможно прогнозировать и гарантировать, что исход торгов действительно защитит права тех лиц, на защиту которых направлены нормы об изъятии земельных участков. Возможно, торги не состоятся, участок не пополнит имущественную сферу нового «достойного» частного собственника, а при его переходе в публичную собственность также возникнут трудности. В таком случае теряется смысл изъятия земельного участка, и соответственно, таковое перестает служить защитной мерой. В результате может оказаться, что нарушение имущественной сферы собственника смысла не имело.

К. О. Марциновская также обоснованно указывает, что проблема нарушения прав собственника выявляется и при изъятии земельного участка из категории земель сельскохозяйственного назначения на основании его ненадлежащего использования [1, с. 49].

Актуальность оценки последствий умаления имущественной сферы собственника земельного участка проанализировали А. А. Маркелова, А. В. Карачун, предложившие в целях защиты прав собственника применить последующий судебный контроль [2].

Проблемы интерпретации права собственника возникают и в случае обращения взыскания на долю супруга в общем имуществе супругов.

В силу закона, при обращении взыскания кредитора на имущество супруга право другого супруга в общей совместной собственности супругов должно быть защищено. Согласно пункту 3 ст. 256 Гражданского кодекса РФ, в этом случае объектом взыскания охватывается только имущество, находящееся в собственности супруга, и его доля в общем имуществе супругов, причитающаяся ему при разделе их общего имущества⁵. Следовательно, доля другого супруга в совместно нажитом имуществе защищена от претензий кредитора.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ea5040fbf76c8302cbe67cedcb9675bfa0c1a42/ (дата обращения: 4.11.2024).

Однако в настоящее время в судебной практике режим совместной собственности распространяется на обязательственные правоотношения супругов, при котором супруг, вступая в долговое обязательство в течение периода брачных отношений, совершает такую же сделку, как и все сделки по распоряжению общим имуществом супругов. Соответственно, сделка, порождающая долговое обязательство, совершается при одобрении другого супруга. В результате другой супруг становится содолжником, предоставляя и свою долю для обращения взыскания кредитора. По этой причине объём имущественной сферы другого супруга сокращается.

На этой основе в судебной практике возник приоритет права залогового кредитора перед правом участника общей совместной собственности супругов.

Согласно Постановлению Арбитражного суда Московского округа от 22.07.2024 № Ф05-23119/2023 по делу № А41-71149/2020 (далее – Постановление), Колбая И. Т. и Колбая А. А. с 28.11.2009 по 09.02.2020 находились в зарегистрированном браке. Решением суда от 30.04.2021 Колбая И. Т. признан банкротом; введена реализация имущества гражданина.

Арбитражный суд Московской области определением от 25.02.2022 признал общими обязательствами супругов обязательства Колбая И. Т. перед Банком «Зенит» (ПАО), обеспеченные залогом имущества Колбая И. Т.; заключен договор купли-продажи залогового имущества. Суды отказали супруге должника в получении супружеской доли из денежных средств от продажи предмета залога.

Поддержав позицию нижестоящих судов, окружной суд в Постановлении подчеркнул, что в названном случае действует общий критерий распределения средств при реализации предмета залога, находящегося в общей совместной собственности супругов. По мнению суда, супруга банкрота не вправе ранее кредитора-залогодержателя претендовать на получение денежных средств в рамках своей доли, так как является созалогодателем.

Указанный вывод суда соответствует правовой позиции, установленной Определениями Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2018 № 305-ЭС18-15086(1,2), № 304-ЭС18-13615⁶.

Пересмотр границ неприкосновенности конституционно гарантированного права в рамках судебного акта стоит считать опрометчивым шагом в развитии юридической практики. Подобная свобода усмотрения способна поставить под сомнение авторитет судебных актов. Уместно вспомнить мудрые слова профессора Московского государственного университета, основоположника русского гражданского права, по образному выражению Ю. В. Готье, «вдохновителя и руководителя русской государственной политики в течение всего царствования Александра III» [3, с. 451] Константина Петровича Победоносцева о том, что суд «не имеет власти сообщать права гражданские или отнимать их», «не может ни создать, ни уничтожить прав» [4, с. 492].

Попытки своевременно и адекватно отвечать на острые правовые практические вопросы, к которым относится полное удовлетворение прав кредиторов должника, признанного банкротом, вполне объяснимы. Однако недостаточно обоснованы с точки зрения предпочтения законных прав одного участника гражданского оборота – кредитора – перед другим – собственником. И кредитор, и собственник являются носителями частного интереса в праве, и частный интерес одного не имеет преимущества перед аналогичным интересом другого. В. В. Витрянский ранее отмечал риск ущемления имущественных прав супруга и, следовательно, нарушение основ правового регулирования общей собственности при обращении взыскания на долю другого супруга в общем имуществе [5].

Названные правовые явления свидетельствуют о том, что в случае систематического толкования норм, регулирующих права собственника, и иных норм, регулирующих спорное правоотношение, предпочтение отдаётся последним, обосновывающим изъятие имущества из имущественной сферы собственника. Абсолютность права собственности⁷ уже не выглядит вполне абсолютной.

Вместе с тем, в базовом учебнике гражданского права, вышедшем в 2012 году, Н. Н. Аверченко выразил надежду на то, что воссозданное почтительное отношение к собственнику в будущем станет ха-

⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.07.2024 № Ф05-23119/2023 по делу № А41-71149/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=528540#casGSVUa4K4hPrk01> (дата обращения: 24.11.2024).

⁷ Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. – Москва, 2012. – С. 610.

ракторной политической, юридической и культурной особенностью «нашего общества»⁸. Величие института права собственности снискало у исследователей восторженную эмоциональную оценку. По мнению Д. В. Дождева, идея ограничений несовместима с сущностью собственности [6]. По словам А. А. Леоновой, без характеристики неограниченного господства смысл права собственности утрачивается [7].

Наметившееся противоречие между цивилистической доктриной и правовой реальностью не имеет позитивной перспективы. Хорошо известно, к чему привело нашу страну революционное правосознание в начале прошлого века. В условиях современного пересмотра экономических и общественно-политических установок необходимо вновь вспомнить о неизбежности разработки и установления базовой доктринальной основы отечественного гражданского права и одного из основных его разделов – права собственности.

Согласно части 3 ст. 55 Конституции РФ, ограничение прав возможно только при необходимости защиты основ конституционного строя, охраняемых законом интересов, обороны и безопасности государства. Необходимость защиты общественно значимых интересов как один из принципов права вполне обосновывает ограничение имущественной сферы собственника. Следовательно, иные ограничения его имущественной сферы нуждаются в аналогичном правовом основании. Необходимо сформулировать правовые принципы, которыми оправдано ограничение права собственности.

О. О. Небратенко обоснованно подчеркивает ведущую роль Конституционного Суда РФ в установлении целесообразности ограничений права собственности в пределах конституционных ориентиров [8]. Ведь именно правовая позиция высшего органа отечественной судебной системы могла бы обозначить сбалансированное, в духе времени, соответствующее актуальным общественным запросам, представление об основополагающем вопросе гражданского оборота. Тем более что границы права собственности обществом традиционно на протяжении времени воспринимаются как личные границы, и легко переходят из правовых категорий в категории политические, что несёт угрозу государственности.

Актуально для нашего правопонимания, словно предвидя, К. П. Победоносцев в уже упомянутом труде так озаглавил параграф: «Необходимость ясного сознания о материальных границах владения, соответствующего праву» [4, с. 789].

Поистине, в настоящее время нам необходимо ясное понимание сущности права собственности, его границ и неприкосновенности.

Классиками намечен и способ достижения поставленной цели.

По утверждению К. И. Скловского, в целях более успешного решения проблем права собственности необходимо больше думать и сомневаться [9, с. 158].

Таким образом, с целью исключения ошибочной интерпретации неприкосновенности права собственности необходимо осуществить теоретическую разработку понятия интересов, значимость которых преобладает по сравнению с правом собственности при определении приоритета защищаемых прав.

Предметом больших сомнений станет оценка значения и выбор предпочтения конкурирующих ценностей при определении защищаемого интереса. Однако даже в стремлении актуально соответствовать решению насущных вопросов правоприменения, необходимо соблюдать неприкосновенность неизменно значимых правовых ценностей, обеспечивающих стойкость системы права. Поэтому неизбежно потребуются критерии оценки значимости преимущественно охраняемого законом правового интереса, его места и роли в правоотношениях. Памятуя о том, что стабильность существования системы права – это гарантия устойчивости государства, необходимо со всей серьёзностью продумать вопрос о границах имущественной сферы собственника в настоящий период. Не следует допускать неосновательно ограничительное толкование норм, устанавливающих объем сферы действия имущественных прав собственника.

В направлении усовершенствования законодательства следует ограничить изъятие садовых и огородных земельных участков, принадлежащих гражданам на праве собственности, а также упростить процедуру возмещения стоимости земельного участка бывшему собственнику в случае его изъятия. В современном определении границ имущественной сферы супругов в общей совместной собственности

⁸ Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. – Москва, 2012. – С. 607.

крайне желательна правовая позиция Конституционного суда РФ, в истолковании которой актуальные практические интересы и интересы собственника будут идеально уравновешены.

Только системный подход к проблеме неприкосновенности права собственности позволит избежать опасных противоречий в юридической практике и, как следствие, правовой неопределенности.

Список литературы

1. Марциновская К. О. Особенности изъятия земель сельскохозяйственного назначения в случае ненадлежащего использования земли // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. – Серия 2: Юридические науки. – 2024. – №1(41). – С. 49.
2. Маркелова А. А., Карачун А. В. Регуляторные изъятия (regulatory takings) в России и за рубежом // Закон. – 2021. – № 11. – С. 169–182; № 12. – С. 156–171.
3. Готье Ю. В. «К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович» (1865–1881) // К. П. Победоносцев: pro et contra. – Санкт-Петербург, 1996. – С. 451.
4. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. – Москва, 2002.
5. Витрянский В. В. Банкротство граждан, не являющихся ИП // Хозяйство и право. – 2015. – № 4. – С. 23.
6. Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Человек и его время: Жизнь и работа Августа Рубанова / сост. и отв. ред. О. А. Хазова. – Москва, 2006. – С. 251–286.
7. Леонова А. А. Эластичность как характеристика права собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 12. – С. 54–83.
8. Небратенко О. О. Ограничение права собственности в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. – 2021. – № 12. – С. 51–55.
9. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. – Москва, 2002.
10. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве: учебн.-практ. пособие. – 3-е изд. – Москва, 2002. – С. 158.

References

1. Marcinovskaya K. O. Osobennosti izъyatiya zemel' sel'skohozyajstvennogo naznacheniya v sluchae nenadlezhashchego ispol'zovaniya zemli // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. – Seriya 2: Yuridicheskie nauki. – 2024. – №1(41). – S. 49.
2. Markelova A. A., Karachun A. V. Regulyatornye izъyatiya (regulatory takings) v Rossii i za rubezhom // Zakon. – 2021. – № 11. – S. 169–182; № 12. – S. 156–171.
3. Got'e Yu. V. «K. P. Pobedonoscev i naslednik Aleksandr Aleksandrovich» (1865–1881) // K. P. Pobedonoscev: pro et contra. – Sankt-Peterburg, 1996. – S. 451.
4. Pobedonoscev K. P. Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast': Votchinnye prava. – Moskva, 2002.
5. Vitryanskij V. V. Bankrotstvo grazhdan, ne yavlyayushchihsya IP // Hozyajstvo i pravo. – 2015. – № 4. – S. 23.
6. Dozhdev D. V. Mezhdunarodnaya model' trasta i unitarnaya koncepciya prava sobstvennosti // Chelovek i ego vremya: Zhizn' i rabota Avgusta Rubanova / sost. i отв. red. O. A. Hazova. – Moskva, 2006. – S. 251–286.
7. Leonova A. A. Elastichnost' kak harakteristika prava sobstvennosti // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. – 2022. – № 12. – S. 54–83.
8. Nebratenko O. O. Ogranichenie prava sobstvennosti v interpretacii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Rossijskij sud'ya. – 2021. – № 12. – S. 51–55.
9. Pobedonoscev K. P. Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast': Votchinnye prava. – Moskva, 2002.
10. Sklovskij K. I. Sobstvennost' v grazhdanskom prave: uchebn.-prakt. posobie. – 3-e izd. – Moskva, 2002. – S. 158.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2024

Received: 15.12.2024

Статья поступила для публикации: 28.02.2025

Accepted: 28.02.2025

ОЦЕНКА ЗАКЛЮЧЕНИЙ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ: ОБЗОР НАРУШЕНИЙ

Махтюк Святослав Олегович¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: makhtyuk@gmail.com,

¹Московский университет имени С. Ю. Витте, г. Москва, Россия

Представленная статья посвящена вопросам расследования ятрогенных преступлений (преступлений, обусловленных врачебными ошибками при оказании медицинской помощи). Актуальность заявленной темы продиктована острой социальной чувствительностью к медицинским нарушениям, важностью объекта посягательства (жизнь и здоровье человека), а также сохраняющимися сложностями в доказывании по уголовным делам данной категории.

Новизной подхода автора к рассмотрению проблемы является предложение не теоретических рекомендаций, «как надо» расследовать уголовные дела анализируемой категории, а проведение анализа допустимых нарушений, на основании которого сформулированы конкретные прикладные правила, «как НЕ надо» проводить расследование. Подробно рассмотрен аспект, связанный с проведением комиссионных судебно-медицинских экспертиз качества оказанной медицинской помощи. Определены типичные нарушения следователей при оценке полученных заключений экспертов. Выявлено, что данным доказательствам не всегда обоснованно отдается приоритетное значение. Проанализирована судебная практика вынесения судами оправдательных приговоров в отношении медицинских работников в связи с неполнотой или неверной оценкой экспертных заключений. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Настоящая работа может быть использована как в следственно-судебной практике расследования и рассмотрения уголовных дел о ятрогенных преступлениях, так и для разработки дальнейших теоретических положений по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, комиссионные судебно-медицинские экспертизы, медицинские нарушения, расследование врачебных ошибок, доказывание, оценка доказательств, оценка экспертных заключений, нарушения в расследовании

EVALUATION OF THE CONCLUSIONS OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATIONS IN CRIMINAL CASES OF IATROGENIC CRIMES: OVERVIEW OF VIOLATIONS

Makhtyuk S.O.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: makhtyuk@gmail.com,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The presented article is devoted to the investigation of iatrogenic crimes (crimes caused by medical errors in the provision of medical care). The relevance of the stated topic is dictated by acute social sensitivity to medical violations, the importance of the object of encroachment (human life and health), as well as the continuing difficulties in proving criminal cases in this category.

The novelty of the author's approach to the problem is not the proposal of theoretical recommendations, "how to investigate" criminal cases of the analyzed category, but the analysis of violations, on the basis of which specific application rules are formulated, "how NOT to" conduct an investigation. The aspect related to conducting commission forensic medical examinations of the quality of medical care provided is considered in detail. Typi-

cal violations of investigators in evaluating expert opinions have been identified. It has been revealed that these evidences are not always reasonably given priority. The judicial practice of the courts passing acquittals against medical workers in connection with the incompleteness or incorrect assessment of expert opinions is analyzed. Typical violations of investigators in assessing the expert opinions received have been identified. It has been revealed that these evidences are not always reasonably given priority. The article analyzes the judicial practice of courts passing acquittals against medical workers due to incomplete or incorrect assessment of expert opinions. This work can be used both in the investigative and judicial practice of investigation and consideration of criminal cases of iatrogenic crimes, and for the development of further theoretical provisions on the issue under study. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: iatrogenic crimes, commission forensic medical examinations, medical violations, investigation of medical errors, evidence, evaluation of evidence, evaluation of expert opinions, violations in the investigation

Расследование ятрогенных преступлений давно является предметом научных изысканий и возникающих в связи с этим дискуссий. Складывающуюся следственно-судебную практику не во всем можно признать оптимальной. Уголовные дела о врачебных ошибках часто сопровождаются повышенным резонансом, спорами специалистов о медицинских аспектах, жалобами и заявлениями заинтересованных лиц. Не лишены проводимые расследования и организационных вопросов. Как отмечается, частота возбуждения уголовных дел «приобретает вид кривой, неуклонно растущей вверх» [1]. При этом экспертные учреждения не всегда способны удовлетворить возросший за последние годы «спрос» на комиссионные и комплексные экспертизы качества оказания медицинской помощи, что приводит к увеличению сроков следствия и судебного разбирательства. Кроме того, как справедливо отмечают исследователи, расследование ятрогенных преступлений представляет особую сложность для следователя, поскольку последний не обладает специальными медицинскими знаниями [2].

Активность представителей научного сообщества полностью имеющиеся проблемы также не решает. Диссертации, монографические исследования и отдельные публикации формулируют «как надо» расследовать ятрогенные преступления, но, однако, не уберегают правоприменителей от ошибок.

Не ставя перед собой целью предоставить в рамках одной статьи исчерпывающие рекомендации по данному вопросу, предлагаем анализ примеров того, «как НЕ надо» проводить расследование уголовных дел о ненадлежащем оказании медицинской помощи. Поскольку эта проблематика является многогранной, в данной работе мы сосредоточились на ошибках при назначении и проведении судебно-медицинских экспертиз по делам рассматриваемой категории. Полагаем, что описание и обобщение конкретных нарушений поможет коллегам избежать их в своей процессуальной деятельности.

Актуальная регламентация назначения судебно-медицинских экспертиз по делам о нарушениях врачей

В силу установленных правил подследственности на фронтире расследования анализируемой категории преступлений и формирования соответствующей практики находится Следственный комитет Российской Федерации (СК РФ). При этом, как отмечалось в официальном Письме СК России (от 26.06.2019 № 224-8-19), «вопреки отдельным мнениям Следственный комитет является активным защитником добросовестных членов медицинского сообщества, выполняющих свой профессиональный долг. Предложения Следственного комитета, адресованные руководству страны, в частности, учтены при ужесточении административной ответственности за воспрепятствование проезду машин скорой медицинской помощи, приняты во внимание иные концептуальные направления по совершенствованию защиты работников здравоохранения. Последовательно поддерживалась инициатива об усилении уголовной ответственности за посягательство на их жизнь и здоровье».

Возрастающая активность граждан по обращению в Следственный комитет в связи с неоказанием или ненадлежащим оказанием медицинской помощи, как полагаем, обусловлена отсутствием иных эффективных механизмов защиты нарушенных прав».

В данном контексте особую значимость приобретает ведомственная регламентация назначения и проведения профильных экспертиз по уголовным делам. Постоянная актуализация нормативных актов в этой части прямо указывает на то внимание, которое уделяется этой категории уголовных дел. Можно утверждать, что поиск оптимальной модели расследования ведется постоянно. И это не случайно: проведенный коллегами опрос следователей СК России показал, что сложность медицинской документации, необходимость специальных познаний и проблемы с судебными экспертизами являются основными причинами длительного (зачастую превышающего сроки давности) расследования уголовных дел данной категории [3].

Среди прочего, действующие нормативные акты предписывают (в настоящей работе не представляется возможным дать ссылку на конкретный ведомственный нормативный документ ввиду его отнесения к категории «Для служебного пользования»):

I. Ставить перед экспертами конкретные минимально необходимые вопросы: 1) какова причина смерти; 2) причинен ли вред здоровью пациента, какой степени тяжести; 3) имеются ли дефекты оказания медицинской помощи, какие конкретно и кем допущены; 4) имеется ли прямая причинно-следственная связь между выявленным(и) дефектом(ами) и наступлением смерти/причинением вреда здоровью пациента (по отношению к каждому выявленному(ым) дефекту(ам) оказания медицинской помощи).

Повторим: данный список вопросов не является исчерпывающим и должен быть дополнен в зависимости от конкретной фабулы уголовного дела. В то же время следователям необходимо предупреждать злоупотребления правом со стороны заинтересованных лиц при постановке ими дополнительных вопросов эксперту (п. 4 ч. 1 ст. 198 УПК РФ). Проблема «переизбытка вопросов» отмечается в научной литературе [4] и сильно осложняет расследование.

II. Предоставлять своевременно и в полном объеме экспертной организации/эксперту постановления, необходимые материалы проверок и уголовных дел по данной категории преступлений, а также объекты исследования (гистологический архив, биологический по согласованию с экспертом) для производства СМЭ. В этой части следует помнить, что выемка медицинских документов, содержащих сведения, являющиеся врачебной тайной, производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ (Постановление Пленума ВС РФ от 09.12.2008 № 26 «О дополнении Постановления Пленума ВС РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм УПК РФ», Постановление Пленума ВС РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)»). Однако органами предварительного расследования данные требования периодически игнорируются, что порождает трудности во взаимодействии с медицинскими учреждениями и затягивание сроков расследования [5].

III. Незамедлительно разрешать ходатайства экспертов (иных участников уголовного судопроизводства) о предоставлении дополнительных материалов и объектов исследования.

Типичные недостатки в организации расследования ятрогенных преступлений

Практика осуществления процессуального контроля (в исследовании, помимо прочего, использован метод включенного наблюдения: автор более 10 лет проходит службу в СК России, в настоящее время – сотрудник подразделения процессуального контроля в центральном аппарате ведомства – *Примеч. авт.*), а также анализ судебных решений показывают, что следователями допускается ряд системных нарушений при расследовании анализируемых уголовных дел:

- расследование полностью делегируется экспертному учреждению;
- на экспертов возлагается бремя доказывания по уголовному делу;
- заключениям СМЭ придается «сакральное» значение, отсутствует их критическая оценка и осмысление;
- выводы экспертов не оцениваются в совокупности с иными доказательствами по уголовным делам, следователи не выстраивают единую систему доказательств;

– при назначении комиссионной СМЭ следователи перестают выполнять следственные действия, избегают допросов специалистов-клиницистов, не привлекают к участию в расследовании представителей медицинской науки для разъяснения значимых вопросов и порядка проведения медицинских манипуляций;

– игнорируются доводы стороны защиты и их материалы;

– не проводится разграничение между деонтологическими претензиями потерпевших и реальными дефектами в оказании медицинской помощи.

Перечисленные, а также иные недостатки в организации следственной работы приводят к оправдательным приговорам, случаям реабилитации фигурантов расследования, что едва ли может считаться проявлением качественного расследования.

Ниже представлено несколько выводов, которые можно сделать по результатам анализа оправдательных приговоров по ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Судебно-медицинская экспертиза может быть опровергнута совокупностью других доказательств по делу

Органами предварительного расследования Д. обвинялся по ч. 2 ст. 109 УК РФ, а именно в том, что оставил инородный предмет (марлевый шарик) после операции в теле пациента, создав угрожающее для жизни потерпевшего состояние – острую дыхательную недостаточность, что квалифицируется как тяжкий вред здоровью.

Заключение СМЭ и пояснения экспертов не привели суд первой инстанции к убеждению о виновности Д. в содеянном. Судом проанализированы с учетом и в совокупности с показаниями экспертов выводы СМЭ относительно исследовательской части и выводов о механизме попадания марлевого шарика в организм потерпевшего.

Оснований ставить под сомнение правильность выводов суда первой инстанции в этой части у кассации не возникло.

Кроме того, в обоснование критической оценки судом выводов СМЭ, а также позиции стороны государственного обвинения по представленным доказательствам, судом оценены и показания свидетелей врачей-патологоанатомов относительно фактического обнаружения инородного тела (марлевого шарика) на границе гортани и трахеи, выше места операции, смещенного вправо от срединной линии, а не слева как указано в протоколе патолого-анатомического вскрытия трупа, который принимался на исследование экспертов при проведении ими судебно-медицинской экспертизы.

По результатам рассмотрения оправдательный приговор оставлен в силе (Кассационное постановление Восьмого КСОЮ от 27.08.2024 по делу № 77-3129/2024).

Мнение специалиста может способствовать опровержению выводов СМЭ

Ф. обвинялся в том, что, являясь заведующим акушерским отделением – врачом акушером-гинекологом, находясь на дежурстве, без показаний, выставленного диагноза и коррекции плана родов, принял решение о проведении роженице Р. операции амниотомия, не провел непрерывную КТГ во время стимуляции родов препаратом «Окситоцин» роженице Р., что не позволило диагностировать внутриутробную гипоксию плода, в результате путем вакуум-экстракции плода родился Э. в состоянии острой гипоксии плода, острой асфиксии, который спустя 3 часа скончался.

Судом проанализированы и оценены заключение СМЭ по исследованию трупа Э. и установлению причины его смерти, а также заключение комиссионной СМЭ, проведенной в бюро СМЭ Республики Татарстан и подтвердившее непроведение непрерывной КТГ (кардиотокография) во время стимуляции родов окситоцином, что рассматривается комиссией экспертов как ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей врачом акушер-гинекологом, состоящее в прямой причинно-следственной связи с неблагоприятным исходом.

Вместе с тем, суд пришел к обоснованному выводу, что проведение подобного анализа доказательства выходит за рамки возможностей данного состава комиссии экспертов, так как требуют юридической квалификации действий врача акушер-гинеколога, выходящей за пределы специальных познаний членов экспертной комиссии.

Согласно заключению повторной комиссионной СМЭ непосредственной причиной смерти потерпевшего явилось прогрессирование поражения головного мозга тяжелой степени, полиорганной недостаточности, развившиеся вследствие внутриутробной гипоксии плода в результате однократного тугого обвития пуповиной шеи плода.

При оказании медицинской помощи роженице установлены недостатки, однако связь между ними и рождением Э. в состоянии тяжелой асфиксии носит не прямой (опосредованный) характер. Непосредственной причиной тяжелой асфиксии у Э. является тугое обвитие пуповины вокруг шеи плода, которое относится к непредотвратимым причинам асфиксии.

Кроме того, в приговоре приведена оценка показаний специалиста Ф. (доцента кафедры акушерства и гинекологии КГМУ), согласно которым проведение непрерывного КТГ-исследования не гарантировало бы благоприятного исхода родов. Данная оценка судом кассационной инстанции признана верной.

В результате суд пришел к обоснованному выводу, что допущенные подсудимым недостатки при оказании медицинской помощи при отсутствии надлежащего вывода экспертов о безусловном развитии благоприятного исхода при исключении выявленных недостатков и о наличии прямой причинно-следственной связи между этими недостатками и смертью Э., недостаточно для вывода о совершении врачом преступления, последний оправдан (Постановление Шестого КСОЮ от 11.08.2023 № 77-3225/2023).

Следственным органам необходимо подкреплять заключение СМЭ иными доказательствами во избежание инициативного назначения судом повторной экспертизы

Апелляционным приговором суда Ф. оправдан по ч. 2 ст. 109 УК РФ в связи с отсутствием в его деянии состава преступления.

Согласно представленным в кассацию материалам уголовного дела, судом апелляционной инстанции было назначено проведение повторной СМЭ, поскольку представленное стороной обвинения заключение комиссионной комплексной СМЭ вызывало сомнение в обоснованности выводов комиссии экспертов, которые суду не представилось возможным преодолеть в судебном заседании путем допроса экспертов.

По результатам проведения повторной СМЭ недостатки оказания медицинской помощи не установлены.

Учитывая изложенные обстоятельства, а также то, что первоначальная экспертиза противоречит совокупности исследованных судом доказательств, судом апелляционной инстанции верно не принята во внимание первичная экспертиза.

Суд апелляционной инстанции, оценив заключение повторной СМЭ в совокупности с представленными сторонами доказательствами, обоснованно пришел к выводу о том, что имеющиеся доказательства как в отдельности, так и в своей совокупности, не дают суду оснований для безусловного вывода о виновности врача в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. В итоге, оправдательный приговор оставлен в силе (Постановление Четвертого КСОЮ от 24.03.2022 № 77-1232/2022).

Нарушения в оформлении заключения экспертов подлежат оценке

Так, отменяя оправдательный приговор по ч. 2 ст. 109 УК РФ, суд кассационной инстанции отметил, что «обосновывая свои выводы, в том числе ссылкой на заключение *комиссионной* СМЭ, суд первой инстанции не принял во внимание, что выводы экспертов изложены от лица *одного* эксперта, подписаны ей же, а иными экспертами не подписаны».

Отмеченные нарушения (наряду с иными недостатками) не были оценены судом апелляционной инстанции надлежащим образом, в связи с чем состоявшиеся по делу судебные решения нельзя признать законными, обоснованными и справедливыми (Кассационное определение Седьмого КСОЮ от 28.06.2022 № 77-3075/2022).

Здесь же следует упомянуть о проблеме недостаточной обоснованности экспертных выводов при комиссионном характере экспертизы, который «размывает ответственность каждого члена комиссии в отдельности» [6]. Полагаем, что субъекту оценки такого доказательства необходимо обращать на это пристальное внимание.

Выводы

Из представленных следственно-судебных ситуаций важно сделать один простой, но крайне важный вывод: врачебные преступления необходимо расследовать. Всегда следует помнить, что заключение СМЭ является лишь одним из доказательств по уголовному делу (пусть даже «сложно оспариваемым» [7]), а потому отдавать ему безусловный приоритет и игнорировать остальные аспекты всестороннего доказывания – нельзя.

При этом, полагаем, что недопущение приведенных в настоящем исследовании нарушений и упреждение негативных последствий не находится в зависимости от формулировки законодательных конструкций. Исключение брака в работе следствия не всегда (а в данном случае совершенно точно) не может быть обеспечено только путем реформирования закона. Как справедливо отмечает Председатель Конституционного Суда РФ Зорькин В. Д., рассуждая о соотношении права и правоприменения, «подобный упрощенный подход неадекватен сложности проблемы», а ее решение находится в области «тонкой правовой настройки, требующей взаимосогласованных усилий правотворческих и правоприменительных органов» [8].

Список литературы

1. *Малышева Ю. Ю.* «Неотложные аспекты» ятрогенных преступлений // Судья. – 2020. – № 2. – С. 23–27.
2. *Казакова А. В.* Некоторые особенности расследования ятрогенных преступлений // Администратор суда. – 2024. – № 1. – С. 25–29.
3. *Идрисов Н. Т.* Нужны ли специальные уголовно-правовые запреты на врачебные преступления? // Медицинское право. – 2020. – № 3. – С. 20–25.
4. *Божченко А. П.* Профессиональные правонарушения медицинских работников: проблемы и тенденции в вопросах назначения, производства и оценки судебно-медицинских экспертиз // Медицинское право. – 2022. – № 4. – С. 3–7; 2023. – № 1. – С. 6–10.
5. *Подрублина И. А., Ерошенко А. Ю.* Некоторые актуальные вопросы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания с областными и муниципальными органами управления здравоохранения и медицинскими организациями Ростовской области // Российский следователь. – 2019. – № 12. – С. 67–71.
6. *Божченко А. П.* Категоричные выводы и их обоснованность в заключениях судебно-медицинских экспертиз по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников // Медицинское право. – 2020. – № 3. – С. 14–20.
7. *Вилкова Т. Ю., Максимова Т. Ю., Ничипоренко А. А.* Обеспечение доступа к правосудию потерпевшим по делам о ятрогенных преступлениях // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 9. – С. 119–130.
8. *Зорькин В. Д.* Десять лекций о праве: монография / В. Д. Зорькин. – Москва: Норма, 2021. – С. 38.

References

1. *Malysheva Yu. Yu.* «Urgent aspects» of iatrogenic crimes // Judge. – 2020. – No. 2. – Pp. 23–27.
2. *Kazakova A. V.* Some features of the investigation of iatrogenic crimes // Court Administrator. – 2024. – No. 1. – Pp. 25–29.

3. *Idrisov N. T.* Is there a need for special criminal law prohibitions on medical crimes? // *Medical law.* – 2020. – No. 3. – Pp. 20–25.
4. *Bozhchenko A. P.* Professional offenses of medical workers: problems and trends in the appointment, production and evaluation of forensic medical examinations // *Medical law.* – 2022. – No. 4. – Pp. 3–7; 2023. – No. 1. – Pp. 6–10.
5. *Podubilina I. A., Eroshenko A. Yu.* Some topical issues of interaction between the bodies of preliminary investigation and inquiry with regional and municipal health authorities and medical organizations of the Rostov region // *A Russian investigator.* – 2019. – No. 12. – Pp. 67–71.
6. *Bozhchenko A. P.* Categorical conclusions and their validity in the conclusions of forensic medical examinations in cases of professional offenses of medical workers // *Medical law.* – 2020. – No. 3. – Pp. 14–20.
7. *Vilkova T. Yu., Maksimova T. Yu., Nichiporenko A. A.* Ensuring access to justice for victims in cases of iatrogenic crimes // *Actual problems of Russian law.* – 2023. – No. 9. – Pp. 119–130.
8. *Zorkin V. D.* Ten lectures on law: monograph / V. D. Zorkin. – Moscow: Norma, 2021. – P. 38.

Статья поступила в редакцию: 08.10.2024

Received: 08.10.2024

Статья поступила для публикации: 19.01.2025

Accepted: 19.01.2025

«ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ» СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВОМ НА АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ ПРИГОВОРА

Соловьева Наталья Алексеевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: solovieva_na@volsu.ru,

Фантров Павел Петрович¹,

канд. полит. наук,
e-mail: pavelfantrov@volsu.ru,

¹Институт права Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия

Данная статья посвящена исследованию проблемы злоупотребления правом на апелляционное обжалование приговора со стороны защитников и обвиняемых. Несмотря на то, что данное конституционное право призвано защищать законные интересы сторон, оно часто используется в качестве инструмента для решения частных вопросов, что не только противоречит основным целям уголовного судопроизводства, указанным в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), но и нарушает права и законные интересы других участников уголовного процесса. Основное препятствие на пути борьбы с подобными злоупотреблениями является формальное соответствие содержания апелляционных жалоб нормам УПК РФ. Действия недобросовестных апеллянтов влекут за собой ряд негативных последствий, к которым следует отнести увеличение нагрузки на апелляционные инстанции, нарушение принципа разумного срока уголовного судопроизводства, уклонение подсудимых от уголовной ответственности в результате истечения сроков давности. В статье приведены примеры из правоприменительной практики, противоречащие стремлению заявителей к справедливости, исправлению судебных ошибок или восстановлению своих нарушенных прав. Авторы статьи приходят к выводу о необходимости совершенствования ст. 389.6 УПК РФ, уточнив критерии допустимости рассмотрения апелляционных жалоб (представлений). По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: апелляционная жалоба, суд, защитник, обвиняемый, приговор, право, уголовное дело, злоупотребление правом

THE “ABUSE” BY THE DEFENSE PARTY OF THE RIGHT TO APPEAL THE VERDICT

Solovieva N. A.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: solovieva_na@volsu.ru,

Fantrov P. P.¹,

Candidate of Political Sciences,
e-mail: pavelfantrov@volsu.ru,

¹Institute of Law of Volgograd State University, Volgograd, Russia

This article is devoted to the study of the problem of abuse of the right to appeal the verdict by defense counsel and defendants. Despite the fact that this constitutional right is designed to protect the legitimate interests of the parties, it is often used as a tool to resolve private issues, which not only contradicts the main objectives of criminal proceedings, specified in Article 6 of the Criminal Procedural Code (hereinafter — CPC) of Russian Federation, but also violates the rights and legitimate interests of other participants in criminal proceedings. The main obstacle to combating such abuses is the formal compliance of the content of appeals with the norms of the CPC of Russian Federation. The actions of unscrupulous appellants entail a number of negative consequences,

which should include an increase in the workload of appellate bodies, violation of the principle of reasonable time of criminal proceedings, evasion of defendants from criminal responsibility as a result of the expiration of the statute of limitations. The article cites examples from law enforcement practice that contradict the applicants' desire for justice, correction of judicial errors or restoration of their violated rights. The authors of the article conclude that it is necessary to improve Article 389.6 of the CPC of Russian Federation by clarifying the criteria for admissibility of appellate complaints (submissions).

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: appeal, court, defender, accused, verdict, law, criminal case, abuse of law

Введение

Участники уголовного судопроизводства в Российской Федерации со стороны защиты реализуют право на обжалование приговора, постановленного судом первой инстанции, посредством подачи апелляционной жалобы через суд, вынесший данное судебное решение. К этому процессуальному документу предъявляются четкие и строгие требования, аналогично любым иным процессуальным актам.

И. Я. Фойницкий справедливо акцентировал внимание на важности понимания судьями апелляционной инстанции мотивов, побуждающих стороны оспаривать вынесенные решения. Невыполнение этого условия способно нарушить установленный порядок апелляционного рассмотрения уголовных дел [1, с. 515–516].

Н. Г. Муратова подчеркивает целесообразность строгого соответствия процессуальных документов, включая жалобы на судебные решения, определенным критериям. Это включает в себя соблюдение правил делопроизводства, надлежащее оформление, а также присутствие тщательного правового анализа поднятых в жалобе вопросов [2, с. 162].

П. А. Лупинская предложила нормативно расширить требования к содержанию апелляционных жалоб, вводя дополнительные критерии, такие как всесторонность, полнота, четкость изложения и целесообразность [3, с. 158]. Эти требования могут содействовать улучшению качества жалоб, обеспечивая более детальный анализ аргументации и ясное представление позиций субъектов обжалования.

Таким образом, отечественные исследователи в области уголовно-процессуального права подчеркивают, что апелляционные жалобы должны представлять собой строго структурированные и обоснованные процессуальные документы, а не лишь субъективное выражение несогласия с решением суда первой инстанции. Они вполне обоснованно акцентируют внимание на необходимости предоставления субъектами апелляционного обжалования со стороны защиты четкой аргументации и конкретных доказательств, подтверждающих правомочность позиции заявителя, что, в свою очередь, содействует более объективному анализу дел и укрепляет доверие к судебной системе в общественном сознании.

Основная часть

В настоящее время в российской системе апелляционного судопроизводства проблема фильтрации апелляционных жалоб, которые не содержат обоснованных фактов нарушения закона, остается нерешенной, что оказывает дополнительную нагрузку на данную систему. Среди апелляционных жалоб преобладают обращения осужденных, выполненные по единому стандарту. Эти документы, соблюдая положения пп. 1–3, 5–6 ч. 1 ст. 389.6 УПК РФ, часто просто повторяют текст ст. 389.15 УПК РФ, не включая конкретных доводов или аргументации. Осужденные полагают, что формальное соблюдение норм процессуального законодательства достаточно для инициирования апелляционного пересмотра приговора, постановленным судом первой инстанции. Однако указание на нарушение требований ст. 389.15 УПК РФ без раскрытия конкретного содержания нарушений или доказательной базы не может считаться обоснованным.

Формулирование претензии о «несоответствии выводов суда фактическим обстоятельствам дела» оказывается недостаточным без конкретизации детализированных аргументов. Важно предоста-

вить подробное разъяснение, указывающее на конкретные расхождения с реальными данными, а также на элементы приговора, не соответствующие действительности. Необходимо уточнить, в каких моментах были допущены ошибки судом, включая вопросы, относящиеся к виновности осужденного, оценке доказательств, квалификации преступного деяния и расчету размера ущерба. Жалобы, подобного рода, зачастую имеют формализованный характер, избивают устоявшимися стереотипами и клише, а также чаще всего составляются по единому шаблону, который использовался различными осужденными. В этих «трафаретных» жалобах изменения касаются лишь биографических данных автора жалобы и реквизитов суда, включая дату вынесения приговора, что создает ощущение соблюдения рутинного подхода к процессу составления апелляционной жалобы.

В ситуациях, когда участники апелляционного обжалования ограничиваются лишь формальным выполнением требований ст. 389.6 УПК РФ и не представляют четко сформулированные аргументы, относящиеся к конкретному уголовному делу, такие жалобы не могут считаться достаточным основанием для инициирования апелляционного производства по уголовному делу. Содержание подобных обращений зачастую указывает на недостаток добросовестности со стороны субъекта, осуществляющего апелляционное обжалование, и вступает в диссонанс с задачами, поставленными перед апелляционным производством.

Исследование материалов судебной практики демонстрирует, что подача апелляционных жалоб на вынесенные приговоры судов первой инстанции зачастую не является результатом искреннего желания заявителя восстановить справедливость, устранить судебные ошибки или защитить свои нарушенные права и законные интересы. Чаще всего подобного рода действия могут быть вызваны личными мотивациями, которые могут противоречить фундаментальному принципу судебного разбирательства – осуществлению правосудия. Например, некоторые лица могут стремиться к искусственному затягиванию сроков рассмотрения уголовных дел. В случаях, когда инициатором выступает защитник, это может быть связано с необходимостью оправдать свой гонорар или создать видимость активной защиты клиента в рамках производства по уголовному делу.

Истинные причины подачи апелляционных жалоб стороной защиты часто заключаются не только в формальных юридических доводах, но и в различных субъективных факторах, которые порой могут быть определяющими. Одной из наиболее распространенных мотиваций, побуждающих осужденных в следственных изоляторах подавать такие формальные жалобы на приговоры судов первой инстанции, является стремление избежать перевода в исправительные учреждения на более ранних стадиях. Данное стремление, в свою очередь, обусловлено желанием продлить пребывание в условиях следственного изолятора, которое они считают более комфортным или менее строгим. Апелляционное обжалование представляется для них способом продлить это состояние, поэтому его механизмы используются даже в тех случаях, когда аргументация инициирования пересмотра приговора, не вступившего в законную силу, не подкреплена достаточно убедительными доказательствами. Такие действия приводят к автоматической пролонгации меры пресечения, что позволяет осужденным оставаться в следственном изоляторе до момента принятия решения апелляционной инстанцией, которое в дальнейшем вступит в законную силу. Таким образом, использование процедуры апелляционного обжалования приговора становится не только правовым шагом, но и стратегией, направленной на обеспечение более благоприятных условий содержания обвиняемых.

Еще одним важным основанием для подачи апелляционной жалобы стороной защиты является тот факт, что до вступления приговора суда в законную силу, обвиняемые, находящиеся в следственных изоляторах, обладают правом на встречи с близкими родственниками, что установлено ст. 395 УПК РФ. После вступления приговора в законную силу частота таких встреч регулируется нормами Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, что зачастую приводит к их ограничению. Стоит отметить, что удаленное расположение многих исправительных учреждений создает дополнительные трудности для организации визитов родственников, а подача апелляционной жалобы на приговор предоставляет отсрочку от этапирования в отдаленную местность от следственного изолятора.

Изменения, внесенные законодателем в ст. 72 Уголовного кодекса Российской Федерации, могут служить значимым аргументом в поддержку подачи апелляционной жалобы со стороны защиты, оспаривающей приговор суда первой инстанции. Осужденные лица, находящиеся под стражей или отбывающие домашний арест, имеют дополнительный мотив для затягивания судебного разбирательства с

помощью механизма апелляционного обжалования. Следует отметить, что время пребывания обвиняемого лица под данными мерами пресечения засчитывается в общий срок лишения свободы, что может способствовать их более раннему освобождению, если сроки рассмотрения дела в суде затянутся. В связи с этим указанный аспект становится важным элементом стратегии защиты в уголовном процессе.

В нынешних правовых реалиях особое внимание следует уделять критериям, касающимся как структуры, так и содержания апелляционных жалоб [4, с. 145]. Эти критерии действуют как своего рода фильтр, который, хотя и не всегда в современных условиях демонстрирует высокую эффективность, тем не менее, способствует снижению числа обращений в апелляционные суды. Такого рода ограничения имеют существенное значение для поддержания качества судебных разбирательств и предотвращения избыточного потока нецелесообразных жалоб, способных осложнить работу судебной системы. Часто такие обращения подаются под влиянием эмоций и характеризуются использованием непарламентских и жаргонных выражений. В ст. 389.6 УПК РФ нормативно закреплены обязательные структурные компоненты апелляционных жалоб. В эти компоненты входят как формальные составляющие, так и более содержательные элементы. Формальные аспекты включают наименование суда, рассматривающего обжалуемое решение, личные данные заявителя, его подписи и информацию о приговоре. Содержательные элементы, в свою очередь, предполагают, что заявитель должен предоставить обоснованные аргументы, которые соответствуют установленным основаниям для изменения или отмены приговора суда первой инстанции, детализированным в ст. 389.15 УПК РФ. Указанные требования нацелены на структуризацию и рационализацию подачи жалоб, что способствует направлению эмоциональных побуждений в русло конструктивного правового обсуждения [5, с. 148].

Большинство апелляционных судов в современной России фокусируется на детальном анализе доводов, представленных как стороной обвинения, так и защитой. Это включает в себя не только внимательное изучение материалов уголовного дела, но и, при необходимости, рассмотрение новых доказательств, которые ранее не были представлены суду первой инстанции.

Апелляционные жалобы, которые не содержат четких указаний на ошибки или правовые нарушения, допущенные судами первой инстанции, значительно усложняют работу апелляционной инстанции. Отсутствие конкретных доказательств с точными ссылками на тома и страницы дела дополнительно затрудняет производство по уголовному делу. Данный юридический факт ограничивает ее возможность эффективно выполнять свои функции и принимать обоснованные решения. Поэтому субъектам апелляционного обжалования со стороны защиты крайне важно обосновывать свои претензии с максимальной точностью и детализацией.

Совершенно обоснованным представляется подробная регламентация содержания кассационных жалоб, отраженная в ст. 401.4 УПК РФ. На наш взгляд, законодателю следует прописать подробные требования к содержанию апелляционных жалоб (представлений). Это позволит апелляционным судам не принимать в производства жалобы, не содержащие конкретных обоснованных требований, что в свою очередь уменьшит нагрузку на судебную систему, вследствие чего повысится эффективность работы судов второй инстанции.

Имплементация принципов, изложенных в главе 47.1 УПК РФ, станет важной основой для формирования аналогичных требований к апелляционным жалобам, устанавливая высокий стандарт, к которому следует стремиться. Отсюда следует, что для объективной оценки обоснованности аргументов сторон в апелляционной инстанции крайне необходимо, чтобы эти доводы были комплексно представлены в жалобах с обязательными ссылками на конкретные обстоятельства уголовного дела, подтверждающие данные аргументы. Это обеспечит более качественное и взвешенное рассмотрение поданных жалоб.

Полагаем, разработка и внедрение стандартизированного формуляра для составления апелляционных жалоб может существенно способствовать унификации требований ко всем судам в России в отношении содержания таких обращений. Это позволит четко определить ключевые разделы и положения, которые помогут сторонам в процессе апелляционного обжалования, а также упростят задачу апелляционной инстанции при проверке представленных стороной защиты доводов. В результате внедрения данной новеллы можно ожидать рациональной оптимизации процедуры апелляционного судопроизводства. Это, в свою очередь, будет способствовать повышению общей эффективности судебной системы.

Осужденный и его защитник зачастую исходят из предположения, что подача жалобы, вне зависимости от ее содержания, инициирует процесс апелляционной проверки. В соответствии с положениями статьи 389.19 УПК РФ, это дает возможность для всесторонней оценки обжалованного приговора. Согласно положениям ст. 389.24 УПК РФ, осужденному обеспечивается защита от ухудшения его правового положения, если не будет подано апелляционное представление прокурором или апелляционной жалобы потерпевшим. В результате недопустимости поворота к худшему возможны лишь два исхода: либо приговор остается без изменений, либо он подлежит отмене / смягчению.

В рамках апелляционного производства, осуществляемого преимущественно судами субъектов Российской Федерации или апелляционными судами общей юрисдикции, иногда судебные инстанции самостоятельно выявляют основания для пересмотра ранее вынесенных приговоров, которые не были упомянуты в заявленных жалобах [6, с. 112]. Данное обстоятельство подтверждает, что любой осужденный имеет возможность подать апелляцию «на всякий случай», основываясь на имеющихся аргументах, с уверенностью в том, что его положение не ухудшится, поскольку в современном апелляционном производстве при определенных условиях действует правило «недопустимость поворота к худшему». Такой подход обеспечивает окно возможностей для пересмотра приговора, постановленным судом первой инстанции, и может способствовать более справедливому разрешению его обстоятельств.

Вышеназванный феномен приводит к устойчивому увеличению числа апелляционных жалоб, подаваемых в судебные инстанции, причем значительная их часть изначально обладает низкими перспективами удовлетворения в вышестоящих судах. Однако осознание низкого уровня сопутствующих рисков побуждает людей прибегать к этому процессу все чаще, считая его почти безвредным способом попытаться удачу.

Ю. А. Ляхов справедливо указывает на то, что в некоторых случаях инициирование апелляционного производства может быть нецелесообразным, обусловленным отсутствием даже минимально необходимых оснований для его осуществления. По мнению исследователя, «...стороны нередко злоупотребляют своими процессуальными правами, подавая апелляционные жалобы и представления без достаточной необходимости, что закономерно ведет к значительному увеличению количества дел и материалов в вышестоящих судебных инстанциях без наличия на то серьезных аргументов» [7, с. 24].

Точка зрения, приведенная Ю. А. Ляховым, наглядно демонстрирует злоупотребление правом на обжалование судебных решений, вступая в явное противоречие с основополагающими принципами справедливости и являясь проявлением сутяжничества. Это создает конфликтные ситуации, как для суда первой инстанции, так и для всех участников уголовного процесса. В результате суду второй инстанции зачастую приходится рассматривать вопросы, выходящие за рамки его основных полномочий.

При подаче апелляционных жалоб стороне защиты крайне важно делать акцент на конкретных фактических обстоятельствах, которые, по их мнению, привели к серьезным нарушениям прав обвиняемого и негативно отразились на законности и справедливости вынесенного приговора, не вступившего в законную силу [8, с. 92].

В рамках уголовно-процессуального права США суды обладают полномочиями отклонять доводы, которые могут быть квалифицированы как «несущественные». Этот процессуальный механизм обеспечивает концентрацию на наиболее значимых аспектах судебного разбирательства, что, в свою очередь, способствует повышению эффективности судебного процесса. В результате наблюдается улучшение качества принимаемых решений, поскольку судьи рационально тратят свое время, что является критически важным для надлежащего функционирования судебной системы и минимизации неоправданных издержек.

УПК РФ не содержит норм, предоставляющих судам апелляционной инстанции право отклонять доводы, которые квалифицируются как «несерьезные». Тем самым российская правовая система предполагает более внимательное рассмотрение всех представленных аргументов, независимо от их значимости. Однако апелляционные суды вынуждены рассматривать обширное количество доводов, не обладающих значимостью для пересмотра итогового судебного решения.

Российская апелляционная система, в сравнении с зарубежными аналогами, отличается большей либеральностью и отсутствием жестких законодательных ограничений на обжалование. Однако такая открытость параллельно влечет за собой повышенные ресурсные затраты. Суды первой и апелляци-

онной инстанции сталкиваются с весомыми организационными и финансовыми расходами, а также тратят значительное количество времени на рассмотрение апелляционных жалоб и представлений. Эти затраты ресурсов могут оказывать негативное влияние на общую эффективность функционирования судебной системы. Каждое делопроизводство связано не только с юридическими процедурами, но и требует нахождения эффективных решений в условиях ограниченных временных и финансовых возможностей.

Заключение

В действующем российском уголовно-процессуальном законодательстве наблюдается выраженный дефицит эффективных инструментов, способствующих фильтрации явно необоснованных апелляционных жалоб. Такие обращения зачастую используются как средство для задержки исполнения судебных решений, что предоставляет определенные преимущества осужденным. Защитники, порой преследуя личные интересы, ограничиваются исключительно формальными действиями, не осуществляя углубленного анализа приговоров и материалов уголовного дела. Этот подход не соответствует требованиям надлежащей защиты прав участников уголовного процесса и создает иллюзию активности при отсутствии реальной работы по защите интересов клиентов.

Отечественное уголовно-процессуальное законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании, особенно в области определения критериев допустимости апелляционных жалоб, как это предусмотрено ст. 389.6 УПК РФ. Существенным является то, чтобы содержание таких жалоб строго соответствовало заранее установленным стандартам, что обеспечит обоснованное начало процедуры апелляционного производства. Кроме того, необходимо судам осуществлять тщательную проверку апелляционных жалоб не только на соответствие формальным требованиям, но и на уровень их правовой обоснованности.

Список литературы

1. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. – Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1910. – 642 с.
2. *Муратова Н. Г.* Правореализационная модель процессуальных актов адвоката в уголовном судопроизводстве: монография. – Казань: Изд-во Казанского государственного технического университета, 2010. – 196 с.
3. *Лупинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. – Москва: Юрист, 2006. – 362 с.
4. *Соловьева Н. А., Тришина Н. Т.* Виды решений суда апелляционной инстанции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – № 1(16). – С. 143–147.
5. *Азарова Е. С.* Внутреннее убеждение как моральный критерий для реализации усмотрения суда // Государственная служба и кадры. – 2022. – № 2. – С. 147–150.
6. *Азарова Е. С.* Реализация судебного усмотрения в стадии подготовки дела к судебному заседанию // Закон и право. – 2022. – № 6. – С. 110–113.
7. *Ляхов Ю. А.* Введение апелляции в уголовном судопроизводстве России – усиление гарантий правосудия // Российская юстиция. – 2011. – № 10. – С. 23–25.
8. *Азарова Е. С.* Специфика правоприменительного усмотрения // Философия права. – 2024. – № 3(110). – С. 90–94.

References

1. *Fojnickij I. Ya.* Kurs ugolovnogogo sudoproizvodstva. – Sankt-Peterburg: Tip. M. Stasyulevicha, 1910. – 642 s.
2. *Muratova N. G.* Pravorealizacionnaya model' processual'nyh aktov advokata v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2010. – 196 s.
3. *Lupinskaya P. A.* Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo i praktika. – Moskva: Yurist, 2006. – 362 s.

4. *Solov'eva N. A., Trishina N. T.* Vidy reshenij suda apellyacionnoj instancii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudenciya. – 2012. – № 1(16). – S. 143–147.
5. *Azarova E. S.* Vnutrennee ubezhdenie kak moral'nyj kriterij dlya realizacii usmotreniya suda // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2022. – № 2. – S. 147–150.
6. *Azarova E. S.* Realizaciya sudebnogo usmotreniya v stadii podgotovki dela k sudebnomu zasedaniyu // Zakon i pravo. – 2022. – № 6. – S. 110–113.
7. *Lyahov Yu. A.* Vvedenie apellyacii v ugovnom sudoproizvodstve Rossii – usilenie garantij pravosudiya // Rossijskaya yusticiya. – 2011. – № 10. – S. 23–25.
8. *Azarova E. S.* Specifika pravoprimeritel'nogo usmotreniya // Filosofiya prava. – 2024. – № 3(110). – S. 90–94.

Статья поступила в редакцию: 11.11.2024
Статья поступила для публикации: 09.03.2025

Received: 11.11.2024
Accepted: 09.03.2025

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И РОССИИ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВА

Аминов Илья Исакович^{1,2},
докт. юрид. наук, доцент,
e-mail: aminovii@mail.ru,

Дедюхин Константин Георгиевич³,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: dedyuhinkg@yandex.ru,

¹Московский политехнический университет, г. Москва, Россия,

²Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

³Ижевский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия

Цель исследования состоит в правовом анализе процессов и основных форм сотрудничества Китайской Народной Республики и Российской Федерации в сфере здравоохранения и подготовки медицинских кадров, выявлении существующих в данной области проблем и разработке предложений по их решению. Обосновано, что в условиях глобальных экзистенциальных вызовов современному человечеству необходимо обновление глобального права, адекватного характеру и масштабу угроз. Обобщена информация о текущем состоянии сотрудничества Китая и России в области медицинского образования и профессиональной подготовки врачей. На основе сравнительно-правового анализа нормативно-правового обеспечения медицинского образования в Китае и России в настоящий период, выявлены условия и факторы, определяющие необходимость совершенствования профессиональной подготовки медицинских работников в этих странах. Рассмотрены возможные пути для усиления участия Китайской Народной Республики и Российской Федерации в глобальном управлении здравоохранением и подготовкой высококвалифицированных медицинских кадров. Высказывается мнение о целесообразности создания в перспективе глобальной синхронизированной системы медицинского образования, обоснованного глобальной нормативной системой.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: глобальное право, глобальное медицинское образование, сотрудничество, здравоохранение, международное регулирование, международное право, ШОС, основы охраны здоровья граждан

COOPERATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA IN THE FIELD OF MEDICAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF UPDATING GLOBAL LAW

Aminov I. I.^{1,2},
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: aminovii@mail.ru,

Dedyukhin K. G.³,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: dedyuhinkg@yandex.ru,

¹Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia,

²Moscow Witte University, Moscow, Russia,

³Izhevsk Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, Izhevsk, Russia

The purpose of the study is to provide a legal analysis of the processes and main forms of cooperation between the People's Republic of China and the Russian Federation in the field of healthcare and medical personnel training,

identify existing problems in this area and develop proposals for their solution. It is proved that in the context of global existential challenges to modern humanity, it is necessary to update global law, adequate to the nature and scale of threats. The information on the current state of cooperation between China and Russia in the field of medical education and professional training of doctors is summarized. A comparative review of the national legislation of the two countries and the scientific literature on the designated research topic has been conducted. It was noted that the PRC and the Russian Federation face similar problems and strive for the same goals in the field of healthcare and training of medical workers, and also have common needs for both bilateral cooperation and expanded interaction with member countries of regional and international governmental and professional communities.

Based on a comparative legal analysis of the regulatory framework for medical education in China and Russia at the present time, the conditions and factors determining the need to improve the professional training of medical professionals in these countries have been identified. Possible ways to strengthen the participation of the People's Republic of China and the Russian Federation in global health management and the training of highly qualified medical personnel are considered. At the same time, it was noted that such problems as the lack of a clear position on the issues of medical education standards, insufficient legal support for medical activities and professional training, as well as contradictory reasoning of innovations prevent the forming of unified approaches to synchronization and management of training of highly qualified personnel in the process of implementation of grand national projects for the development of health care in the PRC and the Russian Federation in the period up to 2030. The opinion is expressed on the need to develop intergovernmental cooperation between China and Russia in the field of health care training, to expand the space of cooperation through the mechanisms of "SCO" and "BRICS plus" with the global involvement of countries with similar interests and goals, legal means, to strengthen the unified image of effective global interaction and partnership in the field of medical education and health care in general. The opinion is expressed about the expediency of creating a global synchronized system of medical education in the future, justified by the global normative system.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: global law, global medical education, cooperation, healthcare, international regulation, international law, SCO, fundamentals of public health protection

Введение

Актуальность сравнительно-правового исследования сотрудничества Китая и России в сфере медицинского образования обусловлена экзистенциальной значимостью темы здравоохранения для современной человеческой цивилизации, подвергнутой таким угрозам, как возможность возникновения пандемий, в том числе искусственного происхождения, изменение спектра хронических заболеваний, опасность распространения новых патогенных организмов в связи с масштабной миграцией и интенсивностью взаимодействия людей из разных стран, грядущая эра стареющего общества, вероятность применения в вооруженных конфликтах высокотехнологичного оружия массового поражения, включая химическое, биологическое, гиперзвуковое и другое, способного вызвать масштабные потери и разрушения вплоть до необратимых изменений природной среды и планетарного равновесия [1]. В силу этих и иных причин неизбежно встает вопрос о соответствующем профессиональном образовании квалифицированных медицинских работников, способных не только наращивать технологический суверенитет своих стран в области здравоохранения, но и готовых противостоять глобальным, общечеловеческим вызовам.

Кроме того, актуальность темы исследования усиливается необходимостью рассмотреть особенности, проблемы и тенденции развития медицинского образования в Китае и России в современных условиях многополярной глобализации, характеризующейся развитием полицентричной системы международных отношений, формированием регионов планетарного значения и многополярного мира в целом. Это находит отражение в наращивании мощности новых «центров силы», а также региональных центров принятия стратегических решений таких, как Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Саудовская Аравия, Индия, Бразилия, Турция и другие, заинтересованных в создании равной модели международного взаимодействия и отсутствии политической гегемонии [2].

Материалы и методы исследования

Основу исследования сотрудничества Китая и России в сфере современного медицинского образования, составил диалектический метод научного познания, позволяющий проанализировать процессы формирования многополярного мира и выявить необходимость обновления глобальной нормативной системы с учетом особенностей развития различных форм международного взаимодействия государств. Использовался эмпирический анализ, связанный с изучением нормативных правовых актов, применяемых в рамках юрисдикции КНР и РФ, а также анализ международных договоров, нормативных актов международных организаций и интеграционных объединений. Применялся контент-анализ мировых индексов здравоохранения (Индекс здравоохранения-2025 (Numbeo); Индекс здравоохранения-2024 (GEOWORLD); Мировой рейтинг медицинских университетов-2025 (ELSEVIER)). В процессе исследования применялись другие общенаучные и специальные методы исследования: аналогии, обобщения, компаративистики (сравнительно-правовой, историко-правовой, лингвоправовой и другие).

Обсуждение

Сфера здравоохранения, как и другие области жизнедеятельности человеческого социума, протекает в правовом поле, обозначенном в каждом государстве национальной правовой системой. Вместе с тем, общие для всех государств задачи, в том числе здоровьесбережения людей и сохранения жизни на Земле, призвана решать глобальная нормативная система, осуществляемая посредством международного права. Однако в современных условиях эскалации деструктивных глобальных процессов, очевидны тенденции к тому, что международное право, которое было призвано регламентировать отношения однополярной направленности, уже не может в должной мере обеспечивать стабильное и устойчивое развитие человеческой цивилизации, а существующие международные интеграционные структуры в их актуальном состоянии уже не в силах удовлетворять интересам государств и оперативно реагировать на стремительно меняющиеся геополитические, геоэкономические и цивилизационные реалии.

О наличии кризисных явлений в международных структурах здравоохранения свидетельствует, например, выход в январе 2025 г. из Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) ее основного донора – Соединенных Штатов Америки (США). Одной из причин этому стало то, что ВОЗ, как специализированное агентство Организации Объединенных Наций (ООН), возглавляющее направление глобального здравоохранения, оказалась, по мнению американской стороны, неспособной в пандемию COVID-19 принимать своевременные и целесообразные решения, а в настоящее время демонстрирует политизированность, бюрократию и нерешительность в проведении необходимых реформ¹. В феврале 2025 г. в силу глубоких разногласий относительно политики в сфере здравоохранения из ВОЗ ушла и Аргентина².

Что касается международного регулирования сферы образования, то и здесь также имеют место факторы и явления, не учитывающие взаимные интересы стран-участниц международных образовательных процессов. Примером тому служит отказ Российской Федерации в июне 2022 г. от Болонской образовательной системы³, оказавшейся малоэффективной в российских реалиях и не оправдавшей ожидания России о гармоничной и равноправной интеграции в мировое вестернизированное образовательное пространство.

В настоящее время международное право продолжает пользоваться западными государствами, в основном, для защиты, демонстрации и продвижения сугубо своих интересов, что включает в себя развитие их многонациональных компаний, разбросанных по всему миру, для насаждения западных ценностей и проведения протекционистских мер против террористических атак противников и их по-

¹ Так решил Трамп. Первые указы и поручения нового президента США. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7444530?ysclid=m78wcbt9lw926853712> (дата обращения: 18.02.2025).

² Аргентина выйдет из ВОЗ вслед за США // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7479937> (дата обращения: 18.02.2025).

³ Болонская система – установлена серией соглашений между странами, ключевым из которых является Болонская декларация европейских министров образования от 19 июня 1999 года.

литики [3]. Государства западного цивилизационного типа целенаправленно, осознанно и прагматично управляют эволюцией глобального права исключительно в своих интересах, имея в виду преимущественное политическое господство западной (англосаксонской) цивилизации и закрепление монополярного правопорядка [4].

В то же время в связи с распределением сфер влияния центров полицентричной системы меняется направление правового регулирования международных отношений в сторону формирования глобального права, имеющего своей целью не упразднение или замену международного права, а усиление его значимости в противовес «праву сильного» (то есть «кулачного права»)⁴ с его двойными стандартами, наличием некой «высшей демократии» и отсутствием моральных ограничительных императивов.

Глобальное право, развивающееся в направлении многополярного мира, регулирует отношения между государствами, региональными межгосударственными объединениями и неправительственными организациями в различных сферах на принципах равноправия, взаимоуважения, взаимопомощи, постановки общих целей и задач и разработки путей их достижения. В международных отношениях, построенных на принципах нового глобального права, нет старших и младших, лидеров и аутсайдеров, юридически сильных и слабых государств-партнеров. Приверженность концепции многополярности находит свое отражение в национальных доктринах и стратегиях внешней политики отдельных государств, в том числе в сфере здравоохранения и медицинского образования, а также в участии этих стран в международных интеграционных объединениях, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)⁵ и БРИКС, государства-участники которых имеют схожую историю развития систем здравоохранения, сталкиваются с одинаковыми проблемами, имеют общие потребности в сотрудничестве, стремятся к одним и тем же целям в области медицинского обслуживания [5].

В рамках ШОС действует Университет ШОС (основан в 2008 г.)⁶, который занимается совместной подготовкой высококвалифицированных кадров, в том числе в области медицины. В 2010 г. в каждой стране-участнице ШОС были созданы самостоятельные структуры – Академии традиционной медицины (АТМ) с головным отделением в Москве. АТМ осуществляет комплексную подготовку специалистов международного уровня работы в сфере традиционной и народной медицины с требованиями Всемирной Организации Здравоохранения⁷. В марте 2024 года прошел Международный медицинский конгресс стран ШОС, по итогам которого принят План основных мер по развитию сотрудничества стран-членов ШОС в области здравоохранения до 2027 года, ключевым элементом которого стала инициатива Российской Федерации о создании медицинской ассоциации ШОС⁸, которая способна консолидировать врачебное сообщество и существенно повысить профессиональную подготовленность медицинских и фармацевтических кадров.

Особый интерес в отношении сотрудничества в сфере здравоохранения и медицинского образования представляет деятельность неправительственной организации «Коалиция Здоровья БРИКС»⁹, цели и задачи которой – сделать страны БРИКС плюс (БРИКС+)¹⁰ лидерами в области здоровья и долголетия, обеспечив населению высокий уровень здоровья и качества жизни с помощью лучших специалистов, средств и технологий. Под эгидой БРИКС в 2023 году был создан Университет Здоровья БРИКС – единственное международное медицинское образовательное сетевое учреждение на пространстве БРИКС, которое готовит специалистов III тысячелетия в ведущих вузах стран БРИКС и

⁴ Путин: Цель БРИКС – приподнять международное право над «кулачным» // RG.RU. – URL: <https://rg.ru/2024/10/24/putin-cel-briks-pripodniat-mezhdunarodnoe-pravo-nad-kulachnym.html?ysclid=m78trpughv954682317> (дата обращения: 17.02.2025).

⁵ Официальный сайт ШОС. – URL: <https://rus.sectsko.org/> (дата обращения: 24.02.2025).

⁶ Официальный сайт Университета ШОС. – URL: <http://uni-sco.ru/> (дата обращения: 24.02.2025).

⁷ Официальный сайт Академии традиционной медицины ШОС. – URL: <http://academy-dcp.ru/> (дата обращения: 24.02.2025).

⁸ Седьмое Совещание министров здравоохранения государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. – URL: <https://rus.sectsko.org/20240318/1297409.html?ysclid=m7iwxhq2d0980306631> (дата обращения: 24.02.2025).

⁹ Коалиция здоровья БРИКС – международная неправительственная организация, основанная на объединении общественных, некоммерческих и коммерческих организаций и экспертов стран-участниц БРИКС, БРИКС+, БРИКС++. – URL: https://www.союзздоровьездоровых.pf/competence_centers/health_coalition (дата обращения: 24.02.2025).

¹⁰ БРИКС – (англ. BRICS – Brazil, Russia, India, China, South Africa) – межгосударственное неформальное объединение стран с динамично развивающейся экономикой. С 1 января 2024 к блоку присоединились еще пять стран: ОАЭ, Иран, Эфиопия и Египет (БРИКС+).

БРИКС+, с присвоением профессионального статуса «Доктор БРИКС»¹¹. В настоящее время стимулируются инициативы по учреждению медицинской ассоциации стран БРИКС и созданию научного медицинского журнала БРИКС.

В научной литературе отмечается неразрывное двуединство международного и национального (внутригосударственного) права. Иными словами, национальное право объективно интернационализировано и требует международно-правового регулирования. В свою очередь, внутригосударственное правовое регулирование является необходимым фактором действия надгосударственных норм, принимаемых интеграционными межгосударственными объединениями [6]. Вместе с тем, специфика и своеобразие национального законодательства государств-участников интеграционных объединений может существенного затруднять правореализацию и правоприменение норм надгосударственного регулирования.

Сравнительный анализ систем медицинского образования КНР и РФ обнаруживает много общего, что объясняется общностью исторических судеб «Красного проекта» в России и в Китае [7]. Здесь следует упомянуть определяющую роль Советского Союза в формировании китайской национальной системы здравоохранения. СССР содействовал подготовке национальных медицинских кадров КНР, строительству больниц и медицинских образовательных заведений для подготовки китайских специалистов на территории КНР. В Китай были направлены советские врачи и преподаватели, печаталась передовая советская переведенная на китайский язык медицинская литература [8]. В 1954 году на Всекитайском совещании работников высшего медицинского образования по образцу мединституты СССР был принят единый учебный план для всех медицинских учебных заведений Китая [9].

В конце XX–начале XXI вв. и Российской Федерации, и КНР во многих вопросах функционирования систем здравоохранения и медицинского образования, пришлось идти по пути «догоняющей модернизации», реализуемой многочисленными реформами. Как итог, сейчас уже можно утверждать, что Китай в этом процессе получил значительные преимущества в сравнении с Россией. Так, согласно Индексу здравоохранения-2025 (Numbeo), оценивающему по 100-балльной шкале общее качество здравоохранительной системы по нескольким показателям, в том числе по компетентности медицинских работников (врачей, среднего и младшего медицинского персонала), Китай среди 97 проанализированных государств занял 32 место, а Россия – 56¹². По результатам проведения рейтинга за 2024 год среди 110 проанализированных государств Китай занял 46 место, а Россия – 42¹³.

Согласно данным Мирового рейтинга медицинских университетов (ELSEVIER) в сотню лучших медицинских университетов мира вошли 5 университетов Китая, при этом Университет Цинхуа занял 15 место, а Пекинский университет 25. Российские медицинские вузы в этот рейтинг не попали¹⁴.

Что касается действующего в настоящее время законодательства, регулирующего сферу здравоохранения и подготовку медицинских кадров, то и сейчас у наших стран много общего. В первую очередь, это касается принципиального государственного подхода к здравоохранению, так как по качеству здравоохранения люди судят о качестве государства, его способности создавать условия для оказания людям квалифицированной медицинской помощи. Охрана здоровья – это основа конституционного строя, а не одно из многих направлений государственной политики¹⁵.

В Конституциях обеих стран делается акцент на охране здоровья граждан, как приоритете государственной политики. Не касаясь напрямую правового статуса медицинских работников, Конституция Китайской Народной республики в статье 21 определяет, что государство, проявляя заботу о здоровье людей, берет на себя ответственность за развитие здравоохранения, современной медицины и

¹¹ Официальный сайт Международной медицинской ассоциации современной традиционной и интегративной медицины стран БРИКС «Университет Здоровья БРИКС». – URL: <https://brics-university.com/> (дата обращения: 20.02.2025).

¹² Health Care Index by Country 2025. – URL: https://www.numbeo.com/health-care/rankings_by_country.jsp (дата обращения: 24.02.2025).

¹³ GEOWORLD magazine – Latest – Special Reports – Countries With The Best Health Care Systems, 2024. – URL: <https://ceoworld.biz/2024/04/02/countries-with-the-best-health-care-systems-2024/> (дата обращения: 18.02.2024).

¹⁴ World University Rankings by Subject 2025: Medical and Health (ELSEVIER)-2025. – URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2025/subject-ranking/clinical-pre-clinical-health#!/length/100/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/scores (дата обращения: 18.02.2025).

¹⁵ Законопроект о запрете онлайн-обучения медиков принят в первом чтении// Парламентская газета 25.01.2025. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/zakonoproekt-o-zaprete-onlayn-obucheniya-medikov-prinyat-v-i-chtenii.html> (дата обращения: 20.02.2025).

традиционной китайской медицины, поддерживает различные лечебно-оздоровительные учреждения и массовые оздоровительные мероприятия¹⁶. Конституция Российской Федерации¹⁷ в статье 41, провозглашая право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, гарантирует принятие мер по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, финансирование федеральных программ охраны и укрепления здоровья населения, поощрение деятельности, способствующей здоровьесбережению людей, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию. Из этих конституционных установок логически следует важность повышения уровня и качества медицинского образования.

Кроме того, в Китае и России в настоящее время реализуются стратегические долгосрочные национальные проекты: всеобъемлющая программа «Здоровый Китай-2030»¹⁸ и национальный проект РФ «Продолжительная и активная жизнь» на период 2025–2030 годы.¹⁹, разработанные в соответствии с целями ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года [10]. Реализация этих проектов не только позволит значительно улучшить общественное здравоохранение, но и будет способствовать повышению роли Китая и России в глобальном управлении здравоохранением. Соответственно, для достижения поставленных целей потребуются существенное увеличение кадровой численности и качества профессиональной подготовки медицинских работников.

В последние годы в Китае был принят целый круг законов, определяющих статус медицинских работников, а также устанавливающих требования к их образованию. Это: «Закон Китайской Народной Республики о врачах» (далее – Закон о врачах)²⁰, «Закон КНР о традиционной китайской медицине»²¹ (далее – Закон о ТКМ), «Закон КНР о базовой медицинской помощи и укреплении здоровья»²² (далее – Закон о базовой медицинской помощи) и другие. Исходя из анализа положений медицинского законодательства можно сделать вывод, что основным признаком правосубъектности медицинского работника того или иного профессионального уровня, является наличие у него определенного образования, поэтому в этих законах подробно изложены четкие требования к образовательному уровню медицинского персонала.

В российском законодательстве есть только один законодательный нормативный правовой акт, регулирующий отношения, возникающие в сфере охраны здоровья, – «Закон об основах охраны здоровья граждан в РФ»²³, что, на наш взгляд, является серьезным упущением, требующим восполнения, так как подобная лаконичность законодателя может создавать определенные затруднения. Так, в ФЗ РФ «Об основах охраны здоровья» раскрывается понятие «медицинский работник»²⁴, но понятие «врач» не определено ни в этом законе, ни в других нормативных правовых актах. В то же время законодательство

¹⁶ Конституция Китайской Народной Республики – 中华人民共和国宪法. Принята пятой сессией Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 4 декабря 1982 года, обнародовано и введено в действие Объявлением Всекитайского собрания народных представителей от 4 декабря 1982 года. – URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 23.02.2025).

¹⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.02.2025).

¹⁸ Основные положения плана «Здоровый Китай-2030» – 中共中央 国务院印发《健康中国2030》规划纲要. Издано Центральным комитетом Коммунистической партии Китая 25.10.2016. – URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/chn175038.pdf> (дата обращения: 23.02.2025).

¹⁹ Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.02.2025).

²⁰ Закон Китайской Народной Республики о врачах (принят в 2021 г.) 中华人民共和国医师法 (Принят на тридцатом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва 20 августа 2021 года). – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-08/20/content_5632496.htm (дата обращения: 23.02.2025).

²¹ Закон Китайской Народной Республики о традиционной китайской медицине (от 25 декабря 2016 г.) 中华人民共和国中医药法. – URL: <http://www.nhc.gov.cn/fzs/s3576/201808/a6b71efcea4546bf89241252d0659eb6.shtml> (дата обращения: 17.02.2025).

²² Закон Китайской Народной Республики о базовой медицинской помощи и укреплении здоровья (от 29 декабря 2019 г.) 中华人民共和国基本医疗卫生与健康促进法. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-12/29/content_5464861.htm (дата обращения: 23.02.2025).

²³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.02.2025).

²⁴ См.: пункт 13 части 1 статьи 2 ФЗ РФ «Об основах охраны здоровья».

КНР содержит как обобщающее всех медицинских работников понятие «медицинский персонал»²⁵, так и, непосредственно, раскрывает понятие «врач»²⁶, что позволяет конкретно установить требования к уровню медицинского образования тех или иных категорий медицинских работников.

Также следует добавить, что в Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации»²⁷ в статье 82 раскрывает только отдельные организационные аспекты реализации профессиональных образовательных программ медицинского и фармацевтического образования, не устанавливая никаких требований к допуску к тем или иным медицинским профессиям. Этот пробел частично восполняется подзаконными нормативными правовыми актами, которые ввиду отсутствия общих законодательных установок также не лишены противоречий и нестыковок.

Развитие медицинского образования в КНР и РФ представляет собой процесс нескончаемых реформ. Особенно остро проблема стоит в России в настоящее время после выхода страны из Болонского соглашения. Несмотря на то, что Китай никогда не был участником Болонского процесса, это не мешало ему успешно развивать свое собственное образование, в том числе путем заимствования западных образовательных моделей, целесообразных в китайских реалиях [11]. Кроме того, Китай признает медицинское образование, полученное в других странах. В Китае в настоящее время существует несколько официальных моделей получения высшего медицинского образования [12], среди которых наиболее популярным является обучение по международной программе MBBS (Bachelor of Medicine, Bachelor of Surgery – Бакалавр медицины. Бакалавр хирургии) с присуждением степени бакалавра в области медицины и хирургии, признаваемой во всем мире. Программа MBBS дает базовое медицинское образование и специальность начинающего врача всего за 6 лет и включает в себя теоретическое изучение медицины в вузе в течение 5 лет и интернатуру в госпитале в течение 1 года²⁸. В целом ряде российских вузов также присуждается степень бакалавра медицины и хирургии (MBBS), которая имеет существенные отличия по структуре учебной программы, а также методам обучения. Но сейчас неясно, что будет с программами бакалавриата в России в связи с отказом от Болонской системы.

В поисках решения вопроса о повышении качества подготовки врачей, Государственный совет Китая 11 июля 2017 года обнародовал смелый план по реформе медицинского образования и развитию сотрудничества между медицинским образованием и практикой. Краеугольным камнем этого плана стала подготовка более квалифицированных медицинских работников для улучшения общественного здравоохранения на пути к здоровому Китаю 2030. Согласно этому плану, для подготовки медицинских специалистов в Китае будет введена система обучения «5+3», а ведущие медицинские вузы будут поощряться к набору большего числа студентов [13, 14].

В 2014 году по инициативе Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова и Харбинского медицинского университета была создана Российско-Китайская ассоциация медицинских университетов (РКАМУ). В соответствии с Совместным заявлением Российской Федерации и Китайской Народной Республики перед РКАМУ поставлена задача опережающего развития здравоохранения двух стран путем расширения взаимодействия по вопросам проведения научных исследований, поощрение прямых контактов и кооперации между профильными медицинскими организациями обоих государств²⁹. Планируется, что в рамках РКАМУ будет открыт Российско-Китайский центр двустороннего образования: речь идет не только об обмене студентами и преподавателями, но и о взаимном признании дипломов о медицинском образовании. О популярности Ассоциации свидетельствует тот факт, что с момента ее основания количество членов объединения увеличилось в пять раз – с 20 до 100 ведущих вузов двух стран. Если учесть, что в Китае медицинское образование предоставляют свыше 400 вузов (исключая военные институты) [15], а в России их 127, то становится очевидным, что РКАМУ есть, куда численно расширяться.

²⁵ См.: пункт 5 (е) статьи 107 Закона КНР о базовой медицинской помощи.

²⁶ См.: статья 2 Закона КНР о врачах.

²⁷ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об образовании в Российской Федерации». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.02.2025).

²⁸ Медицинское образование в Китае. – URL: <https://www.hotcourses.ru/study-in-china/subject-guides/medicinskoe-obrazovanie-v-kitae/?ysclid=m4ttid7g4fe659521673> (дата обращения: 24.02.2025).

²⁹ Официальный сайт российско-Китайской ассоциации медицинских университетов (РКАМУ). – URL: <https://asrmu.ru/?ysclid=m7jeydgdxl957724381> (дата обращения: 24.02.2025).

В процессах взаимодействия китайских и российских медицинских образовательных организаций требует обсуждения и синхронизации такой вопрос, как подведомственность и форма собственности медицинских вузов. В России и Китае они могут быть подведомственны как министерствам (департаментам) образования, так и министерствам (департаментам) здравоохранения. Так, в России менее половины вузов (49 из 127), обучающих медиков, подведомственны Минздраву. Что касается качества медицинского образования, получаемого в частных вузах, то после проверки Рособнадзора в 2024 году частных медвузов нарекания возникли ко всем проверенным организациям. Для решения вопроса о качестве медицинского образования российские законодатели предлагают выдавать лицензию на осуществление образовательной деятельности только после заключения Росздравнадзора о соответствии кадрового обеспечения и материально-технической базы образовательных организаций требованиям федеральных стандартов и типовых дополнительных профессиональных программ. При этом в Законопроекте о повышении качества медицинского образования³⁰, внесенном в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации предлагается уполномочить Министерство здравоохранения не только составить все программы для обучения специалистов медицинского дела, но и осуществлять контроль за обучением в вузах этого профиля, несмотря на их подведомственность и форму собственности³¹.

Среди других нововведений Законопроектом предусматривается: проводить жесткий контроль образовательных организаций со стороны уполномоченных государственных органов, установить запрет на применение исключительно электронного обучения и дистанционных образовательных технологий при реализации основных программ как среднего, так и высшего медицинского и фармацевтического образования, а также проводить повышение квалификации врачей в госучреждениях за счет средств государства.

Определенные проблемы создает недостаточное урегулирование в российском законодательстве, в отличие от законодательства КНР, отношений в сфере народной медицины. Базовый для осуществления медицинской деятельности Закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» содержит только одну статью 50, раскрывающую понятие народной медицины и порядок получения разрешения на ее осуществление. О требованиях к образованию народных медиков Закон умалчивает. Иными словами, специалисту, который занимается тем или иным видом народной медицины не нужно иметь классическое медицинское образование. Сейчас, в соответствии с вышеупомянутой статьей 50 Закона, разрешения на занятия народной медициной дают региональные Министерства здравоохранения, которые, как правило, требуют наличия образования по тому оздоровительному направлению, которым занимается народный целитель. Так в структуру Российского университета дружбы народов входит Институт Восточной медицины, где предлагаются разные направления и форматы обучения, в том числе основам китайской традиционной медицины (ТКМ). В самом Китае требования к образованию врачей ТКМ установлены, как Законом о ТКМ (ст. 33–37), так и Законом о врачах (ст. 11), и в обязательном порядке предусматривают наличие у претендента многолетней медицинской практики, эффективность которой должна быть подтверждена экспертизой компетентной комиссии, либо специализированным сертификатом и рекомендациями не менее двух практикующих врачей ТКМ. Думается, что в России необходимо законодательно укрепить позиции народной медицины и официально установить четкие требования к образованию в данной сфере по примеру Китая.

Заключение

Медицинское образование – одно из наиболее перспективных направлений сотрудничества Китайской Народной Республики и Российской Федерации. Научное и образовательное сотрудничество занимает одно из приоритетных мест в развитии всего комплекса российско-китайских отношений, всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

³⁰ Законопроект № 656009-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (в части повышения качества медицинского образования). – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/656009-8?ysclid=m7jgqap9wz709938551> (дата обращения: 24.02.2025).

³¹ Парламентская газета. – 21.01.2025. – URL: <https://www.pnp.ru/social/bez-distanta-i-s-klinicheskoy-bazoy-chto-izmenitsya-v-medobrazovanii.html?ysclid=m7hjemw7vf482757598> (дата обращения: 25.02.2025).

В условиях, стоящих в настоящее время перед Китаем и Россией вызовов, ответы на которые заключены в потенциале народов наших стран, вопросы здравоохранения приобретают исключительную остроту. От уровня подготовки кадров в сфере здравоохранения напрямую зависит качество оказываемой медицинской помощи людям, а значит, их здоровье. Важно сделать все, чтобы граждане получали лечение у квалифицированных специалистов.

На основе сравнительно-правового анализа современного состояния медицинского образования в Китае и России, очевидно, что внутринациональное правовое регулирование должно сочетаться с надгосударственным регулированием, что предполагает тесное взаимодействие национального законодательства с международным законодательством.

Сотрудничество КНР и РФ в сфере медицинского образования реализуется в рамках деятельности различных форм международного взаимодействия государств, в том числе в рамках интеграционных образований, как ШОС и БРИКС, основанных на истинном равноправии, привязанных к цивилизационным особенностям народов и континентов.

Китай и Россия, как государства не западного мира, осуществляют сотрудничество на собственной цивилизационной основе.

Сотрудничество Китая и России в сфере медицинского образования способствует формированию единого взгляда на актуальные вопросы, позволяют двум дружественным странам совместно реализовывать смелые научные и образовательные проекты. В то же время, поскольку имеет место несогласованность образовательной политики, необходимо скорректировать и синхронизировать организационно-правовыми средствами уровни медицинского образования.

Российско-китайское сотрудничество в области медицинского образования можно интенсифицировать на основе расширения географии взаимодействия китайских и российских медицинских вузов и научных центров, а также программ стажировок специалистов. Развитие сотрудничества позволит создать единое научно-образовательное пространство в рамках сотрудничества медицинских вузов России и Китая, где будут создаваться единые учебные программы, применяться единые подходы к подготовке студентов.

В 2025 году Россия отмечает 80-летие Победы в Великой Отечественной войне, когда Советский Союз и Китай были верными союзниками в достижении общей Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом. При этом следует особо отметить великий подвиг советских врачей, фельдшеров, медсестер, санинструкторов, высокий профессионализм и подготовленность которых позволили не только сохранить жизнь и вернуть здоровье раненым и больным бойцам, но и дали возможность им, а это около 17 млн человек, вернуться в строй и продолжить священную борьбу за освобождение своей Родины и всего мира. Как справедливо и глубоко отмечал маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский – «Войну мы выиграли ранеными...».

Список литературы

1. Лю Г. Д., Ванг Н., Ванг Х. М. et al. Военно-медицинские исследования внутренних болезней в современной войне: новые концепции, требования, вызовы и возможности. Военно-медицинское исследование. – 2021. – № 8 (20). – URL: <https://doi.org/10.1186/s40779-021-00313-8> (дата обращения: 25.02.2025).
2. Гребнев Р. Д. Глобальное право как формирующееся направление правового регулирования международных отношений в многополярном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. – 2024. – № 1. – С. 23–38. DOI: 10.56429/2414 4894 2024 47 1 23 38 (дата обращения: 25.02.2025).
3. Ikejiaku Brian-Vincent, 2023. International Law and Sustainable Development: Grounds for Cancellation of Africa Debts <https://ideas.repec.org/a/bpj/lawdev/v16y2023i2p385-411n6.html> DOI:10.1515/ldr-2023-0052 (дата обращения: 25.02.2025).
4. Шумилов В. М. О «Глобальном праве» как формирующейся правовой суперсистеме / В. М. Шумилов // Московский журнал международного права. – 2015. – № 4(100). – С. 4–17. – EDN XBIFKR.
5. Liu Z., Wang Z., Xu M. et al. The priority areas and possible pathways for health cooperation in BRICS countries. glob health res policy. – 2023. – № 8, 36. – URL: <https://doi.org/10.1186/s41256-023-00318-x>
6. Тирских М. Г. Сопряжение международного и наднационального правового регулирования: постановка проблемы / М. Г. Тирских, Г. В. Дружинин // Сибирский юридический вестник. – 2023. – № 1(100). – С. 118–123. – DOI 10.26516/2071-8136.2023.1.118. – EDN KLAGKV.

7. Юнхуа Чжао. Русская пресса в Китае. 1898–1956. – Москва: Шанс, 1917. – 399 с.
8. Тихонова Н. К. Здравоохранение Китая и России. Общность, различия и сотрудничество / Н. К. Тихонова, А. Р. Калинина // Медицина и организация здравоохранения. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 26–36. – DOI 10.56871/MHCO.2023.70.59.003. – EDN OOCiHL.
9. Лукина А. В. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. – Москва: Весь Мир, 2013.
10. Tan X., Wu Q. & Shao, H. Global commitments and China's endeavors to promote health and achieve sustainable development goals // J Health Popul Nutr. – 2018. – № 37(8). – URL: <https://doi.org/10.1186/s41043-018-0139-z> (дата обращения: 25.02.2025).
11. Гамбург А., Хаонань Джия, Яменг Ванг, Руохуй Чен, Мингли Джиао. Сравнительный анализ подходов к реализации образовательных стандартов высшего медицинского образования в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Медицинское образование и вузовская наука. – 2019. – № 2 (16). – С. 16–19.
12. Денисова Р. Р. Модели подготовки медицинских работников в Китае / Р. Р. Денисова, Х. Лю // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 09 июня 2023 года / отв. ред. А. М. Бадонов. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2023. – С. 72–75. – DOI 10.18101/978-5-9793-1869-1-72-75. – EDN HNFNIC.
13. HOU Jianlin et al. Global Engagement of Health Professions Education Programs in China: Trends over a Five Year Period. Medical Research Archives, [S. l.]. – V. 12. – N. 10. – Oct. 2024. ISSN 2375-1924. Available at: <<https://esmed.org/MRA/mra/article/view/5919>> (Date accessed: 24 feb. 2025). – doi: <https://doi.org/10.18103/mra.v12i10.5919>.
14. Колонтаевская И. Ф. Теоретико-правовые проблемы правового статуса и правосубъектности медицинских организаций / И. Ф. Колонтаевская // Устойчивое развитие: геополитическая трансформация и национальные приоритеты: материалы XIX Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. В 2-х томах, Москва, 30–31 марта 2023 года / отв. ред. выпуска: А. В. Семёнов, П. Н. Кравченко. Т. 1. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2023. – С. 1014–1020. – EDN IVSPBR.
15. Wang W. Medical education in china: progress in the past 70 years and a vision for the future // BMC Med Educ. – 2021. – No. 21, 453. – URL: <https://doi.org/10.1186/s12909-021-02875-6>

References

1. Liu G.D., Wang N., Wang H.M. et al. Military medical research of internal diseases in modern warfare: new concepts, requirements, challenges and opportunities. Military Medical Research. – 2021. – No. 8 (20). <https://doi.org/10.1186/s40779-021-00313-8> (date of reference: 02/25/2025).
2. Grebnev R. D. Global law as an emerging area of legal regulation of international relations in a multipolar world // Vestn. Moscow time. un-ta. Ser. 27. Global studies and geopolitics. – 2024. – No. 1. – Pp. 23–38. DOI: 10.56429/2414 4894 2024 47 1 23 38 (date of request: 02/25/2025).
3. Ikejiaku Brian-Vincent, 2023. International Law and Sustainable Development: Grounds for Cancellation of Africa Debts. – URL: <https://ideas.repec.org/a/bpj/lawdev/v16y2023i2p385-411n6.html> DOI:10.1515/ldr-2023-0052 (accessed: 02/25/2025).
4. Shumilov V. M. On “Global Law” as an emerging legal supersystem / V. M. Shumilov // Moscow Journal international law. – 2015. – No. 4(100). – Pp. 4–17. – EDN XBIFKR.
5. Liu Z., Wang Z., Xu M. et al. The priority areas and possible pathways for health cooperation in BRICS countries. glob health res policy. – 2023. – No. 8, 36. – URL: <https://doi.org/10.1186/s41256-023-00318-x>
6. Tirsikh M. G. Coupling of international and supranational legal regulation: problem statement / M. G. Tirsikh, G. V. Druzhinin // Siberian Law Bulletin. – 2023. – No. 1(100). – Pp. 118–123. – DOI 10.26516/2071-8136.2023.1.118. – EDN KLAGKV.
7. Yunhua Zhao. The Russian press in China. 1898–1956. – Moscow: Chance, 1917. – 399 p.
8. Tikhonova N. K. Healthcare in China and Russia. Community, differences and cooperation / N. K. Tikhonova, A. R. Kalinina // Medicine and healthcare organization. – 2023. – Vol. 8, no. 2. – Pp. 26–36. – DOI 10.56871/MHCO.2023.70.59.003. – EDN OOCiHL.

9. *Lukina A. V.* Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects of development of Russian-Chinese relations. – Moscow: The Whole World, 2013.
10. *Tan X., Wu Q. & Shao, H.* Global commitments and China's endeavors to promote health and achieve sustainable development goals // *J Health Popul Nutr* – 2018. – No. 37(8). – URL: <https://doi.org/10.1186/s41043-018-0139-z> (accessed: 02/25/2025).
11. *Hamburg A., Haonan Jia, Yameng Wang, Ruohui Chen, Mingli Jiao.* Comparative analysis of approaches to the implementation of educational standards of higher medical education in the Russian Federation and the People's Republic of China // *Medical education and university science*. – 2019. – No. 2 (16). – Pp. 16–19.
12. *Denisova R. R.* Models of training medical workers in China / R. R. Denisova, H. Liu // *Social security and social protection of the population in modern conditions: Proceedings of the International Scientific and practical conference, Ulan-Ude, June 09, 2023 / The responsible editor is A. M. Badonov*. – Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University, 2023. – Pp. 72–75. – DOI 10.18101/978-5-9793-1869-1-72-75. – EDN HNFNIC.
13. *HOU Jianlin et al.* Global Engagement of Health Professions Education Programs in China: Trends over a Five Year Period. *Medical Research Archives*, [S. l.]. – V. 12. – N. 10. – Oct. 2024. ISSN 2375-1924. Available at: <https://esmed.org/MRA/mra/article/view/5919> (date accessed: 24 feb. 2025). doi: <https://doi.org/10.18103/mra.v12i10.5919>.
14. *Kolontaevskaya I. F.* Theoretical and legal problems of the legal status and legal personality of medical organizations / I. F. Kolontaevskaya // *Sustainable development: geopolitical transformation and national priorities: Proceedings of the XIX International Congress with elements of a scientific school for young scientists. In 2 volumes, Moscow, March 30-31, 2023 / Editors of the issue: A. V. Semenov, P. N. Kravchenko*. – Vol. 1. – Moscow: Witte Moscow University, 2023. – Pp. 1014–1020. – EDN IVSPBR.
15. *Wang W.* Medical education in china: progress in the past 70 years and a vision for the future. *BMC Med Educ*. – 2021. – No. 21, 453. – URL: <https://doi.org/10.1186/s12909-021-02875-6>

Статья поступила в редакцию: 06.01.2025

Received: 06.01.2025

Статья поступила для публикации: 10.03.2025

Accepted: 10.03.2025

Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 1 (45)' 2025

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор *Альтенгоф А. А.*

Компьютерная верстка *Савеличев М. Ю.*

Переводчик *Грибов В. В.*

Электронное издание.

Подписано в тираж 24.04.2025.

Печ. л. 12,8. Усл.-печ. л. 11,9. Уч.-изд. л. 8,8.

Объем 3,9 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 25-0004.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С. Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.